

INSPIRIA

18+

ЛАУРЕАТ
НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ

МО ЯНЬ

Перевод
Игоря Егорова

Смерть пахнет
сандалом

INSPIRIA

Loft. Лучшие произведения Мо Яня

Мо Янь

Смерть пахнет сандалом

«ЭКСМО»

2001

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

Янь М.

Смерть пахнет сандалом / М. Янь — «Эксмо», 2001 — (Loft.
Лучшие произведения Мо Яня)

ISBN 978-5-04-198686-5

Новый роман Нобелевского лауреата 2012 года и величайшего китайского писателя современности Мо Яня в новом красочном оформлении!

Невыносимо прекрасный роман о героической смерти народного певца, приговоренного к страшной казни сандалового дерева, во время которой человек должен несколько дней испытывать муки, прежде чем испустить дух. Удушающе величественная атмосфера Китая начала XX века, перемешанная с полусказочными образами и симфонией ужаса.

УДК 821.581-31

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-198686-5

© Янь М., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Книга I. Голова феникса	6
Глава 1. Пустая болтовня Мэйнян	6
1	6
2	9
3	13
4	16
5	19
6	21
7	24
Глава 2. Бахвальство Чжао Цзя	28
1	28
2	39
3	40
Глава 3. Глупые бредни Сяоцзя	46
1	46
2	51
3	55
Глава 4. Негодование Цянь Дина	62
1	62
2	69
3	71
4	74
Книга II. Брюхо свиньи	76
Глава 5. Бой борол	76
1	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Мо Янь Смерть пахнет сандалом

Mo Yan
The Sandalwood Torture

© Егоров И., перевод на русский язык, примечания, 2024
© Батыгин К., перевод на русский язык, примечания, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Книга I. Голова феникса

Глава 1. Пустая болтовня Мэйнян

Солнце вскинулось ярким багрянцем (словно восточный край Неба озарил пожар). Прибыли с бухты Цзяочжоу немецкие войска (сплошь рыжебородые и зеленоглазые мужлань), стали в поле сооружать железную дорогу, перекопав могилы всех наших предков (ну как здесь не воспылать праведным гневом?!). Отец родной повел людей против немцев. Бах! Бум! Не стихали пушки (от грохота уши отказывались слышать). А глазам открывалось лишь залитое алым цветом столкновение противников. Взметались мечи, махали топоры, ударяли вилы. Весь день лилась кровь, не сосчитать было перебитых людей (ах, как перепугалась ваша покорная слуга!). Вот и посадили моего батюшку в камеру для смертников, а названный отец назначил ему (моему родному отцу!) пытку сандалового дерева!

Отрывок из маоцянь «Казнь сандалового дерева», «Песнь о великой скорби»

1

На рассвете того дня моему свекру Чжао Цзя и во сне не могло присниться, он и думать не мог, что через семь дней умрет от моей руки, смертью, более бесславной, чем у старого пса, верного своему долгу. Я даже подумать не могла, что такая простая девка, как я, сможет удержать острый клинок и убить собственного свекра. Впрочем, тем более я представить себе не могла, что свекор, свалившийся на меня будто бы с неба полгода назад, окажется заплечных дел мастером, способным убить человека и глазом не моргнуть. Свекор мой носил маленькую шапочку с кисточками, похожую на дынную корку, длинный халат и куртку поверх него, крутил четки в руках, прогуливаясь по двору. Процент на восемьдесят он напоминал официально отошедшего от дел чиновника, процент на девяносто – почтенного отца семейства, чей дом полон детей и внуков. Но он не почтенный отец семейства и тем более не чиновник, свекор мой – главный палач судебного зала столичного министерства наказаний, первый клинок Великой Цинской империи, мастер рубить головы, знаток жестоких наказаний прошлых эпох, а также специалист по изобретению и изготовлению орудий пыток. В министерстве наказаний он служил почти сорок лет и голов напоотрубал, как он сам говорил, больше, чем собирают в год арбузов во всем уезде Гаоми.

Вечером того дня мне было тревожно на душе и не спалось. Я ворочалась на лежанке-*кане*¹ туда-сюда, как большой блин. Мой отец Сунь Бин был брошен в тюрьму по приказу начальника уезда Цянь Дина, последнего сукина сына, человека предельно распущенного в своей беспощадности. Какой бы он ни был плохой, Сунь Бин же мне отец, вот на душе кошки и скребут, и сон не идет. Чем дольше не спится, тем тоскливей на душе, чем тоскливей на душе, тем больше не до сна. Слышу, как мясные псы хрюкают за оградой, как жирные свиньи лают в хлеву. Свиньи лают, как псы, собаки хрюкают, как свиньи. Смерть их близка, а они еще и представление устраивают. Хрюкающая собака – все равно собака, а лающая свинья остается свиньей. Вот и отец неродной – все же отец. Хрю-хрю-хрю. Гав-гав-гав. Как же надоели эти

---

¹ *Кан* – подогреваемая кирпичная или глиняная лежанка в Северном Китае. На канах спят, сидят и едят. – Прим. ред.

звуки, докучают они мне. Понимают, твари, что скоро им конец. Смертный час отца тоже не за горами. Такие вещи звери чувствуют острее, чем люди, ощущают разносящийся с нашего двора запах крови, видят, как прогуливаются в лунном свете стаи собачьих душ и стада свиных духов. Знают, что завтра рано утром, когда заалееет солнце, им настанет время свидеться с *Янь-ваном*². Они беспрестанно кричат, издают вопли перед гибелью. А как ты, батюшка, там, в камере смертников? Хрюкаешь ли, лаешь ли? Или заходишься «кошачьими» ариями из *маоцзян*?³ Слышала я рассказы тюремщиков, мол, в камере смертников достаточно протянуть руку, чтобы набрать целую пригоршню блох, а тамошние клопы жиреют, разрастаясь до размеров крупных горошин. Ах, батюшка, батюшка, вот и прошли твои счастливые дни, когда вокруг тишь да гладь. Ты и думать не думал, что свалится каменная глыба и всей тяжестью придавит тебя в камере смертников...

Клинок входит белым, а выходит красным. Мой муж Чжао Сяоцзя – большой мастер по части забоя собак и свиней, его хорошо знают во всем уезде Гаоми. Здоровенный, плешь на полголовы, гладкий подбородок, днем ходит одуревший, ночью лежит бревном. Со дня нашей свадьбы раз за разом слышу от него сказку про усы тигра, ему еще мать ее рассказывала. Не знаю уж, какие подлецы так будоражат Сяоцзя из раза в раз, но в ночи он все пристаёт ко мне, чтобы я добыла ему выющийся золотистый волосок из усов тигра, который, если сунуть в рот, помогает распознать истинный облик человека. Пристаёт ночь за ночью, болван, просто рыбий пузырь какой-то, никакого сладу с ним нет. Пришлось сказать, что добуду. Этот дурак сворачивается в голове *кана*, храпит, зубами скрипит, да еще и приговаривает во сне: «Папка, папка, папка, смотри, смотри, смотри, яичко почеси, лапшу отбрось...» Надоел до смерти! Толкаешь его ногой, а он съезживается, переворачивается на другой бок, причмокивает языком, словно только что съел что-то вкусное, и продолжает бормотать, беспрерывно храпеть и скрипеть зубами. Ну его, слабоумного! Буду спать, не обращая на него внимания!

Согнувшись, я села, опираясь спиной о холодную стену, выглянула в окно, где расплескивается, как вода, и разливается по земле свет луны. Собачьи глаза в хлеву сверкают зеленоватым светом, как маленькие фонарики, одна пара, две, три... Много их. Печальную мелодию выводят осенние насекомые. Стуча деревянными подметками непромокаемых сапог, идет ночной сторож, улица выложена голубоватыми плитками, стучит колотушка, доносятся звуки гонга. Третья смена стражи⁴. Третьи стражи, глубокая ночь, кругом тихо. Весь город спит, только не спится мне, не спят и свиньи, не спят и собаки, не спит и мой отец.

Слышится хруст, это мышь грызет деревянный сундук. Швыряю в нее огрызком метлы, мышь убегает. В это время из комнаты свекра доносится слабый шорох. Опять катятся горошины по столу. Потом я узнаю, что старый хрыч считает не горошины, а человечьи головы; одна горошина – одна человечья голова. Ублюдок даже во сне думает вслух об отрубленных головах. Дрянь старая... Я вижу, как он поднимает меч, наносит удар сзади по шее отца, голова катится по улице, за ней бежит стайка ребятишек, детишки пинают голову. Чтобы избежать преследования ребятни, голова запрыгивает на ступеньки моего дома, потом закатывается во двор. Она кружит по двору, за ней с лаем бежит собака. У головы отца опыт большой, несколько раз собака чуть не укусила. Но сзади-то у башки еще есть коса, которая проходит наискосок и бьет собаке прямо в глаза. Собака воет и сама пошла ходить кругами. Избавившись от собаки,

² *Янь-ван* – владыка загробного мира по народным верованиям китайцев. – Здесь и далее по тексту прим. переводчика без указаний.

³ *Маоцзян* (букв. «прекрасные мелодии») – жанр традиционной музыкальной драмы (условно «оперы»), распространенный в окрестностях города Циндао провинции Шаньдун. В романе обыгрывается созвучие слога «мао» в значении «прекрасный» и слога «мао» в значении «кошка». – Прим. ред.

⁴ *Стражи* – примерно двухчасовые отрезки времени, на которые делилась ночь в Древнем Китае. Смена стражи происходила по бою гонга, по звукам которого и отмерялось течение времени.

голова отца стала кататься по двору, как огромный головастик плавает в воде. Длинная коса волочится сзади, как хвост...

От кошмарного сна меня пробудили колотушка и четвертая смена стражи. Я проснулась вся в холодном поту. Моих сердец стало множество, и все они страшно колошматили. Свекор все еще считал свои горошины, дрянь старая. Только теперь я поняла, почему он так страшит людей. От его тела веяло холодом, и это чувствовалось даже на расстоянии. Он прожил в своей выходящей на солнечную сторону комнате всего полгода, а там уже было холодно, как в могиле, так мрачно и страшно, что даже кошка не осмеливалась ловить там мышей. Я не решалась входить к нему, потому что вся покрывалась гусиной кожей. Когда Сяоцзя было нечего делать, он проникал в эту комнату, приставал к отцу, чтобы тот потчевал его сказками, надоедливый, как трехлетний ребенок. В самые жаркие летние дни он вообще не выходил из комнаты отца, даже со мной не спал. Отец у него был за жену, а я за отца. Чтобы не проданное за день мясо не завонялось, Сяоцзя подвешивал его на балку в отцовской комнате. Ну и кто скажет, что он дурачок? Кто скажет, что он не глупый? Когда свекор изредка выходил на улицу, даже злые кусачие собаки, повизгивая, забивались в уголки стен. Рассказывают еще более удивительные вещи: мол, однажды свекор похлопал ладонью большой тополь на улице, дерево задрожало беспрестанной дрожью так, что все листья зашелестели. Вспомнился мне собственный отец Сунь Бин. Батюшка, ты на этот раз заважничал, верно, как Ань Лушань⁵, переспавший с императорской наложницей Ян-гуйфэй⁶, или как Чэн Яоцзинь⁷, похитивший планы правителей Суй⁸. Это не предвещает ничего хорошего, трудно сохранить жизнь. Пришел на ум Цянь Дин, господин Цянь, выходец из *цзиньши*⁹, чиновник пятого класса, начальник уезда, без пяти минут помощник правителя области, отец родной для народа, мой названный отец, старый обезьяний дух этакий. Отвернулся от меня и не признает. Как говорится, не смотри на монаха, смотри на Будду, не гляди на рыбу, нужно еще на воду поглядеть. Эй, господин Цянь... Вдобавок к личным отношениям, когда я на эти три года стала женщиной, к которой ты мог забираться на *кан*, вспомни и о том, что за три года ты выпил у меня столько кувшинов подогретого желтого вина, съел столько пиал жирной собачатины, прослушал столько пропетых мной отчетливо и мелодично арий *маоцян*. Подогретое желтое вино, жирная собачатина, женщина, возлежащая на кане. Господин, я вам прислуживала лучше, чем прислуживают государю. Господин, я поставила на кон тело, что глаже сучжоуского шелка, слаще дыни, засахаренной в *гуаньдунском* сахаре¹⁰, и шла на все любовные игры, столько раз позволяла вам постичь истинно сущий Путь, столько раз давала вам возможность стать небожителем. Почему же ты не можешь быть милостивым к моему отцу? Почему ты вошел в сговор с этими немецкими дьяволами¹¹, которые схватили моего отца и сожгли мою родную деревню. Знай я, что ты такая дрянь безжалостная, вылила бы желтое вино в ночной горшок, закопала бы собачатину в свином хлеву, арии пела бы в глухую стенку, тело свое бросила бы псам...

⁵ *Ань Лушань* – китайский военачальник, который в середине VIII века возглавил восстание против династии Тан (618–907 годы). – *Прим. ред.*

⁶ *Ян-гуйфэй* – окутанная многими легендами и сказаниями наложница при дворе династии Тан. – *Прим. ред.*

⁷ *Чэн Яоцзинь* – китайский военачальник, служивший при династии Тан. – *Прим. ред.*

⁸ Династия Суй (581–618 годы). – *Прим. ред.*

⁹ *Цзиньши* – высшая ученая степень в системе китайских государственных экзаменов для занятия официальных постов. – *Прим. ред.*

¹⁰ *Гуаньдунский сахар* – сорт кускового сахара из солода и клейкого риса или других злаков.

¹¹ Порт Циндао провинции Шаньдун был передан в аренду Германии в 1898 году.

2

С беспорядочным стуком колотушки наступил рассвет. Я спустилась с *кана*, надела все новое, помыла лицо, напудрилась, наложила румяна, втерла в голову лавровое масло. Достала из котла разваренную собачью ногу, завернула ее в листья лотоса и сунула в корзинку. С корзинкой в руках вышла на улицу навстречу все еще льющемуся с запада лунному свету и по выложенной плиткой дорожке зашагала к уездной управе. С тех пор, как отца арестовали и заключили в тюрьму, я каждый день ходила навестить его, но так ни разу и не попала к нему. Цянь Дин, сволочь ты этакая! В прошлом, если меня не было три дня с собачатиной, ты посылал за мной Чунышэна, ублюдка мелкого, а теперь вообще стал прятаться, чтобы не встречаться со мной. А еще поставленные тобой перед воротами управы стражники с дробовиками и луками, которые всегда держались со мной особенно почтительно! Мелочь подлая! Прежде им не терпелось бухнуться на колени и отбивать земные поклоны. Теперь, морды собачьи, напускают на себя свирепый вид и норовят передо мной важничать. А ты еще взял да поставил перед воротами четырех немецких солдат с их чужеземными винтовками! Когда я с корзинкой приблизилась, они нацелили мне в грудь штыки. Скалятся во весь рот, но, похоже, не шутят. Эх, Цянь Дин, Цянь Дин, предатель ты, и с иностранцами якшаешься, рассердилась я на тебя. Гляди, сама отправлюсь в столицу и подам жалобу на высочайшее имя. Сообщу, что ты трескал собачье мясо на халяву, завладел чужой женой... Эх, Цянь Дин, я готова рискнуть и разбить голову о золотой колокол, чтобы с тебя содрали форму и открыли подноготную не знающего жалости подлеца.

Мне ничего не оставалось, как с корзинкой в руках удалиться от ворот. За моей спиной мелкие ублюдки, поставленные часовыми, презрительно захихикали. Ишь храбрецы! Пес неблагодарный, забыл, как вместе со своим папашей, который никак не умрет, в ноги мне кланялся? Если бы не я, смог бы ты, голодранец, торговец плетеными туфлями, занять место у уездной управы с дробовиком в руках и получать часть сезонного урожая? А ты, маленький попрошайка, ведь сидел на корточках у котла на улице в любые морозы! Не замолви я за тебя словечко, разве стал бы ты лучником? Это я за тебя хлопотала, позволяла полицейскому начальнику Ли Цзиньбао меня прицеловывать да по задку гладить, да и начальнику тюрьмы Су Ланьтуну меня по задку гладить да прицеловывать. А вы вон какие – смеете, глядя на меня, шуточки отпускать, презрительно посмеиваться в мою сторону, а на людей, кто побогаче, глазами собаки смотрите. Да Вас, выблядки собачьи, даже если бы и сплеховала, к мясу бы и не подпустила. Меня мертвецки пьяную не купишь за кувшин вина. Погодите, отдышусь вот, вернусь и разберусь с каждым.

Я оставила за спиной управу – чтоб ей пусто было – и побрела по выложенной плитами дороге домой. Батюшка, старый повеса, после сорока-пятидесяти ты неважно руководил трупой *маоцянь*, шатался по улицам, пел про императоров, генералов и сановников, изображал талантливых ученых и красоток, разыгрывал любовные трагедии, зарабатывал, сколько придется, елдохлых кошек и собак, пил водку и вино, ел и пил вдоволь, якшался со всяким сбродом, взбирался на холодные стены, чтобы спать на теплом *кане*, довольствовался большим счастьем и малым, вел беспечную жизнь небожителя, стремился пускать пыль в глаза, болтал чепуху, говорил то, что не осмелится сказать бандит с большой дороги, обделывал дела, на какие и разбойник не решится, в конечном счете оскорбил служителя в управе, вызвал гнев начальника уезда, батогами тебе всю задницу расквасили, но ты головы не склонил, чтобы признать себя побежденным, дрался со всеми. Бороденка у тебя повыдранная, как у ошипанного петуха, она что обрезанный конский хвост. С театральной труппой ничего не вышло, вот ты открыл чайную, дело хорошее, жил себе тихо-мирно. Кто ж знал, что ты, как говорится, пожалеешь розог и испортишь ребенка, позволишь жене болтаться, накликаешь беду. Вот ее

и полапали, ну, полапали и полапали. Ты же не стал молча сносить обиды и оскорбления, как добропорядочный человек, для которого пострадать – счастье, вытерпишь – пребудешь в мире. Поддавшись настроению, отлупил палкой немецкого инженера, чем и вызвал ужасные бедствия. Немцев даже император боялся, а ты – нет. Вот и накликать беду: деревня кровью умылась, двадцать семь душ погибло, в том числе младший брат и сестра, а также дочка. Но ты так разошелся, что на этом не остановился, сбежал на юго-запад провинции Шаньдун, завел дружбу с *ихэтуанями*¹², по возвращении возвел алтарь, вывесил флаги и палил из пушек, встал во главе бунтовщиков, собрал войско с самодельными ружьями и пушками на плечах, с широкими мечами и длинными пиками. Они разрушали железную дорогу, сжигали будки, убивали иностранцев, строили из себя героев, в конце концов так набедокурили, что уничтожили небольшой городок, причинили страдания народу, а ты сам оказался в тюрьме, живого места не осталось... Глупый батюшка мой, сердце твое заплывало свиным жиром. В какую пагубу ты угодил? Лиса-оборотень в тебя вселилась? Хорек одурманил? Пусть даже немцы своей железной дорогой испортили *фэньшуй* нашему северо-восточному краю – уезду Гаоми, преградили водные пути нашего края, но ведь испорчен *фэньшуй* не нашего дома, преградили водные пути не к нашему очагу. Зачем тебе нужно было лезть в жоаки? Вот и получилось, что попали в птицу высокого полета. Не зря говорят, что прежде чем переловить воров – поймай их предводителя. Или, если готовишь соевые бобы для всех, а котел у тебя взрывается, то беда только твоя. У тебя, отец, на этот раз большие проблемы: перепугался императорский двор, разгневались великие державы. Слышала я, что шаньдунский генерал-губернатор Юань Шикай, его превосходительство Юань, вчера вечером в паланкине с восемью носильщиками прибыл в уездную управу. Клодт, генерал-губернатор Цзяоао¹³, в полной форме с «маузером» на боку тоже ворвался в управу верхом на заморском скакуне. Стоявший на посту лучник Сунь Хуцзы шагнул вперед, чтобы преградить ему путь, но получил удар плетью от этого заморского дьявола и поспешил скрыться, но на его жирном ухе так и осталась красоваться рана шириной с палец. Нет, отец, на сей раз тебе не сбежать, твою круглую голову непременно выставят напоказ на открылке в форме иероглифа «восемь». Если даже Цянь Дин, его превосходительство Цянь, глядя мне в лицо, захочет отпустить тебя, то Юань Шикай, его превосходительство Юань, тебя не отпустит; если даже Юань Шикай, его превосходительство Юань, соизволит отпустить тебя, то генерал-губернатор Клодт не отпустит. Покоритесь воле Неба, батюшка!

Мысли мои мешались, пока я торопливо шла по мощеной дороге на восток, навстречу багровому солнечному диску. Из корзинки разносился аромат собачьей ноги. На зеленоватой плитке то тут, то там встречались лужицы крови. В моем смятенном состоянии я увидела катящуюся по улице голову отца. Ты катился, отец, и пел арию из оперы. Про «кошачью оперу» *маоцянь* говорят, что она напоминает вопли привязанной к колу женщины. Музыка изначально не особо выдающаяся, таковой ее сделал своим пением мой отец. Не знаю, сколько женщин Гаоми потеряли голову от его голоса, сладкого, как сочный арбуз. Своим голосом селезня он очаровал и мою покойную матушку, которая вышла за него замуж. А матушка была знатной красавицей у нас в Гаоми, даже на сватовство *цзюйжэня*¹⁴ по фамилии Ду не ответила, а решительно последовала за отцом, этим актеришкой без гроша за душой... Навстречу попался батрак семьи Ду, глухой Чжоу. Он шел с водой, изогнув спину, как сушеная креветка, и вытянув красную шею, с копной ослепительно-белых волос на голове и лицом, покрытым сверкающими капельками пота. Натужно пыхтя, он торопливо отмерял широкие шаги. Вода из ведер переливалась через край, оставляя у него за спиной связки жемчужинок. Я вдруг увидела, отец,

¹² *Ихэтуани* (букв. «отряды справедливости и согласия») боролись против вмешательства иностранных держав в дела Китая на рубеже XIX–XX веков. – Прим. ред.

¹³ *Цзяоао* – прежнее название города Циндао.

¹⁴ *Цзюйжэнь* – вторая по значимости ученая степень, которую можно было получить на государственных экзаменах в Китае.

что в одном из его ведер плавает твоя голова. Вода в ведре обрела багровый цвет. До меня донесся запах горячей крови. Такой же разносится, когда мой муж Чжао Сяоцзя вспаривает животы свиньям. Жуткое зловоние. Глухой Чжоу и думать не думал, что через семь дней, когда он пойдет на место казни приговоренного к смерти отца послушать *маоцзян*, пуля из «маузера» немецкого дьявола пробьет ему живот, и оттуда, как угорь, выскользнет цветастая кишка.

Проходя мимо меня, он с трудом поднял голову и оскалился в презрительной улыбке. Даже такой чурбан, как этот глухой, смеет презрительно смеяться в мою сторону. Батюшка, видать, на этот раз ты обречен, не говоря уже о Цянь Дине. Прибыл представитель императорского дома, так что твоей казни не избежать. Упадочное настроение вернулось, но сдаваться я не желаю. Батюшка, мы с тобой, не имея цели, будем действовать напропалую, как говорится, будем выдавать дохлую лошадь за живую. Полагаю, в данный момент начальник Цянь в компании прибывшего из провинции Цзинань Юань Шикая и примчавшегося из Циндао Клодта возлежит в гостевом доме при управе и покуривает опиум. Дождусь, пока Юань и Клодт укатят, еще раз нагряну в управу с собачатиной. Пусть только я увижу его, а там придумаю, как заставить его смиренно выслушать меня. Тогда уже не будет начальника Цяня, будет лишь старший внучок Цянь, который будет вертеться, как мне захочется. Больше всего я боюсь, батюшка, что тебя затолкают в арестантскую повозку и отправят под конвоем в столицу, и случится, как говорят, то, когда «умер единственный сын у старухи, а дядюшки нет»¹⁵. А если казнь будут проводить в уезде, то у нас будет на них управа. Сделаем козлом отпущения какого-нибудь нищего. Как говорится, украдем балки и заменим на бревна. Пусть слива засыхает вместо персикового дерева. Хотя вспомнишь, батюшка, как ты бессердечно к матушке относился, так мне не следовало бы спасать тебя ни в первый раз, ни во второй, ни в третий, а давно позволить тебе упокоиться, чтоб поменьше ты причинял женщинам горя. Но ты, в конце концов, отец мне. Нет неба, нет и земли, без курицы не будет и яйца, нет любви, нет и пьесы. Не будь тебя, не было бы и меня. Прохудившуюся одежду можно поменять, лишь отца не поменяешь. Вот впереди Храм Матушки-Чадоподательницы, поспешу-ка я обнять ноги Будды. Коли нездоров, обращаешься к врачу. Войду и попрошу Матушку-Чадоподательницу явить чудодейственную силу, спасти и сохранить тебя, обратить несчастье в удачу, вырвать тебя из когтей смерти.

В Храме Матушки-Чадоподательницы темно и гулко, в глазах помутилось, крошечная тьма. Лишь бьется о балку большая летучая мышь, а может, и не летучая мышь вовсе, а ласточка. Точно: ласточка. Глаза понемногу привыкли к темноте храма, и я увидела перед статуей Матушки-Чадоподательницы десяток развалившихся на полу нищих. От вони мочи, испускаемых газов и еще какой-то дряни меня чуть не вытошнило. Матушка-богиня, в чем-то ты, видать, провинилась, раз тебе приходится оставаться под одной крышей с этой стаей диких котов. Они потягивались, подобно змеям, выходящим из состояния оцепенения ранней весной, поочередно разминали зачехленные конечности, потом лениво один за другим встали на ноги. Их вожак Чжу Восьмой – с проседью в бороде, с воспаленными кругами под глазами – соорудил мне гримасу, сплюнул в мою сторону и заорал:

– Вот беда, неразбериха, глаз открыл, а тут крольчиха!

По его примеру и остальная шайка стала плевать в мою сторону и галдеть, как попугаи:

– Вот беда, неразбериха, глаз открыл, а тут крольчиха!

Мне на плечо молниеносно вспрыгнула мохнатая краснозадая обезьяна, напугала меня так, что чуть душа в пятки не ушла. Не дожидаясь, пока я приду в себя, эта тварь запустила лапу в корзинку и выудила из нее собачью ногу. Через мгновение она снова сидела на свечном столике, еще миг – и она перемахнула на плечо Матушки-Чадоподательницы. Пока она прыгала туда-сюда, железная цепь у нее на шее звенела, хвост, как метла, поднимал слои серой пыли, от которой в носу засвербело. «Апчихи!» Чтoб тебя, обезьяна вонючая, скотина челове-

¹⁵ В поговорке-иносказании слово «дядюшка» созвучно «спасению».

коподобная! А та уселась на корточки на плече Матушки и, оскалившись, впилась в собачью ногу. Беспорядочно елозя лапами, обезьяна измазала маслом весь лик Матушки. Матушка не сетовала и не сердилась, выносила все безропотно, сама великая доброта и великая скорбь. Но если Матушка даже обезьяну приструнить не может, как же она спасет жизнь моего отца?

Ах, батюшка, батюшка, отчаянный вы человек, вы как хорек, который пытается овладеть верблюдицей: всегда выбираете, где потруднее. Обрушившаяся беда потрясла небо и всколыхнула землю. Даже Цыси, вдовствующая императрица нынешней династии, знает ваше великое имя. Даже великий немецкий император Вильгельм осведомлен о деяниях ваших. Вы – человечка из простого народа, бродячий актеришка, который еще и заикается, – расшалились до такой степени, что и после падения считаете, что не зря прожили в этом мире. Как поется в той песне, «лучше прожить три дня кипучей жизни, чем тысячу лет дрожать от сдерживаемого гнева». Ты полжизни пел арии, батюшка, изображал на сцене жизнь других, а теперь наверняка хочешь рассказать о себе, играть и играть, пока в конце концов вся твоя жизнь не станет спектаклем.

Нищие окружили меня, кто-то тянул ко мне изъеденные язвами, сочащиеся гноем руки, кто-то оголял покрытый чирьями живот. Они верещали на все лады, кто громко, кто не очень, издавая странные звуки, одни что-то распевали, другие голосили, как родня по усопшему, были по-волчьи, кричали по-ослиному, ничего не разберешь, все в полном беспорядке, как куча куриных перьев.

– Сделай милость, сделай милость, сестра Чжао, Си Ши¹⁶ собачатинная ты наша. Пожалуй пару медяков, вернется два юаня... А не дашь, так и не надо, воздаяние будет сразу...

Под свои пронзительные вопли эти сучьи отродья стали кто щипать меня за ляжки, кто хватать за зад, а кто еще где лапал... Все норовили поймать рыбку в мутной воде, как говорится, по плети до тыквы добраться, поживиться по полной. Я хотела прорваться к выходу и убежать, но меня останавливали, хватая за руки и за талию. Я рванулась к Чжу Восьмому. Ну, погоди, Чжу Восьмой, я тебе сегодня задам. Чжу Восьмой поднял лежавший рядом бамбуковый шест и легонько ткнул меня в колено, под коленками все застыло, и я рухнула на пол. Чжу Восьмой презрительно усмехнулся:

– Жирная свинья налетела на ворота, кто же от дармовщинки откажется! Начальник Цянь, ребяташки, ест мясо, а вы бульону испейте!

Нищие накинудись на меня, повалили на землю и разом стащили штаны. В этот переломный момент я сказала:

– Чжу Восьмой, сукин ты сын, не по-мужски греть руки на чужой беде. Знаешь ли ты, что моего родного отца Цянь Дин в тюрьму упрятал, и его собираются обезглавить?

– А кто твой отец? – недовольно прикрыв воспаленные глаза, спросил Чжу Восьмой.

– Ты, Чжу Восьмой, с открытыми глазами посапываешь, делаешь вид, что храпишь!¹⁷ Все в Китае знают, кто мой отец, как ты можешь не знать? Мой отец – Сунь Бин из нашего северо-восточного края, мой отец – исполнитель *маоцзян* Сунь Бин, мой отец – Сунь Бин, который разбирал железную дорогу, мой отец – Сунь Бин, предводитель народа, сражавшегося с немецкими дьяволами! – Чжу Восьмой встал, сжал кулаки, приставил их к груди в малом поклоне и без передышки проговорил:

– Виноват, прости, хозяйюшка, нельзя винить темного человека! Мы тут знаем лишь, что Цянь Дин – твой названный отец, не ведали, что Сунь Бин – твой родной батюшка. Цянь Дин – ублюдок, а твой батюшка – герой! Твой батюшка силен духом, не побоялся выступить против заморских дьяволов по-настоящему, мы от всей души его почитаем. Если мы можем быть чем-

¹⁶ *Си Ши* – одна из четырех великих красавиц Древнего Китая. – Прим. ред.

¹⁷ Игра слов. «Храпеть» и «простоватый» созвучны в китайском языке.

то полезны, ты, хозяйюшка, только скажи. А ну, ребятки, на колени, земным поклоном просите прощения у хозяйюшки!

Толпа нищих все как один опустились на колени и стали отбивать мне поклоны, настоящие, со стуком и лбами в пыли. Они хором возопили:

– Всяческого благополучия хозяйюшке! Всяческого благополучия хозяйюшке!

Даже сидевшая на плече Матушки мохнатая обезьяна отбросила собачью ногу, оставляя грязные следы, прыгнула вниз и, вытянув лапы перед собой, стала в подражание людям кланяться, да так чудно, что всех рассмешила. Чжу Восьмой распорядился:

– Братки, чтобы завтра поднесли хозяйюшке пару жирных собачьих ножек.

– Не нужно, не нужно, – поспешила отказаться я.

Но Чжу Восьмой сказал:

– Давайте без церемоний, нашим ребяткам, что пойдут добывать собачьи ноги, это легче, чем прихлопнуть вошь на ширинке.

Нищие захихикали, у некоторых был полный рот желтых зубов, у других зияли дыры. Мне вдруг показалось, что эти нищие такие милые. У них такая интересная жизнь. Солнечные лучи, которые наконец полились от входа, теплым багряным светом осветили их улыбающиеся лица. В носу засвербело, из глаз потекли горячие слезы. Чжу Восьмой сказал:

– Хозяйюшка, хотите устроим налет на тюрьму?

– Нет, нет, – сказала я. – Ни в коем случае. Дело моего отца из ряда вон выходящее, у входа в тюрьму стоят стражники уездной управы, Клодт прислал еще отряд немецких дьяволов.

Чжу Восьмой распорядился:

– Семерочка Хоу, выйди-ка погуляй, будут новости, тут же сообщи.

– Повинуюсь! – ответил Семерочка Хоу. – Он поднял лежавший перед Матушкой гонг, взвалил на спину суму, свистнул: – Сыночек, пойдем с папой! – Мохнатая обезьяна сразу запрыгнула ему на плечо. Хоу ударил в гонг, затянул песню, и они ушли. Я подняла голову. От всего тела глиняной Матушки по-прежнему исходил свет, на мокром лице, похожем на серебряное блюдо, выступили капельки пота – Матушка явила себя, Матушка явилась! Матушка, оборони моего батюшку!

3

Я вернулась домой, окрыленная надеждой. Сяоцзя уже встал и точил во дворе нож. Он улыбнулся мне теплой и дружеской улыбкой. Я тоже улыбнулась ему тепло и по-дружески. Он попробовал нож пальцем, но остался недоволен остротой, опустил голову и продолжил работу. Из-под сермяжной рубахи долькой чеснока выпирало дюжее тело с черной порослью на груди. Я вошла в дом. Свекор сидел в полудреме с закрытыми глазами на сандаловом кресле с подлокотниками, украшенными резными драконами на спинке и инкрустированными золотой нитью. Кресло он привез из столицы. Свекор перебирал четки из сандалового дерева и что-то бормотал, не знаю, то ли славословия, то ли ругательства. В зале было сумрачно, только редкие лучи солнца проникали через оконный переплет, поблескивая золотом и серебром на его худом лице с глубокими глазницами, высокой переносицей и плотно сжатым ртом, похожим на шрам от меча. На короткой верхней губе и удлиненном подбородке ни волосинки, что тут удивляться слухам о том, что он вернулся из императорского дворца старшим евнухом. Волосы на голове уже поределели, требуется немало черных нитей, чтобы с трудом заплести косичку.

Он чуть приоткрыл глаза, и меня коснулась полоска ледяного света. «Вы уже поднялись, батюшка?» – спросила я. Он кивнул и продолжал бормотать, перебирая четки.

По заведенному несколько месяцев назад порядку я взяла роговой гребень, причесала свекру волосы и заплела косичку. Вообще-то это должна была делать служанка, но у нас в доме служанки не было. Невестки тоже свекра не причесывают. Если увидит кто, разве не заподозрят

в снохачестве? Я же была уверена в руках этого старого хрыча: ну позволяет себя причесывать, и ладно. На самом деле я сама приучила его к этому недостатку. Тем ранним утром, когда он только что вернулся и сам с ломаным гребнем в руках без всякого удовольствия причесывал себя, Сяоцзя, «почтительный сын», подошел и взялся за это дело сам, приговаривая:

– Отец, у меня волос на голове мало. Маленьким я слышал, как мама говорила, что это от стриющего лишая, на твоей тоже волос немного, – тоже, что ли, такая история?

Сяоцзя особым тактом не отличался, и старый хрыч, изобразив гримасу, сказал, что его наказание в том, что почтительный сын причесывает ему голову, это, мол, одно блаженство, потому что именно так, по всей видимости, Сяоцзя выщипывает щетину у мертвой свиньи. В тот день я только вернулась от начальника Цяня, и настроение было прекрасное. Чтобы порадовать отца и сына, я тут же предложила:

– Батюшка, давайте я причешу вас.

Послушно расчесала его волосенки, привязала черные нитки и заплела большую косу. Потом поднесла к его лицу зеркало. Он разгладил наполовину настоящую, наполовину поддельную косу, и в мрачных глазницах блеснули слезы. Такое случалось крайне редко. Сяоцзя дотронулся до его глаз и спросил:

– Отец, вы плачете?

Свекор покачал головой:

– У ныне правящей императрицы есть специальный евнух для расчесывания, но она его услугами не пользуется, ее всегда расчесывает Ли Ляньин, начальник дворцовой стражи Ли.

Я не поняла, к чему он нам это сказал, а Сяоцзя, очарованный рассказами отца о пекинской жизни, пристал к нему с просьбой рассказать еще. Не обращая на него внимания, свекор достал из-за пазухи банкноту и передал мне:

– Невестка, купи пару *чжанов*¹⁸ заморской ткани, сшей себе что-нибудь, премного благодарен за то, что ухаживаешь за мной в эти дни!

На другой день я еще крепко спала на *кане*, когда меня разбудил Сяоцзя.

– Чего тебе? – рассердилась я. Сяоцзя уверенно и смело заявил:

– Вставай, вставай, отец ждет, чтобы ты причесала его!

На миг я замерла, чувствуя в душе невыразимое упрямство. Вот уж поистине: открываются врата добродетели – хорошо, а вот закрыть их трудно. Кем он меня считает? Старый хрыч, ты не императрица Цыси, а я не начальник дворцовой стражи. Причесала один раз твою высохшую, наполовину седую, вонючую собачью шерсть, а ты посчитал, что тебе выпала счастливая судьба возжигавшего лучшие ароматы восьми поколениям предков. Да ты просто кот, нажравшийся вонючей рыбы, или изведавший вкус хорошей жизни холостяк, которому хочется еще и еще. Считаешь, что дал мне бумажку в пять *лянов*¹⁹, и можно как угодно помыкать мною? Тьфу! Ты подумал, кто ты такой, и кто такая я? Еле сдерживая охвативший меня гнев, я спустилась с *кана*, собираясь высказать свекру всю злость, чтобы он оставил свои коварные замыслы. Но не дав мне даже раскрыть рот, старый хрыч поднял глаза на потолок и, словно разговаривая сам с собой, произнес: «Не знаешь, кто причесывает уездного начальника Гаоми?»

Я похолодела. Казалось, старик передо мной не человек, а призрак под человеческой личиной, иначе как бы он узнал, что я причесывала начальника Цяня. Озвучив свой вопрос, он выпрямил голову и сел в кресле прямо. Меня пронзили два мрачных луча света из его глаз. Раздражение тут же отпустило, я покорно подошла сзади и принялась расчесывать его псиную шерсть. При этом невольно вспомнились прекрасные, блестящие и гладкие, приятно пахнущие, лаково-черные волосы названного отца. Держа в руках жидкую косичку, смахивавшую на хвост плешивого осла, я невольно вспоминала увесистую и толстую, вроде саму по себе дви-

---

¹⁸ *Чжан* – мера длины, примерно 3,33 метра. – Прим. ред.

¹⁹ *Лян* – денежная единица, равная примерно 37,3 грамма чистого серебра. – Прим. ред.

гающуюся большую косу названного отца. Этой косой он проводил мне по телу от макушки до пяток, как сотней коготков. Касание приводило в смятение, будто изливалась каждая пора тела...

Что делать, расчесывай, сама приготовила горькое вино, сама его и пей. Я только начала расчесывать названного отца, а он протягивал руку и гладил меня, и, бывало, расчесывание еще не заканчивалось, а мы двое уже приникали друг к другу. Не верю, чтобы старый хрыч оставался спокойным. Ждала, когда он начнет карабкаться вверх по шесту. Только посмей, хрыч старый, сразу сделаю так, что заберешься и не спустишься. Когда дойдет до этого, будешь покорно слушаться меня. Когда дойдет до этого, я тебе голову расчесывать не буду, буду чесать твою штуковину. Ходят упорные слухи, что у старика за пазухой спрятано сто тысяч *лянов*. Рано или поздно ты их вытащишь для меня. Я надеюсь, что он начнет карабкаться вверх, но старый хрыч оказался довольно устойчив. Пока не карабкается. Не верю, что в Поднебесной есть коты, которые не едят тухлятину. Хрыч старый, посмотрю, как долго ты сможешь сдерживаться! Распускаю косичку, прохожусь гребнем по мягким спутанным прядям. Сегодня утром мои движения особенно нежны. Сдерживая тошноту, я поглаживаю мизинцами основания его ушей, трусь грудью о шею со словами: «Батюшка, моего родного отца арестовали и посадили в тюрьму. Вы, почтенный, бывали в столице, авторитет у вас огромный, не могли бы выступить в его защиту?» От старого хрыча ни звука, никакой реакции. Я знаю, со слухом у него все в порядке, лишь прикидывается глухим. Берусь за его плечи, повторяю сказанное еще раз. По-прежнему ни звука. Неожиданно солнечный свет скользнул, осветив латунные пуговицы на коричневой шелковой куртке свекра, потом его маленькие ручки, неторопливо перебирающие четки из сандалового дерева. Эти белые нежные ручки никак не соответствовали ни его полу, ни возрасту. Приложите меч к моей шее, я не поверю, не смею верить, что это руки, которые всю жизнь рубили головы мечом. Раньше я не могла в это поверить, а сейчас наполовину верю, наполовину нет. Я еще крепче прижалась к его телу и кокетливо проговорила: «Батюшка, мой отец совершил преступление, но вы бывали в столице, повидали мир великих, помогите принять решение!» Я вцепилась в его костлявые плечи, опустила ему на шею свои увесистые титьки. Из моего рта один за другим лились чарующие звуки. Когда я так ластилась к Цянь Дину, начальнику Цяню, у того сразу размягчались кости, немели мускулы, и он делал все, что я захочу. Но эта старая образина – просто каменное яйцо какое-то, которое не берет ни масло, ни соль. Даром, что мои груди, которые мягче дыньки, прыгают во все стороны, а волны моего распутства вздымаются выше Храма Золотой горы²⁰. Старик остается недвижимым и бессловесным. И вдруг я замечаю, что маленькие ручки перестали перебирать четки, что эти пухлые ручонки слегка задрожали. Я безумно обрадовалась: не выдержал, в конце концов, старый хрыч? Жаба под ножкой кровати продержится недолго. Когда ты заставил меня расчесывать твою собачью голову, я не думала, что удастся вытащить у тебя из-за пазухи пачку денег, что ты еще посмеешь шантажировать меня связью с господином. «Батюшка, помоги придумать, как быть!» И продолжала кокетничать у него за спиной. Вдруг послышался холодный смешок, похожий на крик дикой кошки из черной сосновой рощицы посреди заброшенного поля в безлунную ночь, и сердце затрепетало от ужаса. Тело обьяло морозом, все мысли и надежды исчезли незнамо куда. Человек ли этот старый хрыч? Может ли человек издавать подобный смех? Нет, он не человек, он демон, точно. Он и не мой свекор, я живу с Чжао Сяоцзя десять с лишним лет, и он никогда не говорил, что у него есть какой-то обретающийся в столице отец. Не только он не говорил, не поминали об этом во всем разбирающиеся, много видевшие и много знавшие соседи. Он мог быть кем угодно, только не моим свекром. Да и лицом несколько не походит на моего мужа. Ты, наверное, дрянь старая, дикий зверь в человеческом обличье? Другие боятся вас, всей этой нечисти, а я не боюсь. Погоди вот, в загоне есть

²⁰ По-китайски – храм *Цзиньшансы*. – Прим. ред.

черный как смоль пес. Скажу Сяоцзя, чтобы убил его, наберу таз крови этого пса, неожиданно вылью тебе кровь на голову, и выявится твой бесовский облик.

4

На Праздник Чистого света²¹ моросил мелкий дождь, между небом и землей клочками ваты неторопливо плыли серые облака. Рано утром вслед за нарядно одетыми мужчинами и женщинами я вышла из Южных ворот города. В тот день у меня был с собой бумажный зонтик, на котором был изображен Сюй Сянь, встречающий на озере Белую Змейку²², а гладко причесанные волосы заколоты зажимом в виде бабочки. На лице тонкий слой пудры, румяна на щеках, на переносице – мушка размером с горошину, на губах – красно-вишневая помада. Одетая я была в розовую батистовую кофту и бирюзовые батистовые штаны. Иностранцы – люди скверные, но ткани у них отличные. На ногах у меня были туфли из зеленого шелка с вышитыми желтыми уточками-мандаринками и розовыми цветками лотоса. Не будут смеяться, что ноги большие? А вы посмотрите: большие ли у меня ноги? Я незаметно глянула в ртутное зеркало. Оттуда смотрела прелестная красотка с искрящимися глазами. Сама себе нравлюсь, почему же не понравлюсь всем этим мужчинам? Хотя из-за положения отца на душе кошки скребут, но, как говорит названный отец, чем горше на душе, тем больше радости должно быть на лице, нельзя, чтобы люди видели, что у тебя что-то не так. Ладно, ладно, ладно, смотрите, смотрите, смотрите, сегодня мне нужно помериться красотой с женщинами города Гаоми, доказать, что любые барышни из семей *цзюйжэней*, любые дочери академиков «*Ханьлин*»²³ не стоят даже пальца моей ноги. Мой единственный недостаток – большие ноги, и все из-за того, что моя матушка умерла рано, и некому было бинтовать их, вот и болит душа, когда речь заходит о ногах. Мой названный отец говорит, что ему нравятся женщины с нормальными ногами, к нормальным ногам и интерес естественный. Забравшись на меня, он любит, когда я колочу его пятками по задку. Колочу, а он громко кричит:

– Ножки большие – слитки золотые, маленькие ножки – копытца да рожки...

Хотя мой родной отец в то время заклинал духов и поставил у нас на северо-востоке алтарь, готовясь встретить вооруженных немцев, и хотя мой названный отец из-за дел моего родного отца пребывал в беспокойстве и смятении, безрадостный из-за двадцати семи убиенных душ, в Гаоми все было тихо и мирно. Казалось, произошедший на северо-востоке Поднебесной кровавый инцидент не имеет к обитателям уездного города никакого отношения. Мой названный отец начальник Цянь приказал возвести на военном плацу за Южными воротами высокие качели из пяти толстых и прямых еловых бревен. Вокруг качелей собрались парни и девушки со всего города. Девушки разряжены в пух и прах, у парней косы расчесанные, гладкие и блестящие. Раздаются радостные возгласы и смех. Ко всему этому примешиваются лоточки, возглашающие:

Засахаренные фрукты, тыквы-горлянки!
Семечки, арахис!

Сложив зонтик из промасленной бумаги, я пробралась в гущу толпы, огляделась по сторонам и заметила барышню из семьи Ци, которая, по слухам, обладала литературным талантом и писала стихи. Ее сопровождали две служанки. Пышно разодетая – цветы и парча, голова в

²¹ Праздник Чистого света (Цинмин) – День поминовения усопших. – Прим. ред.

²² Сюй Сянь и Бай Сучжэнь («Белая змейка») – герои классической китайской истории о любви между человеком и белой змеей, обернувшейся прекрасной девой. – Прим. ред.

²³ Академия «Ханьлин» – отдельное учреждение, выступавшее в течение значительной части имперского периода канцелярией при правителях Китая. – Прим. ред.

жемчугах и самоцветах – она, к сожалению, родилась с вытянутой лошадиной физиономией, этакий безбрежно-белый солончак, где растут две тощие травинки вместо обычных бровей. Я обратила внимание также на шествующую под охраной четырех служанок дочь семьи Цзи из Ханьлинь. Эта дева, как говорили, была мастерицей-рукодельницей, умела играть на цитре, флейте и других музыкальных инструментах. Но – какая жалость! – со своим крошечным носиком, маленькими глазками и ушками она походила на хитрую пучеглазую мелкую сучку. Наконец, вышедшие погулять шлюхи с Карминной улочки шли, хихикая и вихляя бедрами. Вылитая стая обезьян. Посмотрела я на всех спереди и сзади, слева и справа, выпятив грудь и задрав голову. Незрелые юноши впивались в меня глазами, разглядывая с головы до ног и с ног до головы. Разинутые темные ямы ртов, по подбородкам течет слюна. Посмеиваюсь, а в душе я была довольна! Сынки, внучата, раскройте глаза, возвращайтесь домой и смотрите свои прекрасные сны! Я сегодня и так проявила милосердие, дав вам полюбоваться на меня вдоволь. Эти детки долго стояли, как истуканы, но потом пришли в себя, взревели, будто гром грянул на ровном месте, а потом вразной по-дурачки загалдели:

Собачатинная Си Ши, первая в Гаоми!

Гляньте, личико что персик, талия – лоза, шея богомола, ноги журавля!

Выше пояса – захочешь помереть, ниже – страх такой, что лучше не смотреть.

Только вот у господина Цяня странный вкус, любит небожительниц с большими ногами.

Вздор не несите, у дороги попусту не болтайте, уши есть и у травы.

Донесут на вас, отволокут в управу, высыплют по сорок палок, И станет задница, как переваренная кочерыжка.

Что бы вы, мартышки мелкие, ни говорили, я сегодня сердиться не собираюсь. Что вы себе позволяете, если моему названому отцу что-то нравится?! Я пришла на качелях покачаться, а не слушать ваш вздор. На словах вы меня поносите, а в душе только и мечтаете попить моей мочи.

Качели оказались свободны: толстые сырые веревки покачивались под морозящим дождем в ожидании меня. Я отбросила зонтик – не знаю, может, его подобрали эти мартышки. Потом прыгнула вперед, как выскакивает из воды красный карп.

Двумя руками взялась за веревки, тело тоже взлетело вверх, ногами уперлась в подножку. Вот, посмотрите, детки, в чем преимущество больших ног! И громко закричала: «Раскройте глаза, сынки, сейчас я вам покажу, как нужно качаться».

Как раз в это время у качелей появилась толстая и глупая девица, не знаю, из чьей семьи, с чумазым лицом, огромной, как жернов, задницей, и ногами меньше водяного ореха. Хватает же наглости с таким-то телом лезть на качели? Вот уж поистине ящерица в нос залезла! Ни стыда ни совести. Ведь что такое качели? Качели – театр в воздухе, забираться на них значит устраивать представление, выставять напоказ фигуру и лицо, это лодочка в бурных волнах, это ветер, поток, это бешеное раскачивание, это возможность для женщин вволю пококетничать. Почему мой названный отец приказал возвести здесь на плацу качели? Думаете, он действительно так народ любит? Тьфу! Много о себе воображаете! На самом деле эти качели он построил специально для меня, это его подарок мне на праздник. Не верите? Сами у него спросите. Вчера вечером принесла ему собачатины. После очередных «тучек с дождем»²⁴ он обнял меня за талию со словами: «Сердце мое, сокровище, завтра Праздник Чистого света, названный батюшка построит для тебя на плацу качели! Батюшка знает, что ты играла на сцене в амплуа женщины-воина. Вот и покажешь им свои ножки, пусть не на всю провинцию Шаньдун, так на весь уезд Гаоми ты у меня прогремишь. Пусть эти простолюдины знают, какова названная дочка

---

²⁴ «Тучки и дождь» – эвфемизм на тему любовного соития.

у некоего Цяня, выдающаяся женщина, просто Хуа Мулань! ²⁵ Пусть поймут, что большие ноги гораздо красивее, чем маленькие. Некий Цянь хочет изменить старые нравы и обычаи, хочет, чтобы женщины Гаоми больше не бинтовали ноги».

– Названный батюшка, – сказала я, – из-за дела моего отца у вас на душе нерадостно. Чтобы защитить его, вы взяли на себя огромный риск, а раз вы нерадостны, то и я не в настроении.

Целуя мне ноги, названный батюшка проговорил: «Красавица Мэйнян, сердце мое, я и хочу по случаю празднования изгнать мрачный настрой во всем уезде. Мертвых не воскресить, а живым еще больше нужен дух веселья! Ты плачешь, никто тебе искренне не сочувствует, большинство смеется, глядя на тебя. Если ты станешь тверже, выпрямишься, станешь жестче, чем они, прямее, чем они, то они подчинятся тебе. Те, кто пишет строки и играет на сцене, могут написать о тебе книгу или создать о тебе спектакль. На качелях проявятся твои способности! Пройдет какое-то время, и в вашей опере *маоцян* наверняка появится молодая девушка Сунь Мэйнян, которая устраивает веселье на качелях!»

Ничего другого предложить не могу, только играть ногами с бородой названного батюшки, ну а если говорить о качелях, дочка вас не посрамит. Обеими руками я вцепилась в веревки, присела, согнула ноги, носками уперлась в подставку качелей, задрала зад, тело подала вперед, выставила грудь, подняла голову, выпятила живот, и качели начали разбег. Потянула веревки назад, вновь присела, согнула ноги, уперлась в подставку, снова выставила грудь, подняла голову, напрягла ноги. Заскрипели большие железные кольца на перекладине качелей. Качели стали раскачиваться. Раскачивались все выше, все быстрее, все круче, все с большей силой, размах все больше... От туго натянутых веревок разносился ветерок, железные кольца на перекладине пугающе скрипели. Я была на седьмом небе от счастья, руки превратились в крылья, грудь покрылась перьями. Когда качели долетали до самой высокой точки, мое тело воспаряло вслед за ними, высокая приливная волна вздымалась и в душе. Она то набегала, то спадала. Волна следовала за волной, каждая несла клочья пены. Большие рыбы гнались за маленькими, маленькие преследовали креветок. И раздавался шум моря... Ах, как высоко, действительно высоко, еще выше, еще... Тело вздымалось вверх, лицо касалось порхающих вокруг любопытных ласточек, их светло-желтых брюшков. Взлетев выше всего, я самодовольно возлежала на бесподобно мягком тюфяке, сотканном из ветра и дождя, сунулась головой в листву самого большого старого абрикосового дерева и под одобрительные возгласы из толпы кинула цветущую ветку... Какой вольный полет, как приятно! Я постигла дао, стала небожительницей... Потом позволила плотине прорваться, нахлынувшей воде отступить, волна за волной, клочок пены один за другим... Большая рыба тянет маленькую, маленькая волочит креветку... Вот все с шелестом и схлынуло. Я опускалась к нижней точке, потом вдруг резко взмывала вверх, напряженно поднимая и опуская голову. Веревки беспрестанно дрожали, тело оказывалось почти параллельно земле, глазам открывался свежий желтозем и багровые росточки молодой травы. Во рту благоухали цветки абрикоса, в носу стоял густой абрикосовый аромат.

Я забавлялась на качелях, и зрители на земле, все эти сынки, внучки и правнучки, отребье и бродяги раздухарились вслед за мной. Я взлетала вверх, они восторженно гудели; я возвращалась, они бойко галдели. Гул – взлет! Гам – возвращение! Вместе с мелким дождем под одежду забирался ветер, сладкий и соленый, похожий на мокрую бычью шкуру, он наполнял мне грудь, насыщал душу. Хотя с родным отцом случилось несчастье, выданная замуж дочь – что пролитая вода. Ты, батюшка, был сам по себе, вот и дочка зажила своей жизнью. Дома у меня искренний и честный муж, способный защитить от всяких напастей, на стороне есть любовник, влиятельный и могущественный, и в то же время ласковый и игривый. Хочешь вина – пей вино, хочешь мяса – ешь мясо; хочешь плачь, хочешь смейся, хочешь беспутствуй,

²⁵ *Хуа Мулань* (часто не совсем корректно Мулан) – легендарная девушка-воин.

хочешь скандал. Никто мне не указ, вот это счастье и есть! Это и есть счастье, которое мне дала мать, всю жизнь постившаяся и молившаяся, и то, что выпало мне в жизни. Спасибо Владыке Небесному. Спасибо государю императору и вдовствующей императрице. Спасибо начальнику Цяню. Спасибо моему наивному и чудному Сяоцзя. Спасибо начальнику Цяню за то, что он специально для меня велел смастерить это волшебство... Наверное, эти качели – настоящее сокровище, которое трудно найти на небе и невозможно сыскать на земле, снадобье от тоски, специально созданное для меня. Еще нужно поблагодарить тщательно скрытую на женской половине жену начальника Цяня, она не может рожать, уговаривала мужа взять любовницу, но он решительно отказался.

5

Пословица гласит: полноводный поток течет, полная луна на убыль идет, людям нравится не делать добрых дел, собаки любят бросаться за дерьмом. Когда я снискала большую известность на качелях, мой родной отец Сунь Бин встал во главе жителей Северо-Восточного Китая, которые с лопатами, мотыгами, двузубыми крюками, коромыслами, деревянными вилами, кочергами окружили домики немцев на железной дороге. Они перебили предателей-китайцев, захватили в плен трех иностранных солдат. Содрали с них одежду, привязали к большой софоре и помочились им в лицо. На построенном участке дороги выкорчевали деревянные столбики с указателями и сожгли, разобрали рельсы и бросили в реку, выкопали шпалы, растащили по дворам и покрыли ими свиные хлева. Сожгли и будки на построенном участке.

В самой высокой точке взлета качелей мой взгляд пересек стену, и я увидела весь город в домах, похожих на рыбу чешую. Мне открылась дорога перед управой, выложенная зеленоватой плиткой, многослойная черепичная крыша высоких палат, где обитал мой названный отец. Через парадную арку управы проследовал его паланкин с четырьмя носильщиками, впереди ударами гонга дорогу расчищал служитель в красной шапке и черной одежде, позади следовали две шеренги сопровождения, тоже в красных шапках и черных одеждах, с высоко поднятыми зонтами, веерами и табличками для приказов. За всей толпой и следовал собственно паланкин названного батюшки. Держась за шесты паланкина, за ним выступали двое охранников с мечами. Сзади следовали письмоводители шести отделов управы и выездные лакеи. Негромко прозвучали троекратные удары гонга, служащие управы издали устрашающий крик, носильщики перешли на быстрый семенящий шаг, почти не касаясь земли. Паланкин покачивался вверх и вниз словно лодочка на волнах.

Я пересекла взглядом город и обратила взор на северо-восток, где со стороны Циндао тянулась немецкая железная дорога – длинная змея с разможенной головой, которая кривилась и изворачивалась. Тьма-тьмущая людей разлилась в полях бледно-зеленым цветом весеннего разлива и, размахивая разноцветными флагами, роем устремила к железной дороге. Тогда я еще не знала, что во главе этой смуты был мой отец, знала лишь, что бездумно качаюсь на качелях. Я заметила, что на железной дороге, словно живые деревья, поднимаются столбы черного дыма, и вскоре оттуда стали доноситься приглушенные звуки.

Кортеж моего названного отца приближался, он понемногу продвигался к Южным воротам города. Все громче звучали гонги, все четче слышались выкрики, флаги повисли под дождем, словно пропитанные кровью собачьи шкуры. На лицах носильщиков я заметила капли пота, до меня донеслось их тяжелое дыхание. Пешеходы по обеим сторонам улицы торжественно останавливались, склонив головы и не смея болтать и шевелиться. Не было слышно даже известных своей злобой собак семьи первого по списку *цзюйжэня* Лу. Видать, авторитет названного отца как чиновника весомее священной горы Тайшань, раз даже эти скоты не смеют раскрыть пасть. На сердце стало горячо, там небольшой очаг, а на нем – маленький чайник с

вином. Дорогой названный батюшка, думаю о тебе всей душой! Окунуть бы тебя в это вино! И я с силой послала качели вверх. Пусть названный батюшка через занавески паланкина увидит мою прекрасную фигуру.

С качелей далеко видать, народу тьма-тьмушая – зависшая над землей черной тучей кожа земли²⁶. Не разберешь, кто там мужчины, женщины, старые, малые, не поймешь, кто есть кто, но от флагов рябит в глазах. Вы что-то кричите – на самом деле не разберешь, что именно, я лишь догадываюсь, что вы обязательно должны что-то кричать. Мой родной отец – родом из певцов, исполнитель *маоцян* во втором поколении. Эта опера, известная как «кошачьи мелодии» – изначально неприметное народное искусство, – усилиями отца развилась и приумножилась, стала известна от Лайчжоу на севере до Цзяочжоу на юге, от Цинчжоу на западе до Дэнчжоу на востоке – во всех четырех округах и восемнадцати уездах. Когда Сунь Бин горланил, женщины заливались слезами. Он вообще любил громко кричать. А если ведешь за собой войско, как тут без криков? Вид прекрасный, все видно как на ладони. Чтобы увидеть побольше, я изо всех сил раскачивала качели. А эти болваны внизу все думают, что я для них представление устраиваю. Аж самодовольно прыгают от радости. В тот день я оделась легко, да еще от тела исходит ароматный пот – названный батюшка говорит, что мой пот напоминает аромат розовых лепестков. Знаю, все сокровища моего тела проявляются со всей очевидностью: попка назад, титьки вперед – и толпа этих не годящихся ни на что слабаков поедает тебя взглядами. Холодный ветер забирается под одежду, завихряется под мышками. Звуки ветра, дождя, распускающихся цветов персика. Намокшие от дождя бутоны тяжелы. Крики служащих, скрип железных колец, выкрики лоточников, мычание телят – все слилось в одно. Это шумный праздник, цветущее третье число третьего месяца по лунному календарю. В юго-западном углу, где старые могилы, несколько седовласых старух жгут бумажные деньги. Над кладбищем ветерок поднимает клубы дыма, которые смешиваются друг с другом, как черные деревья с белыми. Из южных ворот наконец показывается кортеж названного батюшки, все зрители под качелями поворачивают головы. «Уездный начальник прибыл!» – раздалась возгласы. Кортеж названного отца сделал круг по плацу, служаки по-собачьи воодушевились, выпятили грудь и подобрали животы, вытаращив выпученные глаза. Вас, названный отец, я видела сквозь бамбуковые занавески паланкина, видела шарик и павлиньи перья на шапке, ваше квадратное багровое лицо. Борода у вас на подбородке из прямых и жестких волос, похлеще проволоки, опусти в воду, и то не поплывут. Эта ваша борода нас и связывает, как сброшенные Лунным старцем красные нити²⁷. Не будь такой у вас и у моего родного отца, где бы вы нашли такую сладкую названую дочь?

Служащие управы вдоволь продемонстрировали свое величие – а на самом деле, названный батюшка, ваше величие. Паланкин остановился у края плаца. Площадка со всех сторон окружена персиковым садом, деревья одно за другим начинали цвести, и в туманной мороси все вокруг окружала розовая дымка. Шагнув вперед, один из чиновников с коротким мечом за поясом раздвинул занавески паланкина и позволил моему названому батюшке выйти. Поправив шапку с шариком и перьями, батюшка потрянул рукавами в форме лошадиного копыта, сложил на груди сжатые кулаки в малом поклоне и зычным голосом обратился к нам: «Почтенные старики, горожане, с праздником!»

Это у вас все сделаное, названный отец. Вспомнилось, как вы забавлялись со мной в западном павильоне. Меня неудержимо стал разбирать смех. Вспомнилось, какие вам выпали невзгоды этой весной, и мне не удалось сдержать слез. Я остановила качели, держась за веревки и стоя на подножке. Сжав губы, с мокрыми глазами, с накатывающими в душе волнами горького, острого, кислого и сладкого, я стала смотреть, как названный отец разыгрывает комедию

²⁶ *Кожа земли* – образ угнетаемого чиновниками народа.

²⁷ *Лунный старец* – божество брака. Красные нити – брачные узы.

перед этими обезьянами. «В нашем уезде всегда поощрялась посадка деревьев, – говорил он. – Особенно приветствовалась посадка персиковых деревьев...»

Радостно подхватив его слова, стоявший позади староста дворов за южной стеной громко воскликнул:

– Уездный начальник подает личный пример. В этот погожий дождик на Праздник Чистого света он собственными руками посадит персиковое дерево на благо нас, простых людей...

Названный батюшка покосился на перебившего его старосту и продолжил:

– Горожане, поверните головы. За домами и пред ними, у края полей – везде персиковые деревья. Горожане, меньше занимайтесь пустяками, меньше ходите на базар, больше читайте книги, больше сажайте персиковые деревья. Не пройдет и десяти лет, как наш уезд Гаоми весь станет персиковым от посаженных деревьев, народ будет петь и плясать, празднуя прекрасную жизнь в великом благоденствии!

Названный батюшка продекламировал строфы, взял поданную мотыгу и выкопал лунку для дерева. Лезвие мотыги наткнулось на камень и высекло несколько больших искр. В это время к нему подкатился Чунышэн, особый выездной лакей при батюшке. Он суетливо отвесил поклон и запыхавшись доложил:

– Плохо дело, господин, плохо дело...

– Что такое? – строго спросил названный батюшка.

– Смутьяны северо-востока взбунтовались... – ответил Чунышэн.

Услышав эти слова, названный батюшка отшвырнул мотыгу, тряхнул рукавами и, пригнувшись, залез в паланкин. Носильщики подняли его и устремились бегом, за ними последовала толпа людей из управы, спотыкаясь, как стая бездомных псов.

Я стояла на качелях, провожая глазами кортеж названного отца, а в душе чувствовала несказанное огорчение. Ты, родной батюшка, такой прекрасный праздник испортил. В удрученном настроении я спрыгнула с качелей, смешалась с шумной толпой, терпеливо снося попытки бродяг выволить рыбку из мутного водоема, и не зная, то ли пройти в персиковый сад и полюбоваться цветами, то ли вернуться домой готовить собачатину. Как раз в тот момент, когда я не могла принять решение, ко мне стремительно подбежал болван Сяоцзя – лицо раскрасневшееся, глаза круглые – и стал лепетать толстыми губами, запинаясь:

– Мой отец, мой отец вернулся...

Вот диво дивное, свекор с небес свалился. Разве твой отец не умер давным-давно? Ведь от него больше двадцати лет ни слуху ни духу?

Лоб Сяоцзя покрылся потом, он так же запинаясь проговорил:

– Вернулся, правда, вернулся...

6

Мы с Сяоцзя, не останавливаясь, бежали домой. По дороге я, запыхавшись, раздраженно спросила, как ни с того ни с сего мог появиться какой-то отец? Скорее всего, это некий голодранец явился надуть нас. Все же интересно посмотреть, что это за нечистая сила. Рассердит он меня – возьму кочергу, сперва ноги переломаяю, потом доставлю названному батюшке в управу. Там разбираться не будут, сначала вломят ему пару сотен палок, чтоб живого места не осталось, чтобы обделался и обмочился. Тогда посмотрим, посмеет ли он походя выдавать себя за чьего-либо отца.

Сяоцзя останавливал всех подряд и с таинственным видом сообщал:

– Мой отец вернулся!

Люди при этом терялись в догадках, не в состоянии взять в толк, о чем речь, а он тут же кричал:

– У меня есть отец!

Мы еще не добежали до ворот, а я уже заприметила возле них коляску, запряженную парой лошадей. Вокруг нее толпились соседи по улице. В толпу протиснулось несколько детей с пучками волос на макушках. Лошади были гнедые жеребцы, толстые как свечи. На коляске лежал толстый слой желтой пыли, видать, этот человек проделал неблизкий путь. Народ смотрел на меня как-то странно, глаза поблескивали, как дьявольские огни на кладбище. Владелица мелочной лавки матушка У обратилась ко мне с притворными поздравлениями:

– Поздравляю, поздравляю! Вот уж поистине: счастье есть – не поспешай, счастья нет – повсюду край. Цайшэнь²⁸ благоволит к богатым и знатым, и так жизнь полыхает, а тут с неба еще сваливается богатый батюшка. Тетушка Чжао, жирная свинья в ворота летает, а во дворе – мулов и лошадей целое стадо. Поздравляю, поздравляю!

Я зыркнула на эту бабу, у которой рот что твой ночной горшок:

– Мелете что ни попадя, матушка У? Если у тебя в семье отца недостает, давай уводи, и вся недолга, мне ничуть не жалко!

– Вы что, серьезно? – хихикнула она.

– Конечно, серьезно, кто захочет забрать его, тот лошак, ослом зачатый и кобылой вскормленный!

Меня зло прервал Сяоцзя:

– Пусть кто-либо посмеет похитить моего отца, до смерти затрахую!

Круглое, как блин, лицо матушки У мгновенно покраснело. Эта нарочно распускающая слухи сплетница с языком, как помело, знала про мою любовную связь с начальником Цянем и в душе на этот счет хранила целый кувшин выдержанного уксуса, такого кислого, что зубы сводит. Заставила она меня скривить шею, вынудила Сяоцзя грязно выругаться, поставила нас в неудобное положение, потрепала языком и ушла. Я ступила на каменные ступени нашего дома и обратилась к собравшимся: «Уважаемые соседи, хотите посмотреть – заходите, не желаете заходить – катитесь отсюда, нечего стоять и глазеть попусту!» Толпа смущенно разошлась. Я эту компанию знаю, на словах – одни красоты, лебезят передо мной, а за спиной бранят, стиснув зубы, желая, чтобы я обнищала, пела на улицах и просила подаяние. С такими я, невзирая на лица, обращаюсь без всяких церемоний.

Ступив за ворота, я громко вскрикнула: «Божество каких высоких небес явилось нам? Откройте мне глаза!» А в душе думала: нельзя быть мягкой. Настоящий он отец или нет, нужно сперва показать ему свою власть, чтобы он понял, что хозяйка – человек суровый, и в будущем не самодурствовал. Посреди двора я увидела сияющее пурпурное кресло из сандалового дерева с высокой спинкой и подлокотниками да тощего старикана с маленькой торчащей колом косичкой, который нагнувшись, комком шелковой ваты тщательно обтирал сиденье от пыли. На самом деле кресло и так сияло, в него можно было смотреться, как в зеркало, и протирать его не было нужды. Услыхав мой крик, он неторопливо выпрямился, повернулся и окинул меня холодным взглядом. Мама дорогая, взгляд из этих запавших глазниц острее ножа, которым муж Сяоцзя колет свиней. Сяоцзя семенящей походкой подбежал к нему и, раскрыв в дурацкой улыбочке рот, подобострастно проговорил:

– Батюшка, а это моя жена, мне ее матушка сосватала.

Старый хрыч и в глаза мне не взглянул, что-то промямлил, не знаю уж, что он хотел сказать.

Тут с плетью в руке зашел попрощаться возница коляски, который наелся и напился в харчевне Ван Шэна напротив. Вынув из-за пазухи банкноту в один *лян*, старый хрыч передал деньги ему, отвесил малый поклон, приложив к груди ладонь на кулак, и отчетливо произнес:

– Счастливого пути, приятель!

---

²⁸ Цайшэнь – божество богатства.

Ух ты, у этого старого хрыча столичный говор, почти такой же, как у начальника Цяня. Возница глянул на номинал банкноты, и его страдальческое лицо тут же превратилось в цветочный бутон. Он отвесил один глубокий поклон, второй, третий, беспрерывно рассыпаясь в благодарностях:

– Благодарствую, барин, премного благодарен, премного благодарен...

Ого, старый хрыч, ты, видать, не из простых! Не скупится, похоже, точно при деньгах, вон куртка выпячивается, как пить дать, там банкноты. Тысяча *лянов* или того больше? Ладно, в наши дни у кого молоко, тот и мать, у кого деньги – тот и отец. Вот я и бухнулась перед ним на колени, звучно отбила земной поклон и как в опере пропела:

– Невестка почтительно представляется свекру!

Увидев меня на коленях, Сяоцзя тоже суетливо опустил на землю, со стуком отбил поклон, ни слова не говоря, только по-дурачки хихикая.

Старый хрыч не ожидал, что я вдруг разведу такие церемонии. Он был совсем сбит с толку. Свекор протянул одну за другой обе руки. Я так испугалась, что просто остолбенела, ох, что это были за руки... Казалось, он хочет помочь мне встать, но он не помог подняться ни мне, ни тем более Сяоцзя, а лишь произнес:

– Будет, будет, какие церемонии среди своих.

Мне ничего не оставалось, как неловко вставать самой. За мной встал и Сяоцзя. Старик сунул руку за пазуху. Я в душе была вне себя от радости, думая, что сейчас он вытащит пачку банкнот и пожалует ее мне. Он долго шарил за пазухой, вынул какую-то бирюзовую фитюльку и передал мне со словами:

– В первый раз встретились, а подарить тебе нечего, держи вот маленькую безделушку!

Взяв эту безделицу, я так же, как он, сказала, мол, какие церемонии среди своих. Штучка была увесистая, мягкая и гладкая, зелень радовала глаз. С начальником Цянем я спала уже несколько лет, и он оказал на меня немалое культурное влияние. Я уже не была человеком заурядным и сразу поняла, что вещь хорошая, только узнать бы, что это.

Сяоцзя, надувшись, с обидой смотрел на отца. Тот усмехнулся:

– Нагни голову!

Сяоцзя послушно опустил голову, и старый хрыч повесил ему на шею что-то продолговатое, сияющее серебряным блеском на красной тесемке. Сяоцзя поднес эту штуку к моему лицу, и я увидела, что это шейный амулет, замок долголетия. У меня невольно раскрылся рот, и про себя я подумала, что старый хрыч, наверное, считает, что его сыну едва исполнилось сто дней.

Позже это подношение старого хрыча при первой встрече я показала названному отцу. Он сказал, что это кольцо надевают на большой палец при стрельбе из лука, оно гранится и полируется из наилучшего изумруда, считается дороже золота, и такое сокровище могут носить только императорские родственники и потомки знатных фамилий.левой рукой названный батюшка ласкал мою маленькую грудь, правой играл с этим кольцом, без конца восклицая:

– Прекрасная вещь, прекрасная, воистину прекрасная вещица!

– Я сказала, что подарю ее ему, если нравится.

– Как можно, как можно, – воскликнул он, – чтобы благородный муж отбирал любимое!

– Я женщина, – возразила я, – разве может для меня быть любимым кольцо для стрельбы из лука?

Названный отец продолжал вести себя с напускной церемонностью, и я спросила:

– Так ты хочешь его или нет? Не хочешь, так я его разобью.

Он тут же сказал:

– Ах, сокровище мое, ни в коем случае, хочу.

– Надел кольцо на палец и время от времени подносил к глазам, чтобы полюбоваться, даже забывал о таком важном деле, как ласкание моей груди. Позже названный батюшка повесил

мне на шею нефритового бодхисатву на красном шнурке. У меня аж глаза загорелись, как понравилось украшение, вот уж точно женская вещица.

– Спасибо, названный батюшка, – сказала я, поглаживая его бороду.

Он перевернул меня лицом вниз, оседлал, как коня, и, тяжело дыша, проговорил:

– Красавица моя, хочу хорошенько покопаться в прошлом этого твоего свекра...

7

Под мрачный и холодный смешок свекра от его сандалового кресла и сандаловых четок в руках вдруг пахнуло тяжелым ароматом, от которого у меня зарябило в глазах и сердце бешено забилося. Ему было наплевать, жив или мертв мой родной отец, он не обращал внимания на мои заигрывания. Весь дрожа, он встал, отшвырнул четки, с которыми недавно не мог расстаться. Глаза сверкали похожими на звездочки лучиками. Что за огромная радость так взволновала его душу? Какая такая огромная беда так напугала его? Он протянул свои маленькие, как у призрака, ручонки, постанывая и с надеждой глядя на меня безо всякой злобы. Он взмолился:

– Руки помыть... Руки помыть...

Я зачерпнула из чана пару черпаков холодной воды и налила в медный таз. Свекор нетерпеливо погрузил руки в воду. У него изо рта вырвалось какое-то шипение, не поймешь, что он при этом чувствовал. Руки покраснели, как раскаленные угли, нежные пальчики изогнулись, став похожими на красные лапки маленького петушка. Мне смутно показалось, что его руки раскалены докрасна, как сталь. Вода в тазу будто бы забурлила пузырями, поднялся пар. Это было настолько диковинно и странно, что у меня глаза на лоб полезли. То, что старый хрыч кладет горящие огнем руки в воду, наверняка говорит о том, что, когда ему станет лучше, он вскоре помрет. Смотри, как ослаб: глаза как щелочки, с шипением втягивает воздух через прорехи между зубами. От одного вдоха до другого был большой перерыв. Ясно, что перед тобой заядлый курильщик опиума. Легкой тебе смерти, старый осел. Не думала, что ты еще будешь откалывать такие дьявольские штучки, вот ведь нечистая сила.

Достаточно расслабившись, он поднял мокрые красные руки и снова уселся в свое кресло. Только теперь он не жмурился, а, широко открыв глаза, пристально вглядывался в свои руки, смотрел на капли воды, стекавшие с кончиков пальцев и падавшие на пол. Он сидел умиротворенный, выбившийся из сил, испытывающий полное удовлетворение, как мой названный батюшка, только что слезший с моего тела...

Тогда я еще не знала, что он – знаменитый заплочных дел мастер, я всецело была поглощена мыслью о купюрах у него за пазухой. Я любезно говорила: «Батюшка, я за вами уже ухаживаю, чтобы вам было хорошо, а жизнь моего родного отца может прерваться, если не вечером, то на рассвете. Мы как-никак свойственники, вы должны помочь мне. Вы спокойно подумайте, а я пока приготовлю вам кашу из фиолетового риса со свиной кровью».

Набрав воды, я промывала рис у колодца во дворе, а в душе царила какая-то пустота. Подняв голову, посмотрела на высоко взметнувшиеся ввысь карнизы Храма Бога-покровителя города. Там ворковала стайка серых голубей, птицы теснились там, словно что-то обсуждали. На выложенной плиткой улице за стеной звонко зацокали копыта, показались на конях немецкие солдаты. Над стеной я видела их высокие круглые шляпы с перьями. Сердце беспокойно забилося, я догадалась, что эти прихвостни заморских дьяволов прибыли к нам по поводу моего отца. Сяоцзя уже наточил ножи, разложил рабочие инструменты. Взяв ясеневый шест, он вытащил из хлева черную свинью. Крюк на конце шеста впился в нижнюю челюсть зверя. Свинья пронзительно взвизгнула, и щетина на загривке встала дыбом. Подогнув задние ноги, она изо всех сил ногами и задом упиралась в землю, глаза налились кровью. Но кто может противостоять нечеловеческой силе нашего Сяоцзя? Только гляньте, как он напрягает

поясницу, используя силу рук и ножищ, каждая из которых что твоя мотыга, оставляя с каждым шагом отпечаток в земле на три *цуня*²⁹ глубиной, тащит, как плуг на пашне, черную свинью, а та оставляет копытцами две свежие борозды. Не успела оглянуться, а наш Сяоцзя уже подтащил черную свинью к верстаку. Держа одной рукой шест, другой – свинью за гузно, он с гиканьем выпрямляется, и большая жирная свинья весом двести *цзиней*³⁰ бухается на верстак. Свинья уже не понимает, где она, уже забыла, что нужно вырываться, она может лишь разевать пасть и испускать предсмертные вопли да сучить ногами. Сяоцзя опускает впившийся в свинью крюк, отбрасывает его в сторону, попутно хватая из таза для крови остро наточенный сверкающий нож – и раз! Как бы между делом, мимоходом, как протыкают соевый творог, вонзает этот нож свинье в грудь, и еще раз с силой загоняет его по самую рукоятку. Пронзительное верещание вдруг стихает, остается лишь невнятное повизгивание. Очень скоро прекращается и оно, свинья лишь подергивается, подрагивают ноги и шкура, подрагивает даже щетина. Сяоцзя вытаскивает длинный нож, поворачивает тушу так, чтобы ножевая рана приходилась напротив таза для сбора крови. Посверкивающая, похожая на красный шелк горячая кровь фонтаном бьет в таз.

У нашей семьи большой, в половину *му*³¹, участок с загоном для собак, свиначником, посадками роз и пионов. Устроены шесты для развески мяса, стоят чаны и кувшины с вином, во дворе построена кухня под открытым небом, повсюду разносится запах крови. С жужжанием роятся пьющие ее зеленоглазые мухи. Носики их не подводят.

В ворота вошли двое курьеров из управы – мягкие молодцеватые красные шапочки, черные мундиры, широкие черные кушаки, на ногах сапоги с выступающим впереди швом на голенище и эластичной подошвой, мечи на поясе. Я узнала их: это были стражники из конной стражи. Бегали они быстрее зайцев. Только имен их я не знала. Из-за того, что мой родной отец сидел в тюрьме и на душе было пусто, я лишь слегка улыбнулась им. Обычно я и глазом не вела в сторону таких потрохов ослиных, от которых простому люду один вред. Они вежливо кивнули мне, еле выдавив из себя нечто вроде косой улыбки. Улыбки покинули их лица столь же внезапно. Вынув из-за пазухи черную полоску бумаги, они помахали ею и уже серьезно заговорили:

– Имеем честь вручить приказ достопочтенного начальника уезда о вызове Чжао Цзя для допроса.

Подбежал Сяоцзя с ножом в крови заколотой свиньи, любезно поклонился и спросил:

– Что случилось, господа посыльные?

Те с суровым видом спросили:

– Ты Чжао Цзя?

– Я Сяоцзя, Чжао Цзя – мой отец.

– А где твой отец? – продолжали ломать комедию посыльные.

– Мой отец в доме.

– Твой отец должен пройти с нами! – заявили посыльные. Я уже насмотрелась на их песьи морды и сердито сказала: – Мой свекор не выходит из дома. А что стряслось?

Видя, что я разгневалась, посыльные состроили жалостливые лица:

– Сестрица Чжао, мы тоже действуем по приказу, нарушил ваш свекор закон или нет, мы, посыльные, откуда мы знаем?

– Уважаемые, погодите, вы приглашаете моего отца поесть-попить? – с любопытством спросил Сяоцзя.

²⁹ *Цунь* – мера длины, около 3 сантиметров.

³⁰ *Цзинь* – мера веса, около 0,5 килограмма.

³¹ *Му* – мера земли, примерно 1/15 гектара.

– Откуда нам знать? – молвили посыльные, покачивая головами. И вдруг загадочно улыбнулись: – А может быть, нам поест собачатины и шаосинского вина выпить?

Я, конечно, поняла, какую гадость несут эти псы посыльные, они имели в виду мои дела с начальником Цянем. Но до моего толстяка Сяоцзя это, естественно, не дошло. Радостный, он побежал в дом.

Я вошла вслед за ним.

Цянь Дин, сукин ты сын, какого черта ты задумал? Арестовал моего родного отца, со мной видаться избегаешь; а тут с утра пораньше прислал двух прихвостней арестовать отца моего мужа. То-то будет потеха, если родной отец, отец мужа и названный отец встретятся в судебном зале. Я как-то пела в спектакле *«Трое судей встречаются в суде»*. Но не слышала, чтобы в суде встречались трое отцов. Не иначе как ты, старый хрыч, переживаешь, что так и не увидишь меня. А вот если мы увидимся, я тебя хорошенько расспрошу, что, как говорится, за зелье ты подаешь в своем кувшине.

Подняв рукав, Сяоцзя вытер пот с лица и торопливо проговорил:

– Батюшка, хорошие новости, прибыли посыльные начальника уезда, чтобы пригласить вас на желтое вино с собачатиной.

Свекор сидел в своем кресле прямо, положив уже не красные ручки на подлокотники. Глаза прикрыты, не издает ни звука, не понять, невозмутим он или притворяется.

– Отец, скажите что-нибудь, рассылные ждут во дворе, – волнуясь, торопил Сяоцзя. – Отец, можете ли вы взять меня с собой посмотреть, что и как в управе. Жена часто там бывает, прошу ее взять меня с собой, так не берет...

Я поспешила прервать речи толстяка:

– Батюшка, не слушайте вздор, что несет ваш сын! Как они могут пригласить вас пить вино? Они пришли арестовать вас! Разве вы совершили преступление?

Свекор лениво приоткрыл глаза и протяжно вздохнул:

– Пусть даже совершил, как говорится, придет враг – его отразят генералы, разбушует паводок – его остановит дамба, что тут удивляться! Позовите, пусть войдут!

Сяоцзя повернул голову и крикнул за ворота:

– Слышали, нет? Отец сказал, позовите их, пусть войдут!

Свекор усмехнулся:

– Молодец, сынок, так и надо с ними!

Сяоцзя выбежал во двор и заявил посыльным:

– А вы знаете, моя жена – любовница начальника Цяня!

– Вот дурак! – Свекор беспомощно покачал головой, метнув в мою сторону острый взгляд.

Посыльные со странным смешком отпихнули Сяоцзя в сторону и, положив руки на рукоятки мечей, бодро и молодцевато, со свирепыми лицами направились в дом.

Из глаз-щелочек свекра вырвались полоски холодного света. Он пренебрежительно окинул взглядом посыльных, потом задрал голову и больше не обращал на них внимания.

Посыльные переглянулись. Один из них официальным тоном спросил:

– Ты и есть Чжао Цзя?

Свекор будто задремал.

– Отец – человек пожилой, туговат на ухо, – раздраженно сказал Сяоцзя. – Чуть погромче!

Посыльный гаркнул:

– Чжао Цзя, по приказанию уездного начальника Цяня ваш покорный слуга приглашает вас проследовать в управу.

Подняв на него глаза, свекор неспешно произнес:

– Возвращайтесь и доложите вашему начальнику Цяню, что у меня, Чжао Цзя, ноги не ходят, выполнить приказ не могу!

Посыльные вновь переглянулись, один прыснул со смеху. Но улыбка тут же исчезла, и на лице появилось глумливое выражение:

– Не хотите ли вы, чтобы начальник Цянь за вами паланкин прислал?

– Так было бы лучше всего, – ответил свекор.

Не в силах сдержаться, посыльные расхохотались. И смеясь, заявили:

– Хорошо, хорошо, оставайтесь дома и ждите, когда начальник Цянь самолично прибудет за вами!

Смеясь, посыльные вышли из дома, во дворе их смех стал еще разнузданнее.

Вышедший вслед за ними Сяоцзя заносчиво сказал:

– Ну как вам мой отец? Все вас боятся, а он нет!

Посыльные глянули на Сяоцзя, и их обуял новый приступ смеха. Потом, пошатываясь, они ушли. Их смех доносился даже с улицы. Я понимала, почему они так смеются. Свекор тоже.

Вошел недоумевающий Сяоцзя:

– Батюшка, а что они все время смеются? Мочи полоумной старухи напились, что ли? Я слышал, как плешивый Хуан рассказывал, что, напившись мочи полоумной старухи, начинаешь хохотать без умолку. Наверняка мочу пили, вот только чью?

Явно обращаясь ко мне, а не к Сяоцзя, свекор сказал:

– Сынок, люди не могут оценивать сами себя, эту истину твой отец уразумел лишь на склоне лет. Начальник уезда Гаоми, считай, из «тигров»³², но носит на шапке хрустальный шарик и перо с одним глазком, как чиновник пятого класса; его жена – внучка Цзэн Гофаня³³. Как говорится, лучше быть живой крысой, чем мертвым правителем области. Твой отец чиновником не был, но отрубленных им голов с красным шариком на шапке хватит на пару больших корзин! Да и снесенными мной головами аристократов и знати тоже можно пару больших корзин наполнить!

Разинув рот и оскалившись, Сяоцзя не мог взять в толк, правильно ли он понял слова отца. Я-то, конечно, все до конца поняла, что он имел в виду. За несколько лет, проведенных с начальником Цянем, мой кругозор значительно расширился. Услышав то, что он сказал, я внутри похолодела, на теле выступила куриная кожа. На лице наверняка не было ни кровинки. За полгода толки о моем свекре расползлись по улицам фонтанчиками ветра и конечно же достигли и моих ушей. Собравшись с духом, я спросила:

– Свекор... Вы и вправду занимались этим ремеслом?

Тот уставился на меня своими ястребиными глазами и, останавливаясь после каждого слова, словно выплевывая железные шарики, произнес:

– В каждом... ремесле... свой... мастер! Знаете, кто это сказал?

– Это пословица, ее все знают.

– Нет, – сказал свекор. – Это сказал один человек, обращаясь ко мне. Знаете кто?

Я лишь покачала головой.

Свекор встал с кресла, держа четки в обеих руках. Одурающий аромат сандала опять наполнил всю комнату. Отощавшее лицо покрылось слоем благородного золота, и он надменно, с искренним почтением и признательностью произнес:

– Императрица Цыси!

---

³² «Тигры» – прозвище ученых, аттестованных академией *Ханьлинь* на должность начальников уездов и получивших вне очереди назначение в провинции.

³³ *Цзэн Гофань* – китайский политический и военный деятель, писатель конца династии Цин (1644–1912 гг.).

Глава 2. Бахвальство Чжао Цзя

Поговаривают, Южный ковш, что на Небесах, заправляет смертью, а Северный черпает жизнь. Человек должен подчиниться воле государя ровно так же, как трава следует дуновению ветра. Сердце человека должно уподобиться железу, ведь закон и устав подобны раскаленной печи. Даже камень, сколько бы он ни был твердым, боится встречи с железным молотом (и сию истину, по возвращении домой, я познаю сполна!). Кто я? В былое время – первый палач Великой цинской империи, имя которого гремело во всех залах министерства наказаний (прислушайтесь, может еще услышите раскаты того эха). Менялись главы у ведомства казней, точь-в-точь как лошадки в вертящемся фонарике. И только я, старик Чжао, так и продолжал сидеть на своем месте и вносил посильный вклад в дела державы, умерщвляя люд (резать головы – что резать овощи, драть кожу – что чистить луковицу). Не сдержать мягкому хлопку в поле яркое пламя, не скрыть снегу тела покойников на том поле. Дозвольте уж, открою вам всю душу, а вы, юнцы, послушайте и рассудите: где здесь правда?

Отрывок из маоцян «Казнь сандалового дерева», «Песнь о фонарике с лошадками»

1

Что ты выпучила глаза и уставилась на меня, моя распутная невестка? Не боишься, что они у тебя выскочат из орбит? Твой свекор действительно занимался этим ремеслом, с семнадцати лет, когда разрубил по пояснице работника казначейства, укравшего серебро государственной пробы, до шестидесяти, когда провел «Казнь тысячи усекновений» наемного убийцы, устроившего покушение на сановника Юаня. Так вот и зарабатывал на хлеб целых сорок четыре года. И чего ты еще пялишься? Таких выпученных глаз я повидал немало, тарасились они по-настоящему, вы таких не видали. Во всей провинции Шаньдун нет человека, который бы видел такое. Не говоря о том, чтобы видеть, от одного рассказа об этом в штаны наложите от страха.

В десятый год правления Сяньфэна³⁴ старший дворцовый евнух Сяо Чунцзы, который ведал императорским ружейным арсеналом, дерзнул украсть и продать императорское семизвездное охотничье ружье. Его поднесла Сяньфэну русская императрица, и вещь это была непростая, чудесная. Позолоченный ствол, посеребренный затвор, приклад из сандалового дерева с семью инкрустированными бриллиантами размером с лущеный арахис каждый. Это ружье стреляло серебряными пулями, ими можно было сбить феникса в небе, уложить *цилиня*³⁵ на земле. Со времен сотворения мира этот дробовик единственный в своем роде, второго такого нет. Видя, что Сяньфэн целыми днями хворает и память его ослабла, евнух Сяо Чунцзы взял на себя смелость украсть семизвездное ружье и продать. Говорят, он получил за него три тысячи *лянов* и приобрел отцу имение. Этого негодяя черт попутал, он забыл элементарную истину, а именно, что любой, кто стал императором, – дракон, настоящий сын Неба. Настоящий сын Неба разве не затмевает умом своих современников? Разве он не отличается

---

³⁴ *Сяньфэн* («Всеобщее изобилие») – девиз правления императора Айсиньгьоро Ичжу (годы жизни: 1831–1861; годы правления: 1850–1861). – *Прим. ред.*

³⁵ *Цилинь* – мифологическое существо, китайская вариация на тему химеры: обычно изображается с несколькими рогами, чешуйчатой кожей, телом коня, ногами оленя, головой дракона и медвежьим или бычьим хвостом. – *Прим. ред.*

прозорливостью? Батюшка Сяньфэн был еще более непостижим, своими драконьими глазами он мог ясно разглядеть малую былинку. При свете дня он казался почти таким же, как все, но с наступлением темноты от него начинало исходить сияние, и ему почти не нужен был фонарь для чтения и письма. Рассказывают, что в начале зимы того года батюшка Сяньфэн вознамерился ехать за стену на облавную охоту именно с тем самым семизвездным ружьем. В полном замешательстве Сяо Чунцзы распростерся перед государем и стал нести всякие глупости. Сперва говорил, что ружье утащила белая лиса, потом, что его унес гриф. Батюшка Сяньфэн исполнился царственного гнева, велел выпустить высочайший указ о передаче Сяо Чунцзы в особый департамент по разбирательству с дворцовыми сановниками для проведения строгого допроса. В этом заведении под пытками Сяо Чунцзы признал все как есть. От ярости из глаз его величества искры сыпались, он скакал по дворцовым покоям и бранился на все лады:

– Сяо Чунцзы, так и так восемь поколений твоих предков! Вот уж смельчак! Крыса, что лижет зад кошке! Чтобы осмелиться воровать в нашем доме! Я не император буду, если не высыплю тебе по первое число!

Батюшка Сяньфэн решил выбрать особо жестокую казнь, чтобы проучить Сяо Чунцзы. Как говорится, зарезать курицу, чтобы лисам неповадно было. Государь велел департаменту наказаний представить список казней. Департамент – несколько сановников, ведающих наказаниями для евнухов, – представили ему, как меню, список наказаний из своей практики. Там, конечно, были и палочные удары, и «давление жердью»³⁶, и закатывание в циновку, и удушение мешком на голове, и разрывание пятеркой лошадей, и разрубание на куски, и многое прочее. Государь слушал-слушал, качая головой и приговаривая: «Так себе, не очень, какой-то старый суп и объедки, все тухлое и вонючее. Для этого случая вам нужно обратиться в министерство наказаний и пригласить для наставления кого-нибудь из тамошних умельцев». Государь дал устное распоряжение, чтобы свои варианты жестоких наказаний представили и министерство наказаний, и тюрьмы, и судебные секретари. Получив высочайший указ, тогдашний министр наказаний его превосходительство Ван в тот же вечер разыскал бабушку Юя.

Кто такой бабушка Юй? А это мой наставник. Конечно же, он мужчина. Почему «бабушка»? Так вот, слушайте, это в нашем ремесле титул такой. Во времена династии Цин при министерстве наказаний, тюрьмах и судебных секретарях всего было четыре человека в ранге палачей. Самых старших по возрасту, имеющих самый длинный послужной список, самых искусных и называли «бабушками». Остальные трое в зависимости от послужного списка и мастерства подразделяются на старшую тетку, вторую тетку и свояченицу. Когда случается страдная пора, работы много и не справляешься, можно временно нанять подручного, которых называют «племянниками». Вот я как раз с племянника и дорос до бабушки. Легко ли это было? Нет, не легко, действительно нелегко. В судебном зале министерства наказаний я целых тридцать лет был бабушкой. Министры, товарищи министров сменялись, как лошадки в фонаре³⁷, только я, бабушка, стоял незыблемо, как гора Тайшань. Люди презирают наше ремесло, но когда занимаешься им, начинаешь презирать всех без разбору, ровно как ты презираешь свиней и собак.

Так вот, его превосходительство министр Ван вызвал бабушку Юя и меня, твоего отца, к себе в канцелярию на беседу. Мне в тот год исполнилось двадцать лет, и меня только повысили из старших теток в бабушки. Это было против всяких правил, проявление полной благосклонности ко мне. Бабушка Юй сказал мне:

– Сяоцзя, когда наставник стал старшей теткой, ему было больше сорока, а ты, негодник, стал старшей теткой уже в двадцать. Быстро идешь вверх, прямо как июньский гаолян!

Его превосходительство Ван безо всяких обиняков сказал:

³⁶ *Давление жердью* – пытка коленопреклоненного давлением тонкой жерди на подколенные ямки.

³⁷ *Лошадки в фонаре* – фонарик с маленькой каруселькой внутри, которая вращается разогретым воздухом. – *Прим. ред.*

– Государь издал указ: он хочет, чтобы мы, министерство наказаний, предложили особенную казнь, чтобы проучить сановника, который украл ружье. Вы у нас специалисты, подумайте хорошенько. Нельзя не оправдать доверия государя, а тем более подорвать репутацию нашего министерства.

Бабушка Юй на минуту задумался, потом сказал:

– Ваше превосходительство, ваш покорный слуга думает, что государь досадует на этого Сяо Чунцзы прежде всего за то, что тот имеет глаза да не видит. Давайте уважим мнение нашего владыки.

– Совершенно верно, – обрадовался Ван. – Если есть какой-нибудь замечательный способ, то давай выкладывай быстрее!

– Есть одна казнь, – продолжал бабушка Юй, – называется «Засов Янь-вана», другое название ей – «Два дракона играют жемчужинами». Не знаю, подойдет ли такое наказание или нет.

– Быстро рассказывай, слушаю, – нетерпеливо сказал Ван.

Бабушка Юй тут же подробно объяснил, как ставится «Засов Янь-вана». Выслушав, его превосходительство Ван засиял от радости и сказал:

– Вы сперва возвращайтесь и приготовьтесь, ждите, пока я получу одобрение государя.

– Изготовить этот «засов Янь-вана» – дело очень хлопотное, – сказал бабушка Юй. – Железный обруч должен быть ни твердый, ни мягкий. Нужно использовать высокосортное кованое железо, а оно требует тысячекратнойковки и стократной закалки, чтобы его можно было использовать. В столице нет ни одного мастера, кто мог бы сделать эту работу. Надеюсь, ваше превосходительство даст некоторое время, чтобы я взял с собой подмастерье и сделал все сам. У нас там ничего нет. На инструменты как-нибудь наскребем с подмастерьем, и надеюсь, что ваше превосходительство сообразовоит выделить немного денег, чтобы ваш покорный слуга смог закупить сырье...

Его превосходительство Ван холодно усмехнулся:

– А от продажи человеческого мяса на лекарства вы за год разве не получаете достаточно большой доход?

Бабушка Юй торопливо бухнулся на колени, и я, твой отец, конечно, вслед за ним. Бабушка взмолился:

– Ни одно деяние не ускользнет от глаз вашего превосходительства, но все же изготовление «засова Янь-вана» – дело государственной важности...

– Вставайте, – велел его превосходительство Ван, – выделяю вам две сотни *лянов* серебра. Сотня вам – учителю и ученику – в награду за ваши труды. На эту работу ты должен потратить все силы, недопустима никакая небрежность. Дворцовый сановник совершил преступление. Во все предшествующие династии казнь проводил департамент по разбирательству преступлений дворцовых сановников; но вот эту задачу государь поручил нашему министерству наказаний, это дело – как поднятие целины. Это ясно говорит о том, что государь постоянно думает о нашем министерстве наказаний, ценит нас, милость его безбрежна! Вы должны быть внимательны, работа, сделанная блестяще, порадует государя, что ни сделай, вопросов не будет. Но если сделаете свое дело отвратительно, то вызовете неудовольствие государя, посрамите наше министерство. Ваши собачьи головы будут торчать в другом месте.

Мы с бабушкой Юем с ужасным трепетом в душе взялись за выполнение этой славной задачи, с радостью получили деньги, отправились в *хутун*³⁸ к югу от Храма Защиты Отечества³⁹, где располагалась община мастеров по металлу, нашли там лавку одного кузнеца, кото-

---

³⁸ *Хутун* (исл. «переулок») – отдельный вид средневековой застройки в китайских городах. Обычно состоял из невысоких жилых домов с внутренними дворами. – Прим. ред.

³⁹ По-китайски – Храм Хугосы. – Прим. ред.

рый по нашему рисунку сделал железную основу «засова Янь-вана», потом на улице тяглового скота купили немного невыделанной бычьей кожи, велели сделать сыромятные веревки и привязать к железной основе. Подсчитали, оказывается, даже четырех *лянов* не потратили. Из суммы в сто девяносто шесть *лянов* двадцать пошло на золотой браслет для любовницы, которую его превосходительство Ван содержал в *хутуне* Цзинлин, а из оставшихся ста семидесяти шести старшая тетка получил шесть *лянов*, бабушка Юй – сто, твой отец – семьдесят. На эти деньги твой отец, вернувшись в родной край, купил этот дом, а заодно взял в жены твою мать. Если бы не было сановника Сяо Чунцзы, укравшего ружье государя императора, твоему отцу не на что было бы вернуться домой, не было бы денег на покупку дома и на женитьбу, а не женился бы, не было бы и тебя, сынок, не будь у меня сына, конечно, не было бы и тебя, невестка. Теперь поняли? Вот почему я захотел рассказать вам про дело этого Сяо Чунцзы. У каждого дела есть свой корень и верхушка. Дело Сяо Чунцзы с ружьем – ваш корень и есть.

За день до казни его превосходительство Ван не мог успокоиться и приказал доставить под стражей из тюрьмы одного из осужденных, чтобы мы продемонстрировали в судебном зале «засов Янь-вана». Выполняя приказ его превосходительства Вана, мы с бабушкой Юем наладили «засов Янь-вана» в сборе на голову несчастного осужденного. Тот громко возопил:

– Господин, господин, я же не отказывался от данных ранее показаний! Я не отказывался от показаний! Почему же вы хотите казнить меня?

– Все для государя! – возгласил его превосходительство Ван. – Начинайте казнь!

Процесс осуществления казни был очень прост, времени потребовалось совсем немного, ровно столько, чтобы выкурить трубочку табака. Голова осужденного раскололась, выступил мозг, и так он умер. Его превосходительство Ван заявил:

– Эта штука действительно довольно жестокая, но вот умирает человек слишком быстро. Государь не очень-то об этом задумывался, он позволил нам самим выбрать казнь с тем, чтобы Сяо Чунцзы получил должное наказание. На всех сановников, которые увидят, что Сяо Чунцзы не заслужил доброй смерти, это окажет воздействие. Казнь одного в назидание сотне другим! Вы сбрую на него натянули, поднатужились, пшик! И готово! Проще, чем кролика удавить, куда это годится? Поэтому прошу вас, надо процесс проведения казни сделать не таким кратким, она должна длиться по меньшей мере пару часов, чтобы она была занимательнее любого театрального действия. Вы же знаете, что при дворце есть не одна театральная труппа. Блестящих актеров у нас несколько тысяч, они все пьесы в Поднебесной уже переиграли. Надо, чтобы с этого Сяо Чунцзы пот лил рекой, чтобы вы двое тоже были в поту. А то вы совсем не показали, на что способен судебный зал нашего министерства, и не показали полную величественность «засова Янь-вана».

Его превосходительство Ван распорядился доставить из тюрьмы другого осужденного, чтобы мы могли продолжить репетицию. Голова у этого преступника была с большую плетеную корзину, «засов Янь-вана» для него был маловат, и пришлось приложить немало усилий, прежде чем нам все-таки удалось впихнуть это устройство ему на башку подобно тому, как ставят обруч на бочку. Огорченный Ван презрительно проговорил:

– И это за две сотни *лянов* вы изготовили такую штуковину?

Одной этой фразой он напугал нас так, что пот прошиб. Бабушка Юй казался спокойным, но потом признался, что струхнул порядочно. На сей раз казнь, можно сказать, прошла успешно: промучились добрых два часа, безвинный с большой головой настрадался вдоволь, прежде чем упал и испустил дух. Как бы то ни было, наградой нам стало улыбающееся лицо его превосходительства Вана. Глядя на мертвые тела, он сказал нам:

– Возвращайтесь, приводите в порядок рабочий инструмент, замените сыромятные замаранные кровью ремешки на новые, протрите обруч, лучше всего – нанесите слой лака. Почистите мундиры и все остальное, чтобы государь и дворцовые увидели, какие хорошие манеры у палачей из нашего министерства наказаний. Говорить можно много, но, короче говоря, успех –

единственный вариант, неуспеха быть не может! Если допустите промах – подведете все министерство, и этот «засов Янь-вана» будет помещен уже на ваши головы.

На другой день со вторыми петухами мы уже были на ногах и стали готовиться. Надо идти во дворец казни проводить, дело особой важности, какой тут сон? Даже прошедший через бесчисленные бури и волны бабушка Юй ворочался на *кане* туда-сюда. Не прошло и часа, как он слез с *кана*, достал с подоконника ночной горшок, помочился, потом закурил. Пока вторая тетка со свояченицей хлопотали по хозяйству, разводили огонь и готовили еду, ваш отец еще раз тщательно осмотрел «засов Янь-вана», убедился, что нет ни одного изъяна, и передал на последнюю проверку бабушке. Бабушка Юй ощупал каждый пунь «засова Янь-вана», удовлетворенно кивнул, бережно завернул его в три *чи*⁴⁰ красного шелка и почтительно возложил перед фигурками предков. В нашем ремесле основателем профессии считается Гао Яо⁴¹, человек большой добродетели и таланта, живший в эпоху Трех Властителей и Пяти Императоров⁴², выдающаяся личность, который чуть не унаследовал царский трон от почтенного Да Юя⁴³. Все нынешнее уголовное право и виды наказаний установлены Гао Яо. Как рассказывал наш наставник бабушка Юй, отец-основатель во время казни людей по большей части не пользовался мечом, он лишь уставлял взгляд на шею преступника, слегка сдвигал взор в сторону, и голова человека сама катилась на землю. У Гао Яо были раскосые глаза, так называемые «глаза красного феникса», изогнутые брови, лицо темнее финика, очи, как ясные звезды, на подбородке – три прекрасные пряди волос. Обликом он был вылитый Гуань Юньчан⁴⁴, господин Гуань из «Троецарствия»⁴⁵, бабушка Юй говорил, что господин Гуань на самом деле был перерождением Гао Яо.

Мы кое-как перекусили, сполоснули рот и почистили зубы, помыли руки и лицо. Вторая тетка со свояченицей помогали бабушке Юю и вашему отцу надеть новую с иголки форму и ярко-красные войлочные шапочки. Пытаясь подольститься, свояченица сказала:

– Наставник, старший подмастерье, вы будто получили степень *цзиньши* на императорских экзаменах!

Бабушка Юй зыркнул на него и сказал, чтобы тот не болтал лишнего. По установлениям нашей профессии запрещалось смеяться и подшучивать до работы и во время ее. Даже одно насмешливое слово было нарушением запрета и могло вызвать дух безвинно погибшего. Как вы думаете, что за маленькие завихрения нередко поднимаются на месте казней у Прохода на овощной рынок?⁴⁶ Это не ветер, это духи безвинно погибших и есть!

Бабушка Юй достал из своего плетеного сундука связку дорогих сандаловых благовоний, осторожно вытащил три палочки, зажег от дрожащего пламени свечи перед образом отца-основателя и воткнул их в кадку перед табличкой с его именем. Он встал на колени, мы трое тоже поспешили опуститься на колени. Бабушка негромко проговорил нараспев:

– Батюшка-основатель, батюшка-основатель, сегодня проводится дворцовая казнь, очень важная, уповаем на твое благословление! Смилуйся над нами малыми, позволь сделать все благополучно, дети тебе челом бьют!

⁴⁰ *Чи* – 1/3 метра. – Прим. ред.

⁴¹ *Гао Яо* – судья, служивший при легендарном императоре Шуне.

⁴² *Три Властителя и Пять Императоров* – легендарные правители древнейшего периода истории Китая, около третьего тысячелетия до нашей эры.

⁴³ *Да Юй* (Великий Юй) – легендарный китайский правитель, усмиритель Великого наводнения.

⁴⁴ *Гуань Юньчан* (Гуань Юй) – военачальник западнокитайского царства Шу эпохи Троецарствия (современная провинция Сычуань) и один из главных героев романа «Троецарствие», где часто зовется Гуань Гун («Господин Гуань» или «Божество Гуань»). – Прим. ред.

⁴⁵ «Троецарствие» – исторический роман XIV века о конце правления династии Хань и периоде Троецарствия (с 169 года н. э. до воссоединения земель в 280 году государством Западная Цзинь), один из четырех классических китайских романов. – Прим. ред.

⁴⁶ По-китайски *Цайшикоу*. Район в Пекине; во времена династии Цин был местом публичных казней.

Бабушка поклонился, с глухим стуком ударившись лбом о синие кирпичи пола. Вслед за ним поклонились и мы, с тем же глухим стуком ударившись лбом о те же синие кирпичи пола. В пламени свечи лик отца-основателя отливал красным. Мы отвесили девять таких поклонов, потом вслед за бабушкой встали и отступили на три шага. Выбежавший на двор вторая тетка принес чашу из светло-синего гладкого фарфора. Сбегавший туда же свояченица вернулся с большим белым петухом с черным гребнем. Вторая тетка поставил фарфоровую чашу перед прямоугольным столиком для жертвоприношений и, наклонившись, опустился на колени сбоку. Свояченица встал на колени перед столиком, левой рукой придерживая голову петуха, правой – ноги птицы, и растянул перед собой петушиную шею. Вторая тетка взял из фарфоровой чаши маленький нож в форме ивового листа и ловко провел им по шее петуха. Крови сначала не было, и мое сердце бешено заколотилось: отсутствие крови предвещало неблагоприятный ход казни. Но через мгновение черно-красная кровь с шипением брызнула в фарфоровую чашу. Кровь такого белого петуха с черным гребешком – самая горячая, всякий раз перед проведением большой казни мы покупаем такого. Через какое-то время кровотечение прекратилось, чашу поставили на жертвенник, двое младших братьев поклонились до земли, согнувшись в поясе, и отошли назад. Вперед вышли мы с бабушкой, встали на колени, отвесили три земных поклона. Следуя примеру бабушки, я окунул указательный и средний пальцы левой руки в петушиную кровь и, как актер накладывает грим, стал наносить ее себе на лицо. Петушиная кровь обжигающая, аж пальцы зачесались. Лица у нас двоих оказались измазаны в крови. Остатками крови вымазали руки. Наши с бабушкой лица стали такими же красными, как лицо отца-основателя. Зачем мазать лица петушиной кровью? Чтобы сохранить единство с отцом-основателем, чтобы все эти духи безвинно погибших знали, что мы – ученики и последователи господина Гао Яо. Во время проведения казни мы вообще не люди, мы – небожители на службе государственного правосудия. Вымазав руки и лица, мы с бабушкой спокойно усадились на табуретки и стали ждать вызова во дворец.

Занималась заря. На софрах во дворе каркали вороны. Из тюрьмы, нашего «небесного хлева»⁴⁷, доносились безудержные женские рыдания. Так каждый день рыдали в ожидании исполнения приговора мужу. Плакали женщины и дети, уже наполовину помешавшись рассудком. Я, твой отец, тогда был еще молод, отсидел на своем посту уже довольно долго, но в душе все смешалось, и сидеть ровно не получалось. Я покосился на бабушку, тот восседал чинно и торжественно, что твой железный колокол. Подобно ему, я задержал дыхание, избавившись от раздражения, и привел в порядок душевное состояние. Петушиная кровь уже подсохла, отвердела, и на наших лицах образовалось некое подобие сахарной оболочки шариков боярышника. Привыкнув к ощущению этого панциря на лице, я понемногу ощутил какую-то неопределенность в душе и с этой неопределенностью последовал за бабушкой по глубокому и мрачному ущелью. Мы шли, шли, шли, а конец ущелья все терялся вдали.

Тюремный делопроизводитель господин Цао наконец подвел нас к двум небольшим паланкинам с зелеными занавесками и, указав на них, дал нам знак садиться. Неожиданно радушный прием привел меня в полное замешательство. До того времени я никогда в паланкине и не ездил. Посмотрел на бабушку, тот тоже остолбенело разинул рот, не поймешь, то ли заплакать собирается, то ли чихнуть. Стоявший у носилок евнух с заплывшим подбородком хрипло проговорил:

– Ну в чем дело? Думаете, паланкины малы, что ли?

Мы с бабушкой по-прежнему не осмеливались сесть в паланкины и во все глаза смотрели на господина Цао. Тот рявкнул:

⁴⁷ «Небесный хлев» – в старые времена так называли из-за их мрачности и произвола тюрьмы, где содержали важных преступников, осужденных на казнь.

– Это не из уважения к вам, а чтобы избавить вас от лишнего внимания. Что застыли? Быстро в паланкины! Вот уж впрямь, собачьей голове на золотом блюде не удержаться!

Четверо носильщиков, евнухи с голыми подбородками, стояли перед и за паланкинами, засунув руки в рукава. На лицах их застыли презрительные мины. От их отвращения я набрался смелости. Евнухи вонючие, мать вашу, я сегодня благодаря Сяо Чунцзы и вас, зверей двуногих, прослаблю. Я сделал пару шагов, раздвинул занавески и сел в паланкин. Бабушка тоже уселся.

Паланкин поднялся с земли и, покачиваясь, двинулся вперед. Твой отец слышал, как евнухи-носильщики негромко ругались хриплыми голосами:

– Тяжеленные какие эти палачи, немало человеческой кровушки попили!

Обычно они носили если не матушку-государыню, то императорских наложниц. Этим мужикам и во сне не снилось, что придется нести двух палачей. В глубине души я, твой отец, был доволен, тело в паланкине ходило туда-сюда, выдавая, насколько этим поганым евнухам было не по себе. Паланкины только вышли за ворота министерства наказаний, как сзади послышался громкий крик свояченицы:

– Бабушка, бабушка, «засов Янь-вана» забыли!

В голове у меня загудело, в глазах потемнело, по телу покатились крупные капли пота. Я кувырком выкатился из паланкина и принял из рук свояченицы завернутый в красный шелк засов. Что у меня творилось в душе, и не передать. Бабушка тоже вывалился из паланкина, тоже весь в поту, ноги у него дрожали. Не вспомни свояченица – большой беды было бы не миновать. Господин Цао ругался на чем свет стоит:

– Мать вашу разэтак, все равно что чиновник потерял большую печать или портной ножницы дома оставил!

Я, твой отец, вообще-то собирался хорошенько обдумать свое состояние после того, как сел в паланкин, но все настроение было испорчено произошедшим. Я попросту скорчился внутри и больше не смел и думать о том, чтобы даже заговорить с евнухами.

Не знаю, как долго мы ехали, но вдруг паланкин плюхнулся на землю. Голова шла кругом, когда я выбрался наружу. Поднял я голову, и моему взору открылся блеск и великолепие. Выгнув спину, с «засовом Янь-вана» в руках, я шагал вслед за бабушкой. Бабушка следовал за ведущим нас через дворец евнухом, который, поворачивая туда-сюда, вывел нас в просторный двор. Там было полно коленопреклоненных людей – безусых, в желто-бурой одежде и круглых черных шапочках. Укравший ружье Сяо Чунцзы уже был привязан к столбу. Этого человека небольшого роста с правильными чертами лица, культурного и спокойного, на первый взгляд можно было принять за взрослую девушку. Особенно выделялись глаза: двойные веки, длинные ресницы, выразительные очи, похожие на черные виноградины. Как жаль, вздохнул про себя твой отец, как жаль такого хорошего человека. И такого красивого мальчика лишили всего сущего, привезли во дворец, чтобы сделать евнухом. Как на это пошли его родители?

Перед привязанным к столбу Сяо Чунцзы был возведен временный помост для зрителей, по центру которого стояло несколько резных кресел из сандалового дерева. А в самом центре – особенно массивное кресло. На нем лежала подушка желтого цвета с вышитым золотым драконом. Наверняка это был «драконий престол» для государя императора. Твой отец также заметил начальника нашего министерства наказаний, его превосходительство Вана, товарища министра – его превосходительство Те, и еще много других сановников с шариками из драгоценных камней и коралла. Съехались, наверное, чиновники из всех министерств. Теперь они торжественно стояли перед помостом навтыжку, опутив руки и не смея даже кашлянуть. Действительно, манеры во дворце отличны от обычных. Тишина, тишина, тишина такая, что сердце твоего отца беспорядочно забилося. Лишь воробьи, прилетевшие с глазурированной черепицы крыши, обменивались чириканьем, не понимая сложности бытия. Неожиданно седовла-

сый краснощекий старик евнух, который давно уже стоял на высоком помосте, четко и протяжно провозгласил:

– Государь прибыл!

Все скопище красных и синих шариков перед помостом вдруг стало ниже, слышался лишь шелест отбрасываемых в сторону рукавов. Везде, насколько хватало глаз, чиновники всех шести министерств и придворные дамы опустили на колени. Твой отец собрался было тоже встать на колени, но тут же получил сильный удар по ноге. И сразу увидел сверкающие глаза бабушки. Тот, задрав голову, стоял сбоку от столба, как каменное изваяние. Я тут же пришел в себя, вспомнив правила ремесла. Так было во все века: палачи с измазанными петушиной кровью лицами уже были не люди, а символы божественного и величественного государственного правосудия. Мы не должны были вставать на колени даже перед императором. Следуя примеру бабушки, твой отец выпятил грудь, подобрал живот и тоже превратился в каменное изваяние. Этой высочайшей чести, сынок, не говоря уже о крохотном уезде Гаоми, или солидной провинции Шаньдун, или безбрежной великой империи Цин, были удостоены лишь мы двое.

Донеслись звуки губных органчиков-*шэнов* и флейт-*ди*, которые постепенно приближались. За неспешной музыкой меж двух высоких стен показалась свита государя императора. Впереди выступали два евнуха в желто-буром с курильницами в форме благовещих зверей в руках. Из пастей животных клубился синеватый дымок. Эти благовония нить за нитью проникали в мозг, и от них на уме становилось то исключительно ясно, то сильно туманно. За евнухами с кадилницами следовали государевы музыканты, позади них – еще две шеренги евнухов с флагами, ритуальными зонтами из шелка и веерами. Все это сливалось в одно сплошное красно-желтое пятно. За ними шли восемь флигель-адъютантов с булавами, круглыми топориками, бронзовыми клевцами и серебряными пиками. Затем следовал ярко-желтый паланкин, который несли двое высоченных евнухов, а в паланкине уже восседал государь император Великой империи Цин. Позади государева паланкина две дворцовые дамы с опахалами из павлиньих перьев загораживали государя от солнца. Еще дальше – несколько десятков пышно разодетых несравненных красавиц – государевых жен и наложниц в паланкинах, плывущих этакой цветистой плотиной. За ними тащился еще длинный хвост людей. Потом бабушка рассказывал, что во дворце государева свита значительно упрощена, если это была церемония вне дворца, можно было увидеть только голову священного дракона, а хвоста уже было не видать. Один только большой государев паланкин могли нести шестьдесят четыре носильщика.

Прекрасно обученные евнухи быстро заняли свои места. На зрительском помосте расселись государь и наложницы. Император Сяньфэн в желтом халате и золотом венце сидел в одном *чжане* от меня. Твой отец разглядывал его, не отрывая глаз. У господина Сяньфэна лицо худощавое, нос с большой горбинкой. Правый глаз немного меньше левого. Большой белозубый рот, на губе повисли небольшие усики, козлиная бородка, на щеках – несколько оспин. Государь безостановочно кашлял, беспрестанно сплевывал, одна из фрейлин сбоку принимала плевки в сверкающую золотом плевательницу. По обеим сторонам от государя, словно распростертые крылья феникса, сидели десяток женщин с высокими прическами, украшенными большими разноцветными цветами, с которых свисали шелковые кисточки, почти такие же, какие можно увидеть у вас на театральной сцене. У каждой женщины цветущее лицо, от тел исходит пьянящий аромат. У сидевшей вплотную к императору справа – напудренное овальное лицо, вишневые губы, обликом с ней и небожительнице не сравниться. Знаете, кто это был? Скажу, перепугаетесь: сама вдовствующая императрица Цыси!

Воспользовавшись перерывом в плевках государя, суровый старый евнух на помосте легким движением руки, словно прихлопывая муху мухобойкой, заставил всех коленопреклоненных перед помостом чиновников шести министерств и тьму-тьмущую придворных девиц с силой втянуть воздух, как при сосании молока, и хором прокричать:

– Десять тысяч лет нашему императору, десять тысяч раз по десять тысяч лет!

Я только тогда понял, что мне лишь казалось, будто находившиеся под помостом стоят, склонив головы, и не смеют их поднять. На самом деле они украдкой следили за происходящим на помосте. Государь кашлянул:

– Все сановники могут подняться.

Начальники отвесили земной поклон и хором прокричали:

– Благодарим за милость, государь!

Затем, снова кланяясь и взмахивая рукавами в виде копыт, они поднялись, и склонившись в пояс, разошлись на две стороны. Из их рядов вышел начальник министерства наказаний, его превосходительство господин Ван, взмахнул рукавами, опустился на колени, отбил поклон и отчетливо доложил:

– Ваш покорный слуга, начальник министерства наказаний Ван Жуй по приказу государя велел изготовить «засов Янь-вана», выбрал известных и умелых палачей, которые прибыли во дворец с орудием казни и готовы совершить ее. Извольте дать указание, государь.

– Знаю, встань! – сказал правитель.

Его превосходительство Ван снова поклонился, поблагодарил за милость и отошел в сторону. В это время государь что-то невнятно произнес, на слух не разберешь. У государя явно была чахотка, и жизненных сил не хватало. Старый евнух протяжно, как в театре, передал указание:

– Государь приказал начальнику министерства наказаний Ван Жую преподнести этот «засов Янь-вана» на высочайшее одобрение.

Его превосходительство Ван маленькими шажками подбежал к твоему отцу, вырвал у него из рук завернутый в красный шелк «засов Янь-вана» и, держа тот на вытянутых руках, словно котел с пышущей жаром бараниной, подошел к помосту, осторожно и медленно ступая, и поднял руки с «засовом Янь-вана» гораздо выше шарика у себя на шапке. Вперед выступил старый евнух. Нагнувшись, он принял орудие казни, поднес к государю, поставил на стол, развернул несколько слоев шелка, и наконец эта штука предстала перед всеми. Сверкая режущим глаз блеском, засов смотрелся очень величественно. Денег на него потрачено было немного, зато я получил за работу немало. Только что сделанный засов был невзрачный и измазанный, смотреть было не на что. Твой отец три дня чистил его наждачной бумагой, пока он в конце концов не засиял. Семьдесят л я н о в получены были не задарма.

Протянув смуглую руку, государь указательным пальцем с длинным желтым ногтем потрогал эту штуковину. Не знаю, от тепла или от холода, но государь свой палец тут же отдернул. Я слышал, как он опять что-то невнятно произнес. Старик евнух взял засов и поднес его к глазам каждой из женщин государя. Они по его примеру стали трогать замок кончиком указательного пальца – этакими яшмовыми ростками – и делали вид, что им страшно, отворачивая застывшие безо всякого выражения лица в сторону. В конце концов старик евнух передал эту штуковину все так же стоявшему на коленях под помостом его превосходительству Вану, а тот, почтительно приняв ее, встал с согнутой спиной, стал пятиться в мою сторону и вернул ее мне.

На помосте старик евнух склонил голову к государю и что-то спросил. Было видно, как государь кивнул. Евнух вышел вперед и пропел:

– Государь дал указание: подвергнуть совершившего тяжкое преступление Сяо Чунцзы смертной казни!

Привязанный к столбу Сяо Чунцзы зарыдал и громко возопил:

– Ах, государь, государь, смилуйтесь, пощадите собачью жизнь раба своего... Раб никогда больше не посмеет...

В этот момент на помосте и перед ним императорские телохранители стали грозно смыкать ряды. Лицо Сяо Чунцзы побледнело, губы побелели, он уже больше не кричал, только, вконец обмочившись, хлопал глазами и негромко молил нас:

– Братцы, братцы, кончайте быстрее, ваш брат даже в преисподней будет поминать вашу доброту...

До того ли нам было, чтобы слушать его лепет? Да и смели ли мы слушать его? Задушит его веревка, он возразится, а нам несдобровать. Может, государь и пощадит нас, а вот его превосходительство Ван – вряд ли. В смятении развернув оружие казни и встряхнув его, мы с бабушкой подняли замок. После прикосновений государя и его жен эта штукавина неожиданно прибавила в весе. Каждый из нас держал один конец сыромятной тесемки. Заранее выверенными движениями мы сперва встали лицом к сидящему на помосте государю и его женам, потом – лицом к сановникам и министрам, наконец – лицом к коленопреклоненным евнухам и фрейлинам. Все как в театральном представлении. Тут ведающий казнями старший евнух вместе с начальником министерства наказаний его превосходительством Ваном, переглянувшись, возгласили:

– Начать казнь!

Вот уж и вправду Небо услышало наши молитвы. Сверкающий железный обруч пришелся прямо по голове Сяо Чунцзы, не свободно и не туго. Надели мы засов на него без особых усилий. Выразительные глаза Сяо Чунцзы выглядели как раз через два отверстия обруча. Нахлобучив обруч на провинившегося, мы с бабушкой Юем отступили на шаг, натянув сыромятные тесемки. Сяо Чунцзы еще лепетал:

– Братцы... Братцы... Доставьте радость...

До него ли было кому-то в этот момент! Твой отец смотрел на бабушку Юя, бабушка Юй смотрел на твоего отца, мы понимали друг друга без слов и лишь чуть кивнули друг другу. В уголках рта бабушки Юя заиграла легкая улыбка – его привычное выражение при выполнении работы. Он палач благовоспитанный. Легкая улыбка – сигнал к действию. Мускулы руки твоего отца тут же напряглись, но лишь немного, и сразу чуть расслабились. Профану эти наши напряжения в основном незаметны, но на самом деле бечевка все время должна натягиваться... Сяо Чунцзы издал странный звук, пронзительный и высокий, превосходящий по громкости волчий вой в зверинце. Мы понимали, что государю и его женам этот звук понравился, и стали потихоньку натягивать и отпускать бечевку – это было не столько убийство человека, сколько извлечение музыкантом-виртуозом увлекательных звуков из своего инструмента.

Этот день пришелся как раз на осеннее равноденствие. Голубое небо, яркое солнце, вокруг красные стены и глазурованная черепица, все ослепительно сверкало, как огромное зеркало, отражающее небо и землю. Неожиданно я почувствовал бьющее в нос зловоние и тут же понял, в чем дело: этот ублюдок Сяо Чунцзы еще и наделал себе в штаны. Твой отец украдкой окинул взглядом помост и увидел, что глаза государя

Сяньфэна округлились, лицо сделалось цвета чистого золота. Из его жен кто смертельно побледнел, кто разинул зияющие, как черные пещеры, рты. Сановники и министры стояли, вытянувшись в струнку, и дышать боялись. Евнухи и фрейлины стукались лбом о землю в поклоне так быстро, будто толкли чеснок, а несколько слабонервных уже упали в обморок. Мы с бабушкой Юем обменялись взглядами и снова поняли друг друга без слов. В этой ситуации мы думали почти одинаково. Настало время, чтобы Сяо Чунцзы получил за свою вину почти сполна. Нельзя было, чтобы его зловоние оскорбляло чувства государя и его жен. Некоторые из них уже закрывали шелковыми платками рты. Обоняние у жен было тонкое, не такое, как у государя, который любил воскурить. Надо было срочно заканчивать работу, пока порывом ветра вонь дерьма Сяо Чунцзы не достигла носа государя. Государь начнет искать виноватого, и нам придется всю эту пакость расхлебывать. Внутренности подлеца Сяо Чунцзы, наверное, уже сгнили. Зловоние проникало прямо в мозг, от человека так нести никак не могло. Твоему отцу, по правде говоря, хотелось отбежать в сторону и проблеваться как следует, но это было никак не позволительно. Если бы мы с бабушкой Юем не сдержали рвоту, это неизбежно вызвало бы рвоту у тех, кто был на помосте и под ним, и тогда – полный провал. То, что нас с

бабушкой Юем пустят в расход, – еще пустяки, то, что с головы его превосходительства Вана полетят перья, тоже не столь важно, по-настоящему важно то, что это может повлиять на здоровье государя. Это только пришло мне в голову, а бабушка Юй успел подумать об этом давно. Замечательное представление надо было заканчивать. Поэтому мы, наставник с подмастерьем, прилагая безостановочную силу, заставили обруч раз за разом впиваться в череп Сяо Чунцзы. С виду голова невезучего Сяо Чунцзы стала похожа на стянутую посередине тыкву-горлянку. Пот, катившийся с негодника, давно высох, теперь с него текло нечто похожее на лак, вонючее и смердящее, почти как вонь из штанов. От вопля, который издал из последних сил негодяй, твоему отцу, привыкшему лишать людей жизни, стало плохо. «Засова Янь-вана» не вынес бы никто, сделанный из меди или железа, разве что Сунь Укун, которого ничем нельзя было пронять, который даже провел у Верховного почтенного владыки Лао в печи для изготовления пилюли бессмертия семью семь сорок девять дней, но не покорился злему духу. Но даже царю обезьян было не по силам противостоять обручу, который на него возложил заклатьем Сюаньцзан⁴⁸

На самом деле самым впечатляющим эффектом от действия «засова Янь-вана» было то, что произошло с глазами преступника. Твой отец наклонялся телом назад и чувствовал, что дрожь Сяо Чунцзы передается от сырмятной бечевки на руку. Какая жалость, что эти выразительные глаза, которые могли говорить сами за себя и покорять сердца девиц и замужних женщин, постепенно выдавливались через отверстия «засова Янь-вана». Черные, белые, с выступившими кровяными прожилками. Вылезая, глаза становились все больше, как яйцо, появляющееся в гузке несущки. Они лезли и лезли... Один за другим раздались хлопаяющие звуки, и наконец глазные яблоки Сяо Чунцзы повисли на «засове Янь-вана». Мы с бабушкой Юем такого результата и ожидали. По предварительной договоренности мы растягивали и растягивали этот процесс. Небольшими усилиями морковка проникала в задний проход все плотнее и плотнее. По достижении ключевого момента мы сделали резкое усилие, и раздалось чмокание. Лишь тогда мы с бабушкой Юем позволили себе долгий выдох. Не знаю когда, но оттого, что мы обливались потом, петушиная кровь на лицах растворилась и капля за каплей начала стекать нам на руки. Казалось, что это из наших голов льется кровь. При взгляде на лицо бабушки Юя было понятно, что творится на лице у меня.

Сяо Чунцзы еще не испустил дух, но уже был в обмороке, глубоком, почти смертельном. Череп его уже треснул, из дыр сочились мозг вперемешку с кровавой пеной. Слышно было, как на помосте вырвало какую-то даму. Пожилой сановник с красным шариком совсем непонятно к чему бухнулся головой в землю, и его шапка отлетела далеко в сторону. На этом мы с бабушкой Юем хором крикнули:

– Казнь закончена, просим его превосходительство засвидетельствовать!

Начальник министерства наказаний его превосходительство Ван прикрыл уголком рукава лицо, глянул в нашу сторону, повернулся к переднему помосту, встал на вытяжку, взмахнул руками, опустил на колени и сказал, обращаясь вверх:

– Казнь закончена, прошу государя засвидетельствовать!

Государь напряженно кашлянул, выдержал паузу, потом обратился к находившимся на помосте и рядом с ним:

– Все видели? Это вам урок!

Говорил он негромко, но все на помосте и рядом с ним ясно слышали его.

Судя по словам государя, обращался он к евреям и фрейлинам, но все начальники шести министерств и вельможи один за другим попадали на колени, словно у них ноги подломились.

⁴⁸ *Царь обезьян Сунь Укун и буддийский монах Сюаньцзан* – персонажи одного из четырех классических китайских романов «Путешествие на Запад», опубликованного в 1590-е годы без указания автора. Заклятием «крепко сожми» Сюаньцзан сжал железный обруч на голове Сунь Укуна, чтобы привести того к повиновению.

Они наперебой безостановочно отбивали земные поклоны, кто кричал «нашему императору десять тысяч лет, десять тысяч раз по десять тысяч лет», кто – «виновный чиновник заслуживает десяти тысяч смертей», кто – «благодарим вседержителя за драконовую милость». Этот гвалт продолжался довольно долго и позволил нам с бабушкой Юем разглядеть всю суть этих высокопоставленных чиновников.

Государь встал. Старик евнух громко возгласил:

– Возвращаемся во дворец!

Государь отбыл.

За ним отбыли и жены.

Отбыли и евнухи.

Осталась лишь кучка соплеподобных сановников и тигроподобный Сяо Чунцзы.

Ноги твоего отца одеревенели, перед глазами затанцевали золотые искорки. Если бы меня не подхватил бабушка Юй, то я бы еще до отбытия государя со свитой рухнул бы прямо рядом с мертвым телом Сяо Чунцзы.

2

Вы еще смеете пялиться на меня?

Я так долго распространялся, чтобы вы поняли, почему ваш отец так обращается с этими посыльными. Какой-то незаметный начальник уезда, незначительный чиновник посылает двух мелких пособников и думает, что таким образом вызовет меня на поклон. Слишком он высокого мнения о себе. Твой отец, еще не достигнув двадцати лет, осуществил перед лицом государя Сяньфэна и нынешней императрицы Цыси такую потрясающую работу, что потом во дворце ходила молва, будто государь, раскрыв золотые уста, сказал следующее:

– И все же палачи министерства наказаний сработали на совесть! Слаженно и четко, размеренно и аккуратно, где отпустят, где затянут, целое представление для нас устроили.

Министру Вану пожаловали титул младшего опекуна наследника престола, он получил повышение и стал одним из знатных людей, и на радостях пожаловал мне с бабушкой Юем два отреза красного шелка. Спроси вон у этого по фамилии Цянь, видел ли он царственный лик государя Сяньфэна? Не видел, он даже лик нынешнего императора Гуансюя⁴⁹ и то не видел. Видел ли он грациозный образ нынешней императрицы? Не видел, он ее даже со спины не видел. Поэтому твой отец может позволить себе важничать в его присутствии.

Подождем немного, и полагаю, что начальник уезда Гаоми Цянь Дин, начальник Цянь, сам явится приглашать меня к себе. Не по своему желанию, а по приказу прибывшего из провинции его превосходительства Юаня. Твой отец с его превосходительством Юанем неоднократно пересекался, однажды выполнял для него работу, выполнил прекрасно, незаурядно, его превосходительство Юань был очень рад, пожаловал мне коробку жареной плетенки с коноплей с восемнадцатой улицы в Тяньцзине. Думаешь твой отец, всего полгода назад как вернувшийся, просто так из дома не выходит, ни с кем не общается? В твоих глазах какой-то замшелый пенек. На самом деле твой отец все понимает, только притворяется дурачком. В душе у него высоко подвешено зеркало, и весь мир освещен, как на ладони. А ты, сноха, человек одаренный, как говорится, ворует кур и ищешь собак, твои тайные любовные делишки тоже не прошли мимо моих глаз. Сын бессилен, ничего удивительного, что красный абрикос свесился через стену. Ты женщина, к тому же молодая. Если молодуха ненасытная, то порока здесь нет. Отец твой родной – смутьян, навел шуму на всю округу, теперь в тюрьме, я все знаю. Он у немцев на счету как опасный преступник, так что ни уезд Гаоми, ни провинция Шаньдун не

---

⁴⁹ *Гуансюй* («Славная преемственность») – девиз правления императора Айсиньгёро Цзайтяня (годы жизни: 1871–1908; годы правления: 1875–1908). – *Прим. ред.*

возьмут на себя ответственность отпустить его. Отец твой обречен. Юань Шикай, его превосходительство Юань – человек безжалостный, для него убить человека все равно что клопа раздавить. Сейчас он популярен в глазах иностранцев, даже нынешней императрице приходится доверяться ему, чтобы навести порядок. Я предполагаю, что он непременно устроит большое представление из лишения твоего отца жизни, чтобы его увидели не только немцы, но и весь народ уезда Гаоми и провинции Шаньдун. Чтобы они стали действительно покорными, а не разбойниками, убийцами и поджигателями. Немцы строят железную дорогу, императорский двор все с ними согласовал. Вот и остается один вопрос: как быть с твоим отцом? Он, что называется, плотник с надетой кангой⁵⁰. Сам заварил кашу, сам и расхлебывай. Не говоря уже о том, что ты не спасешь его, не спасти его и начальнику Цяню. Сынок, нам с тобой выпала благоприятная возможность появиться в обществе. Твой отец изначально собирался уйти от дел, скрыться под чужим именем, тупо умереть на родине своей смертью, но Правитель Небесный не согласился. Сегодня утром эти руки вдруг запыхали и зачесались, и твой отец понял, что дела наши не закончены. На то воля Неба, от нее не уйдешь. Тебе, невестка, не надо ни плакать, ни досадовать. Я получил величайшее благодеяние от нынешней императрицы, не смею оказаться виноватым перед императорским двором. Я не буду убивать твоего отца, на это есть другие. Лучше было бы мне лишить его жизни, нежели поручать это каким-то дилетантам-недоучкам, этим «трехлапым кошкам». Как говорится, «кровь гуще, чем вода». Я могу пустить в ход все накопленное мастерство, чтобы его казнь прогремела как следует, чтобы и после смерти его славное имя вошло в историю. Сынок, твой отец еще хочет поправить вывеску над твоим домом, чтобы открыть глаза на истину всем соседям справа и слева от нас. Разве они нас не презирают? Вот и хорошо! Мы им и покажем, что работа палача – тоже вполне себе искусство. Этим искусством добрый человек не занимается, а плохой с ним и не справится. Это ремесло показывает состояние духа императорского двора. Если оно процветает, то императорский двор тоже переживает расцвет; приходит в запустение – существование императорского двора тоже подходит к концу.

Пока паланкин начальника Цяня еще не прибыл, сынок, отец расскажет тебе о делах нашей семьи. Если сегодня не расскажу, потом, боюсь, свободного времени не будет.

3

В год, когда твоему отцу исполнилось десять лет, дед твой заболел холерой. Утром заболел, а в полдень умер. Тогда по всему уезду Гаоми умирали в каждом доме, отовсюду слышался плач над покойниками. Соседи друг на друга внимания не обращали. Твой покойник, ты и хорони. Выругавшись вдоволь, мы с твоей бабушкой оттащили деда, как дохлого пса, на общее кладбище для неимущих и кое-как засыпали его там. Не успели мы повернуть обратно, как примчалась стая диких собак и раскопала мертвое тело деда. Я поднял кирпич и изо всех сил швырнул в них. Собаки уставились на меня кроваво-красными глазами, оскалив белые клыки и пронзительно завывая. Они жрали мертвецов, измазанные с головы до ног, одна на другой, каждая свирепая, как маленький тигр, ужас один. Твоя бабушка потянула меня прочь со словами:

– Сынок, здесь не только твой отец, пусть жрут!

Я понимал, что человеку со стаей бешеных собак не справиться, остается лишь отступить, глядя, как одни рвут на нем одежду, другие впиваются в кожу и плоть, третьи рвут на части внутренности, четвертые грызут кости.

Прошло пять лет, и в уезде Гаоми распространился брюшной тиф, твоя бабушка утром заболела, а в полдень умерла. На этот раз я притащил ее тело к снопу соломы и сжег. С тех

⁵⁰ *Канга* – деревянная колодка с прорезями для шеи, рук и ног, которую надевали осужденным на казнь.

пор твой отец остался один как перст, никакой поддержки, днем ходил по дворам и просил еду, вооружившись корешками и ковшиком из тыквы. Ночью забирался в сноп соломы, сидел там на корточках в каркасе котла. Какие тут удобства и какой сон? В те времена таких, как я, попрошаек было хоть пруд пруди, и добывать еду было нелегко. Бывало, обегаешь за целый день не одну сотню дворов и даже корки сушеного батата не выпросишь. Когда стало видно, что можно сдохнуть от голода, твой отец вспомнил, что твоя бабушка при жизни говорила, что у нее есть двоюродный брат, который служит в столице при большой управе рассыльным и живет совсем неплохо, нередко посылал домой с оказией деньги. Вот твой отец и решил отправиться в столицу искать приюта у родственника.

По дороге выпрашивал еду, иногда помогал людям на подхвате, так и брел, волоча ноги, то голодный, то сытый, и наконец добрался до столичного града. Вошел твой отец в Пекин с толпой виноторговцев через «Врата Славного правления»⁵¹. Смутно помнились рассказы твоей бабушки о том, что ее двоюродный брат служит посыльным в министерстве наказаний, стал расспрашивать, где находятся шесть министерств, так и нашел министерство наказаний. У больших ворот стояли два дюжих солдата. Как только твой отец приблизился, один из солдат тупой стороной меча отогнал его на *чжан*. Твой отец стал действовать издалека. Конечно, первый поворот прочь от ворот не мог заставить меня отказаться от своих намерений, и я целый день кружил вокруг министерства наказаний. По обеим сторонам улочки, где располагалось министерство, имелось несколько ресторанов, места «собраний дворцовых» и «сходок добродетельных», с роскошными фасадами, шумными клиентами. В оживленные часы по обеим сторонам улочки выстраивались конные экипажи, по всей улице разносились ароматы деликатесов. Были еще закусочные без названий, где продавали пирожки на пару, хлебцы, блины, загустевший соевый творог... Кто бы мог подумать, что в Пекине столько вкусов, неудивительно, что жители других земель бегом бегут туда. Твой отец с детства хлебнул горя, был живеньким и наблюдательным, нередко помогал служащим в лавках выполнять кое-какую работу и взамен получал полную чашку объедков. Пекин все же город большой, и там просить еду легче, чем в Гаоми. Люди с деньгами нередко, сидя за столом, полным курятины, утятин и рыбы, ткнут пару раз палочками в блюда и больше ничего и не хотят. На объедках живот у твоего отца день за днем округлялся. Наевшись досыта, я находил уголок, где не дуло, и спал. Под теплым солнышком я слышал, как мой скелет с треском растет. На второй год жизни в Пекине твой отец вытянулся на голову, ну что твой сухой росток под весенними дождями.

Так я и коротал беззаботно дни. И вот в сытой жизни твоего отца внезапно случилась большая перемена: меня до полусмерти избила шайка нищих. Верховодил у них одноглазый мужик. Единственный большой глаз у него ярко сверкал, а через все лицо тянулся шрам от меча. Обличье пугающее. Он заорал:

– Ублюдок мелкий, вылез незнамо откуда, как дикий кот, да еще смеет хапать еду на моей территории! Увижу еще раз, что вертишься на этой улице, отрублю тебе собачью ногу, выколю твои собачьи глаза!

В полночь твой отец, весь дрожа, с трудом выбрался из вонючей канавы и свернулся клубочком. Я чувствовал, что хочу умереть. В этот момент я смутно увидел стоявшую передо мной твою бабушку. Она сказала:

– Не печалься, сынок, скоро тебе улыбнется удача.

Я торопливо разлепил глаза. Передо мной не было вообще ничего, лишь холодный осенний ветер шумит в кронах деревьев, несколько сверчков, которым вскоре суждено замерзнуть, стрекочут в гнилой траве у канавы, да множество звезд моргают с небес. Но стоит закрыть глаза – и вот она, твоя бабушка, стоит передо мной и говорит, что мне скоро улыбнется удача. Открываю глаза – ее нет.

⁵¹ По-китайски – «*Чунвэньмэнь*». – Прим. ред.

На следующее утро красный диск солнца осветил красиво сверкавший иней на сухой траве. Стая ворон с карканьем пролетела на юг города. Не знаю, зачем они торопились на юг, но и сам побрел туда же. Я был голоден до невозможности, хотел пройтись по придорожным харчевням и поклянчить еды, чтобы набить живот, но боялся наткнуться на одноглазого дракона. И тут вдруг заметил в золе у дороги капустную кочерыжку, поднял ее, снова забился в угол стены и, усевшись на корточки, стал с хрустом жевать. За этим занятием я и увидел, как из двора министерства наказаний вылетел десяток больших коней, а на них солдаты в серых мундирах с красной каймой и летних шапочках с красными кисточками. Всадники загарцевали по свежеложенному желтозему улицы. За поясами у них были короткие мечи, в руках хлысты, которыми они стегали всех подряд: человека – так человека, собаку – так собаку. Таким образом на улице в конечном счете никого и не осталось.

Через некоторое время из двора министерства наказаний выехала деревянная арестантская повозка. Ее тянул тощий мул с позвоночником, выступавшим ввысь, как лезвие меча, и ногами-палками. У стоявшего в повозке арестанта из-за распущенных волос лица почти не было видно, глаз и бровей – тем более. Повозка покачивалась, несмазанные оси скрипели. Перед повозкой шли наездники, только что разгонявшие всех на улице, а за ними – десяток трубачей с большими трубами. То, что играли трубачи, почти не поддается описанию. Не музыка, а какое-то мычание стада плачущих коров. За повозкой следовала еще одна горстка верховых чиновников в яркой парадной одежде, среди них – один толстяк, усики которого расходились от носа двумя устремленными вниз полосками в форме иероглифа «восемь». Усы казались ненастоящими, а приспособленными ему к лицу клеем. За чиновниками следовали еще десять конников. По обе стороны повозки шла пара людей в черном, с затянутыми кушаками, красными шапочками на головах и широкими мечами в руках. Лица у них были багрово-красные. Тогда я не знал, что это петушиная кровь. Оба мужчины ступали легко и беззвучно. Твой отец пристально смотрел на них, в душе немного восхищенный их манерами. Тогда я подумал, что, может, когда-нибудь научусь, как они, бесшумно ступать, как большой черный кот? Вдруг я услышал рядом голос твоей бабушки:

– Сынок, это и есть твой дядя!

Я торопливо обернулся, сзади лишь серая стена, никакой бабушки нет и в помине. Но я понял, что это говорил ее дух. И потому громко крикнул: «Дядя!» И сразу же почувствовал резкий толчок в спину и невольно выскочил к повозке.

Этот рывок был действительно от незнания почем фунт лиха. Следовавшие за повозкой чиновники и солдаты замерли. Одна из лошадей резко встала на дыбы и заржала, сидевший на ней солдат свалился наземь. Я бросился к двум людям в черном с большими мечами и заплакал: «Дядя, вот я, считай, нашел вас...» В один миг нахлынули многочисленные детские обиды, и из глаз покатились слезы. Эти двое держались очень торжественно. Сжимая большие мечи в руках, они тоже застыли. Казалось, они потеряли дар речи, смирив друг друга взглядами и вопрошали друг друга одними глазами: «Ты – дядя этого маленького попрошайки?»

Не дожидаясь, пока они ответят друг другу, солдаты впереди и сзади арестантской повозки очнулись и с грозными криками, подняв оружие, окружили нас. Мою голову накрыло холодным металлическим блеском. Я почувствовал, как здоровенная рука вцепилась мне в шею и подняла над землей. Кости моей шеи под пальцами словно хрустнули. Я болтал ногами и руками в воздухе и слезно вопил: «Дядя, дядя...» Потом этот человек швырнул меня на землю, как отшвыривают дохлую лягушку. Я уткнулся зубами в еще теплый конский навоз.

Позади арестантской повозки на рослой гнедой лошади восседал смуглолицый толстяк. На голове у него была шапка с шариком из синего хрусталя и павлиньими перьями, а на груди длинного халата был вышит белый леопард. Я понял, что это важный чиновник. Опустившись на одно колено, солдат звонким голосом доложил:

– Ваше превосходительство, тут какой-то маленький попрошайка.

Двое солдат притащили меня к чиновнику. Один схватил меня за волосы и повернул мое лицо вверх, чтобы сановнику было видно. Смуглый толстяк глянул на меня, вздохнул и заорал:

– Проклятый мальчишка, чтоб тебе ни дна ни покрышки! Уберите с глаз моих это дерьмо!

– Так точно! – громко откликнулся солдат, схватил меня за руку, оттащил к обочине и швырнул вперед с напутственным «мать твою так!».

Под лошадиное ржание остальных мое тело взлетело вверх и шлепнулось вниз головой в глубокую вонючую грязь сточной канавы.

Твой отец не без труда выбрался оттуда, в глазах было темно, ничего не видно. Надрал я травы, стер грязь с лица, открыл глаза и только тогда увидел следующий на казнь по желтозему отряд, который двинулся дальше на юг, взметая за собой тучи пыли. Твой отец смотрел на эту процессию, и душа была полна тоски и отчаяния. В этот момент над ухом снова прозвучал голос твоей бабушки:

– Сынок, иди посмотри! Он и есть твой дядя!

Повернувшись в поисках твоей бабушки, я увидел желтую дорогу с дымящимся навозом да нескольких воробьев, которые, склонив головки, высматривали черными глазками что-нибудь съестное в кучках дерьма. Где же твоя бабушка? Эхма... Стало невероятно тяжело, и не удержавшись я заплакал в голос. Я рыдал долго, эта вонючая придорожная канава и то не такая длинная. Душа моя была полна тоски и негодования по отношению к твоей бабушке. Матушка, вы сподвигли меня на то, чтобы броситься с признанием к дяде, но кто он, мой дядя? Вашего сына подняли, как дохлого котенка, и швырнули в вонючую придорожную канаву. Еще немного, и прости-прощай жизнь вашего сыночка. Неужели вы не знали, что так и будет? Матушка, если вы на самом деле владеете даром предсказания, то укажите мне действительно ясный путь, позвольте сыну избежать моря страданий. Если же вы лишены этого таланта, тогда просто не надо и говорить. У сыночка, помрет он или выживет, в любом случае петушок в небо смотрит. Вам ни о чем беспокоиться не следует. Но ваша бабка меня не слушала, и в мозгу раз за разом звучал все тот же старческий голос:

– Сынок, иди посмотри, он и есть твой дядя... Он и есть твой дядя...

Твой отец как сумасшедший помчался вперед в надежде догнать процессию. Только когда я неся из всех сил, твоя бабушка прикрыла рот. Стоило мне чуть замедлить шаг, как в ушах опять начинал звучать ее ворчливый голос, приводящий душу в смятение. Твоему отцу невольно приходилось мчаться как угорелому. Пусть эти солдаты в летних шапочках с красными кистями снова швырнут меня в вонючую канаву. Все лучше, чем призрачное брюзжание. Следуя за процессией, я вышел из города через ворота *Сюаньумэнь* и зашагал по зажатой болотистыми низинами неровной дороге, которая вела к месту казни у Прохода на овощной рынок. Тогда я впервые ступил на эту известную дорогу, теперь же она хранит много отпечатков моих ног. За стеной все смотрелось более уныло, чем в городе, по обеим сторонам дороги приземистые домишки были скованы между зеленью огородов. Там росла капуста, редька, торчали подставки для бобов с увядшими листьями и беспорядочно спутанными лозами. В огородах, согнув спины, работали люди. Одни, похоже, не обращали никакого внимания на шумную процессию, другие продолжали работу, бросая в сторону идущих презрительные взгляды, были и такие, кто трудился, не поднимая головы.

Недалеко от места казни извилистая дорога неожиданно растворялась в просторах плаца. Там, вокруг высокого эшафота, сгрудилась толпа праздных зевак. Среди них затесалось несколько нищих, там же был и избивший меня одноглазый дракон, видать, это тоже была его территория. Пешие и конные солдаты построились. Отличающиеся превосходными манерами палачи открыли дверцу повозки и вытащили осужденного. Возможно, ноги у него были перебиты. Пока его волокли, мне пришли на ум разваренные перья лука. Палачи доставили свою ношу на эшафот, убрали руки, и человек обвалился на помост грудой плоти, в которой словно не осталось костей. Из толпы зевак, окружавшей эшафот, раздались выкрики. Собравшиеся

были недовольны таким никудышным поведением осужденного. «Трус! Тряпка! – орали они. – Вставай! Спой нам пару песенок!» Приободренный ими, осужденный медленно задвигался, но перемещались у него лишь куски плоти и, с огромным трудом, еще и кости. Зеваки орали все громче, чтобы вселить в него бодрость духа. Опираясь руками об эшафот, он в конце концов поднял верхнюю половину тела, выпрямился, все еще стоя на согнутых коленях. «Давай, парень, скажи что-нибудь почетче! – орали зеваки. – Скажи пару слов! Скажи, снесут голову – останется рана размером с чашку! Скажи, через двадцать лет снова будешь добрым молодцем!»

Но осужденный шамкал ртом, пару раз всхлипнул, а потом громко прокричал:

– Правитель Небесный, на меня возвели напраслину!

В толпе все вдруг закрыли рты и тупо уставились на человека на эшафоте. Двое палачей по-прежнему вели себя безупречно. И тут ворчливый голос призрака твоей бабушки опять зазвучал у меня в мозгу:

– Крикни, сынок, сыночек милый, он же твой дядя!

Старушечий голос звучал все чаще, он возносился все выше, говорил все более строгим тоном, и я чувствовал, как шею охватывает могильный холод. Не крикни я, она протянула бы руку и задушила меня. Выхода не было, и твой отец, несмотря на риск быть зарубленным большими мечами свирепых солдат, трижды всхлипнув, громко крикнул:

– Дядя...

В этот миг все взгляды обратились на твоего отца. Взор чиновника, отвечавшего за исполнение смертных приговоров, взгляды конных и пеших солдат, взгляды зевак и нищих – все эти взоры я предал забвению, лишь взгляд осужденного запомнился мне на всю жизнь. Он резко поднял окровавленную голову, открыл залепленные кровью глаза и словно выпустил в меня две красные стрелы, сразив наповал. В этот миг смуглый толстяк, инспектор по казням, громко возгласил:

– Пора начинать...

По его возгласу трубачи печально вострубили, конные, втянув губы, загудели. Один из палачей ухватил осужденного за косичку, потянул вперед, отчего шея осужденного выпрямилась, как палка. Другой перехватил меч на руку, повернулся всем телом вправо, потом непринужденно повернулся назад влево, и хлоп! – сверкнула полоса белого света, за нею последовал и оборвался вопль несправедливо осужденного, а палач впереди уже высоко вздернул его голову. Палач с мечом встал рядом с напарником, и, обратившись лицом к инспектору по казням, они хором воскликнули:

– Просим ваше превосходительство засвидетельствовать казнь!

Сидевший верхом смуглый чиновник махнул рукой висевшей в воздухе голове, словно прощаясь с приятелем, повернул коня и поскакал прочь от места казни. В это время зрители – бесстрашные нищие впереди всех – с радостными криками столпились вокруг эшафота в ожидании, когда можно будет забраться туда и пожить одеждой осужденного. Кровь вытекала из тела небольшими каплями. Половина ее вырывалась из шеи вверх. Тело вдруг упало вперед, словно перевернувшийся большой кувшин с вином.

И только тут твой отец понял, что его дядя не чиновник, ответственный за исполнение приговора, не палач и никто из солдат, а тот, кому отрубили голову.

Вечером того дня твой отец нашел кривую иву, снял кушак на штанах, завязал узел, накинул на развилку и влез в петлю головой. Отец умер, мать тоже, а дяде – единственному, у кого можно было поискать приют, – отрубили голову. Твой отец остался в этом мире один-одинешенек, податься некуда, так что лучше всего было умереть. Когда я уже нащупал нос владыки Янь-вана, чья-то большая рука вдруг поддержала меня за попу.

Это был тот самый человек, который отрубил голову дяде.

Он отвел меня в ресторан, где все подавали в горшочках, заказал рыбы головы с соевым творогом и велел мне есть. Я ел, он не ел, сидел передо мной и молча смотрел. Принесенную

официантом чашку чая тоже не стал пить. Я наелся и, сыто рыгнув, посмотрел на него. Он сказал:

– Я – хороший друг твоего дяди, если хочешь – будешь моим учеником!

Перед глазами промелькнул его молодцеватый вид днем: сначала он недвижно стоит навытяжку, потом быстро перемещается вправо, правая рука описывает половинку полной луны, хлоп! – на половинке жалобного вопля о напраслине голова моего дяди уже взмыла высоко вверх... В ушах снова зазвучал голос твоей бабушки, на этот раз она говорила особенно мягко, это позволило мне ощутить, насколько она была тронута произошедшим:

– Сынок, милый, быстро на колени и кланяйся наставнику.

Я встал на колени, поклонился учителю до земли, глаза были полны слез. На самом деле я ничуть не переживал о смерти дяди, я переживал о себе самом. Глазницы были полны горячих слез, потому что и думать не думал в своих мечтах, что дела мои устроятся так быстро. И еще я хотел тоже стать человеком, который не моргнув глазом может отрубить голову другому. Их холодные прекрасные лики подобно пронизанным светом льдинкам засверкали в моих мечтах.

Сынок, о своем наставнике я прежде уже рассказывал тебе больше сотни раз – это был бабушка Юй. Впоследствии он поведал мне, что с моим дядей, ставшим тюремным стражником, они побратались, но дядя совершил преступление и умер от его руки. На самом деле это была огромнейшая удача, что все произошло с одного удара, быстрее ветра. Бабушка Юй рассказал, что перед тем, как голова дяди слетела с плеч, он услышал его слова:

– Брат, это племянник, сын моей сестры, позаботься о нем!

Глава 3. Глупые бредни Сяоцзя

По отцу я Чжао, а по имени – Сяоцзя. Встаю я поутру и сразу хохочу! Ха-ха! (вот таким уж я дураком уродился!). Ночью снится мне сон, явился к нам домой белый тигр. Да не простой, а одетый в красный халат, с большим хвостом, дрыгающим аккуратно по центру задницы (гы-гы-гы!). Хвост, ты, хвост, прихвостень ты эдакий... Сел белый тигр напротив меня, пасть разинул, а там – сплошь белые клыки. Клыки, клычочки, зубатенькие вы мои (ха-ха-ха!).

– Тигр, уж не вздумал ли ты меня съесть?

А тот отвечает:

– Тигры даже жирных хряков и баранов не доедают, к чему мне питаться таким болваном, как ты?

– Ну если не кушать ты явился, то что ты у меня дома забыл?

А тигр говорит:

– Чжао Сяоцзя, послушай-ка сюда. Говорят, ты сбрендил, желая заполучить волосок тигра. Вот с ним я и пожаловал к тебе сегодня. Давай, дери! (Хы-хы-хы! Ну, правда ж, дурень, каких мало!)

Отрывок из маоцянь «Казнь сандалового дерева», «Песенка мальчонки»

1

Мяу-мяу... Не заводи речь, пока не научишься мяукать, как котенок.

Мама говаривала, что у тигра усы по всей морде, и только один волос среди них самый длинный, драгоценный. Если кто добудет этот драгоценный волосок, то нужно носить его на себе, и тогда можно будет увидеть подлинную суть любого человека. Мама говорила, что все люди в мире – это звери, перевоплотившиеся в людей. Перед глазами обладателя драгоценного волоска людей уже не останется. На улицах, в переулках, в винных лавках, в банях будут одни быки, кони, собаки, кошки и так далее. Мяу-мяу. По ее рассказам, был один человек, который, будучи в провинции Гуаньдун, убил тигра, заполучил драгоценный волосок и, боясь потерять его, завернул чудо дивное в несколько слоев ткани да пришил себе тот сверточек мелкими стежками к подкладке куртки.

Когда он вернулся домой, мать спросила его:

– Ну что, сынок, ты столько лет пробыл в провинции Гуаньдун, разбогател, наверное?

Тот человек с довольством отвечал:

– Разбогатеть не разбогател, добыл лишь одно сокровище.

И с этими словами вырвал из куртки сверток, развернул ткань слой за слоем, вынул тот волосок и протянул ей. Но, подняв глаза, не увидел мать, перед ним стояла старая полуслепая собака. Тот человек испугался не на шутку, повернулся и выбежал из дома во двор, где столкнулся со старым конем, тащившим мотыгу. Из рта у коня торчала длинная курительная трубка, он попыхивал ею, выпуская из больших ноздрей струйки белого дыма. Человек струхнул окончательно и хотел было перепрыгнуть через стену и бежать куда глаза глядят, только услышал, как сзади старый конь обратился к нему по детскому имени:

– Это ты, Сяобао? Родного отца не узнаешь, что ли, ублюдок?

Человек сразу понял, что это проделки тигриного волоска у него в руке, торопливо замотал его обратно, упрятал, чтобы не видеть больше, и только тогда увидел, что отец никакой не старый мерин, а мать никакая не старая сука.

Я всегда мечтал о таком же тигрином волоске. Мяу-мяу. Каждого, кому бы я ни рассказывал о тигрином волоске, я начинал расспрашивать, где можно добыть такой. Одни говорили, что его стоит поискать в чащобах северо-востока. Я бы и отправился туда, но жену жаль одну оставлять. Был бы у меня такой тигринный волосок – вот было бы здорово! Поставил бы на улице стойку для мяса. Глядь, идет, переваливаясь, здоровый хряк – черная атласная шапочка в форме верхушки тыквы, длинный халат и клетка с певчим дроздом в руках. Подошел и кричит:

– Сяоцзя, а ну-ка пару *цзиней* свиной грудинки отвесь!

Хоть и вижу большого хряка, по голосу понимаю, что передо мной Ли Шичжай, господин Ли, отец *сюцяя*⁵², живущий неподалеку. Он знает много иероглифов, вот всякий встречный и относится к нему с почтением. Тому, кто почтения к нему посмеет не проявить, он может во всю глотку рывкнуть: «Паршивец, негодный для обучения!» Но кто может знать, что своим истинным ликом он – большой хряк? Он и сам об этом не знает, знаю лишь я. Но скажи я ему, что он – свинья, он и без посоха с навершием в форме головы дракона мне голову расколотит.

Хряк еще не ушел, как подошла, переваливаясь с боку на бок, большая гусыня с бамбуковой корзинкой на крыле. Подойдя к стойке, она покосилась в мою сторону и будто бы с лютой ненавистью прошипела: «Сяоцзя, злодей ты с черною душою, вчера продал мне студень из собачатины, так я в нем кругленький ноготь нашла! Ты, случаем, не человечину под видом собачатины продаешь? – Она повернулась к черному хряку: – Слышал, нет? Позавчера ночью в семье Чжэн зверски избили вскормленную сноху⁵³. Так избили, что живого места не осталось, вот ведь нелюди! – Сообщив эту чушь собачью, большая гусыня вновь поворачивается ко мне: – Наруби-ка мне пару *цзиней* сушеной собачатины для разнообразия». Кем ты себя воображаешь, бабка вонючая? Тебя, гусыню толстозадую, зарезать бы на холодец, чтобы не приходила и не несла чепуху, подумал бы я про себя.

Эх, был бы у меня такой тигровый волосок, вот было бы здорово. А нету его у меня.

В тот день после полудня шел сильный дождь. Дядюшка Хэ сидел в своей винной лавке и пил вино. Языкастый он господин, щеки как у обезьяны, глаза бегают, в своем истинном облике он наверняка большая мартышка. Между делом я и с ним заговорил о тигровом волоске.

– Вы, дядюшка Хэ, многое повидали и много знаете, – сказал я. – Наверняка слышали о тигровом волоске? Верно, знаете, где можно добыть такой?

Он усмехнулся:

– Эх, Сяоцзя, Сяоцзя, увалень ты этакий, ты здесь вот мясо продаешь, а жена твоя где?

– Моя жена понесла собачатину названому отцу начальнику Цяню.

– А по-моему, так человечину понесла, – сказал дядюшка Хэ. – У твоей жены мясо белое, ароматное!

– Вы, дядюшка Хэ, ваши шуточки бросьте, наша семья продает только свинину и собачатину, как мы можем продавать человечину? К тому же начальник Цянь не тигр какой-нибудь, разве он станет есть мясо моей женушки? Если бы он ее ел, то от нее давно бы ничего не осталось, а она жива-здоровая.

Дядюшка Хэ странно засмеялся:

– Начальник Цянь не белый тигр, он – синий дракон, это твоя жена – белая тигрица.

– Вы, дядюшка Хэ, ерунду какую-то несете, у вас же тигрового волоска нету, как вы можете видеть истинный облик начальника Цяня и моей жены?

– Эх ты, увалень, – протянул дядюшка Хэ. – Налей-ка мне чашку вина, расскажу тебе, куда нужно отправиться, чтобы добыть тигровый волосок.

Я торопливо налил ему чашку до краев, рассказывай, мол, быстрее.

⁵² *Сюцяй* – обладатель диплома первой из трех степеней на государственных экзаменах в Китае. – Прим. ред.

⁵³ *Вскормленная сноха* – невеста, с детства живущая в доме будущего мужа.

– Как ты знаешь, – начал он, – эта вещь драгоценная и стоит недешево. Мне этот тигриный волосок нужен совсем не для продажи, а чтобы позабавиться. Представь себе: идешь себе по улице с этим волоском и видишь разных животных в одежде и шапках, к тому же говорящих, как люди, вот, должно быть, забавно. Ты и вправду хочешь добыть тигриный волосок?

– Хочу, очень хочу, даже во сне о нем думаю.

– Ну хорошо, – сказал дядюшка Хэ. – Нарезь мне тарелку готовой собачатины, и я расскажу.

– Дядюшка Хэ, вы только расскажите, где можно добыть тигриный волосок, я вам эту собаку целиком принесу, ни медяка не возьму. – Я принес ему собачью ногу и в нетерпении уставился на него.

Дядюшка Хэ, не спеша потягивая вино и закусывая собачатиной, медленно проговорил:

– Ты действительно хочешь иметь тигриный волосок?

– Дядюшка Хэ, я вам и вина налил, и мяса принес, если не скажете – значит, вы просто обманщик. Вернусь домой, все жене расскажу. Я-то может, и дам себя в обиду, а вот жена моя меня в обиду не даст, она своим языком без костей враз тебя до ворот управы доведет, батогов по мягким местам получишь.

После упоминания жены дядюшка Хэ спешно сказал:

– Сяоцзя, добрый Сяоцзя, теперь все скажу, но ты должен поклясться, что никому не передашь сказанного, особенно своей жене, иначе даже если добудешь тигриный волосок, ничего ты с ним не увидишь.

– Хорошо, хорошо, хорошо, никому ничего не скажу, даже жене. А если кому-нибудь и скажу, пусть у моей жены живот заболит.

– Ты, Сяоцзя, мать твою, что за клятвы даешь? – осерчал дядюшка Хэ. – Какая связь между мной и тем, что у твоей жены живот болит?

– Как какая? У нее живот как заболит, так у меня душа будет болеть, из-за этой ее боли я так переживаю, плакать хочется!

– Ладно, – сказал дядюшка Хэ, – скажу, пожалуй! – Он выглянул на улицу, боясь, что подслушают. Там шелестел ливень, вода стекала со стрехи белой занавеской. Когда я поторопил его, он сказал: – Осторожность не помешает, если кто услышит, не видать тебе сокровища. – Потянулся он ко мне через стол, придвинулся горячим ртом к моему уху и зашептал: – Твоя жена часто ходит к начальнику Цяню. У него на кровати расстелена шкура тигра. Выдерни из нее волосок – горя от того никому не будет. Только запомни: пусть твоя жена поможет тебе выдернуть волосок завитой, золотистого цвета, лишь такой – настоящее сокровище, никакой другой не сработает!

Когда жена, отнеся собачатину, вернулась, было так темно, что ни зги не видать.

– Ты чего так поздно?

Она усмехнулась:

– А ты раскинь мозгами, дурень, разве не надо было подождать, пока начальник наестся? К тому же на улице дождь, пасмурно, да и стемнело рано. Ты что еще огня не зажигаешь?

– Я цветов не вышиваю, книг не читаю, чего переводить масло в лампе?

– Молодец, Сяоцзя, правильно рассуждаешь. Бедные и богатые относятся к маслу в лампе по-разному. К тому же мы с тобой не бедняки. Названный отец сказал, что начиная с этого года наша семья будет освобождена от уплаты налогов деньгами. Так что жги лампу спокойно.

Я высек огонь и зажег лампу с соевым маслом, она шпилькой для волос приподняла фитиль, и комната залилась светом, как на Новый год. В свете лампы ее лицо покраснелось, глаза блестели, словно она выпила не меньше *полцзиня* выдержанного шаосинского.

– Ты что, вино пила?

– Вот уж действительно у обжоры нюх острый. Названный отец испугался, что я замерзну, пока доберусь до дома, вот и налил мне остатки вина из кувшина. Дождина хлещет как из ведра, кто-то продырявил дно Небесной реки... Не оборачивайся, я переоденусь, все мокрое.

– Зачем переодеваться? Залезай сразу под одеяло!

– Хорошая мысль, – хихикнула она. – Кто посмеет сказать, что наш Сяоцзя глупый? Наш Сяоцзя все смекает.

Она сняла одежду и бросила ее в деревянный таз. Сверкнуло белизной тело, как вытасченный из воды большой угорь, раз! – и она шмыгнула на к ан, два! – залезла под одеяло. И я тоже, скинув штаны, забрался туда что голозадая обезьяна.

– Не трогай меня, дурень, – сказала она, завернувшись в одеяло. – Я весь день пробегала, кости рассыпаются.

– Да не трогаю я тебя. Хочу лишь, чтобы ты согласилась добыть для меня тигриный волосок.

– Глупый, – хохотнула она, – где я тебе его добуду?

– Сегодня один человек рассказал мне, как ты можешь это сделать.

– Кто сказал?

– Какая тебе разница, кто меня надоумил? В любом случае, я хочу, чтобы ты мне добыла волосок. Только мне нужен обязательно завитой да золотистый.

Ее лицо вдруг залилось краской, и она заругалась:

– Это что за сукин сын тебе все это вещал? Гляди, спущу я шкуру его собачью на барабан! А ну говори, что за ублюдок тебя подстрекает?

– Хоть убей, не скажу, я уже дал клятву на твоём животе. Если скажу – у тебя живот заболит.

Она покачала головой:

– Дурень ты дурень, жена должна тебе еще игрушки подавать. Ну где я тебе на свете такое найду?

– Если кто угодно может раздобыть это чудо, то разве моя жена не сможет? Я о тигрином волоске полжизни мечтал. Умоляю тебя, помоги мне заполучить его!

Жена теперь была уже в крайнем раздражении:

– Ну где мне добыть его? Еще какой-то завитой... Вот дурак, совсем болван!

– Говорят, что тигриная шкура лежит на *кане* у начальника Цяня. Если такая шкура в самом деле у него есть, значит можно с нее и волосок поиметь.

Вздохнув, она проговорила:

– Сяоцзя, Сяоцзя, ну что я тебе могу сказать на это?

– Прошу тебя, помоги мне добыть волосок. Если не станешь этого делать, то я тебя больше не отпущу носить собачатину. Народ вообще говорит, что ты носишь одну человечину.

Она стиснула зубы:

– Это кто еще говорит?

– Не твое дело, кто говорит, в любом случае, говорят.

– Хорошо, Сяоцзя, – сказала она. – Я добуду тебе волосок, а ты не будешь приставать ко мне?

Я рассмеялся во весь рот.

На другой вечер жена и впрямь помогла мне получить тигровый волосок. И вручила мне его – золотистый такой – со следующими словами:

– Держи крепко, а то улетит! – А потом расхохоталась, да так, что выпрямиться не могла. Я крепко держал этот волосок с колотящимся сердцем. Неужели так легко я заполучил сокровище, о котором мечтал полжизни? Я внимательно рассматривал волосок. Действительно, завитушкой, с золотистым верхом, как и говорил дядюшка Хэ. Держа его, я чувствовал,

как немеет запястье. Какое тяжелое это сокровище! Поднял голову и сказал жене, что сейчас посмотрю, из кого она переродилась. Поджав губы, она усмехнулась:

– Посмотри, посмотри, феникс я или павлин?

– Дядюшка Хэ говорил, что ты – белый тигр!

Ее лицо тут же переменялось, и она зло бросила:

– Так вот кто этот старый болтун, что мелет всякий вздор! Вот завтра же названный батюшка притащит его к воротам управы и всыплет ему пару сотен палок, чтобы тот опробовал вкус жареного мяса с бамбуком.

Сжимая в руке тигриный волос, я не мигая смотрел на жену в ярком свете лампы. Сердце билось неуверенно, руки подрагивали. Правитель Небесный, о Правитель Небесный, сейчас я увижу истинный облик жены. Кем она предстанет передо мной? Свиньей? Собакой? Зайчихой? Овцой? Лисой? Ежихой? Пусть превращается в кого угодно, только умоляю, не в змею. Я с детства боюсь змей. И сейчас боюсь, уже взрослым, только наступлю на плетеную веревку, как отскочу в сторону на три *чи*. Мать говорила, что змеи могут обращаться в женщин, а красивые женщины – по большей части змеи. Заснув в объятиях змеи, обратившейся женщиной, можно проснуться с высосанными напрочь из башки мозгами. Оборони, Правитель Небесный! Пусть будет жаба, пусть ящерица. Все не страшно, только не змея. Если она – змея, то соберу все свое свиное хозяйство и поджав хвост убегу куда глаза глядят. Мечусь из одной крайности в другую, как катающийся по земле осел, и все поглядываю на жену. Я специально сделал фитилек в лампе повыше. Огонь пламенеет, как цветок граната, ярко освещая всю комнату. Ее иссиня-черные волосы будто только что смазаны соевым маслом. Блестящий лоб краше выступов белого фарфора. Изогнутые брови как два ивовых листка. Белоснежный нос, будто вырезанный из нежного клубня лотоса. Искрящиеся влагой глаза – черные виноградинки в яичном белке. Чуть-чуть большеватый рот, накрашенные красным губы. Уголки рта подняты вверх, как у свежего водяного ореха. У меня даже глаза разболелись, а увидеть, кем она была в прошлой жизни, так и не удавалось.

Скривив уголки рта, жена насмешливо проговорила:

– Ну что, усмотрел? Говори, из кого я переродилась?

Я растерянно покачал головой:

– Не вижу, ты остаешься собой. Что же это такое, почему, попав ко мне в руки, это сокровище не действует?

Она ткнула пальцем мне в голову со словами:

– Злой дух тебя попутал. Всю жизнь на волосинке построил. Мать по ходу рассказала тебе сказку, а ты, что называется, взяв колотушку, принял ее за иглу. Теперь-то выкинул это из головы?

Я покачал головой:

– Ты не права. Как моя матушка могла обмануть меня? На этом свете кто угодно может обмануть меня, но не матушка.

– Почему же тогда ты с тигриным волоском в руке не видишь, из кого я переродилась? А я про тебя и без волоска могу сказать, что ты – из свиньи, из тупого хряка.

Я понимал, что это она ругается. Без тигриного волоска она не может видеть мой истинный облик. Но вот почему же я все еще не могу видеть ее истинный облик с волоском в руке? Почему потеряло силу это сокровище? Э-э, плохо дело! Дядюшка Хэ ведь говорил, что если я открою кому-либо его имя, сокровище потеряет силу. А разве я сам только что не проговорился, назвав его имя? Я страшно расстроился. Какая глупость, пустил на ветер с таким трудом добытое сокровище.

Я застыл с волоском в руке, и горячие слезы полились у меня из глаз.

Увидев, что я плачу, жена вздохнула:

– Дурень, когда ты перестанешь глупости пороть? – Она перегнулась, отобрала у меня тигриный волосок и – фух! – сдунула его. Волосок исчез бесследно.

– Мое сокровище! – И я зарыдал во весь голос.

Она обняла меня за шею и стала утешать:

– Ну будет, будет, перестань дурачиться, давай я тебя обниму и поспи хорошенько.

Я вырвался из ее объятий с криком:

– Мой волосок, мой тигриный волосок! – В его поисках я обшарил весь *кан*. В душе я тут же возненавидел жену лютой ненавистью. Заплатишь мне за мое утраченное сокровище, заплатишься за все! Я схватил лампу и с рыданиями и ругательствами продолжал искать.

Жена непонимающим взглядом смотрела на меня, все покачивая головой и вздыхая. И наконец сказала:

– Не ищи, он здесь.

Я был вне себя от радости:

– Где? Где?

Взяв указательным и большим пальцем изогнутый тигриный волосок с золотистой верхушкой, она вложила его мне в руку со словами: «Следи за ним хорошенько, еще раз потеряешь, я не виновата!» Я крепко сжал его, хоть и не действующее, но все же ценное сокровище. Но почему оно все-таки не действует? А ну-ка попробуем еще. Я снова уставился на жену, думая про себя: если сокровище подействует, то моя жена точно окажется змеей, змеюка она и есть. Но жена так и осталась женой, и больше ничем.

Она добавила:

– Послушай меня, дурачок, твоя мать рассказала тебе сказку, моя тоже мне ее рассказывала, она говорила, что этот тигриный волосок совсем не в любое время может действовать, только в особо опасные моменты. А иначе и быть не может! Ведь добыть это сокровище стоит столько трудов! Как бы ты жил дальше, если б вокруг были одни животные? Послушай меня: спрячь это свое сокровище куда подальше, а когда настанет нужда, тогда и достанешь его, и оно, конечно, будет действовать.

– Ты правду говоришь? Не обманываешь?

Она кивнула:

– Ты мой родной муж. Ну как я могу тебя обманывать?

Я поверил ей, нашел красную тряпицу, завернул в нее сокровище, перевязал веревкой не знаю сколько раз, а потом спрятал в расщелине стены.

2

Мой отец и впрямь суров! Упрямо отправил назад посланных начальником Цянем служащих управы. Ты, отец, не знаешь, насколько строг начальник Цянь, а я, возможно, даже слишком хорошо знаю. Сяокуй с маслбойни в Дунгуане только плюнул в сторону его паланкина, как его тут же заковали в цепи и увели. Полмесяца спустя отец Сяокуя нашел поручителя, продал два м у земли и выкупил сына. Но ноги у Сяокуя вдруг оказались разные, одна длинная, другая короткая, и он ходил, загребая ими и выписывая на земле разные фигуры. Все называли его иностранцем, говоря, что эти фигуры вроде как заморские буквы. После этого кто бы ни поминал начальника Цяня в его присутствии, Сяокуй падал сразу в обморок с полным ртом слюны. Сяокуй понял, какой суровый человек начальник Цянь, и теперь никогда не плюется в сторону его паланкина. Только завидев паланкин, он хватается за голову и бежит прочь. Отец, вы сегодня немаленькую беду на себя навлекли. Я мало в чем разбираюсь, но вот в отношении начальника Цяня я совсем не дурак. Хоть он и названный отец моей жены, но это

человек нелицеприятный, если он арестовал даже такого никудышного малого, как мой тесть, то с какой стати он пощадит тебя?

Тем не менее я понимал, что отец не тот человек, которого можно легко одолеть. Мой отец не размазня, которого можно проткнуть, как кусочек соевого творога, он человек железный, в столице многое повидал, срубил столько голов, что только на повозке возить или в лодку грузить. Если схлестнуть их с начальником Цянем, то это будет битва дракона с тигром. И заранее не известно, кто кого одолеет. Сегодня, в этот самый опасный момент, я вдруг вспомнил про свой тигриный волосок. На самом деле я никогда и не забывал про него. Жена говорит, что это мой талисман, с ним можно превращать неудачу в удачу. Я торопливо запрыгнул на кан, вынул из щели в стене красный сверток, развернул его слой за слоем и увидел тот самый тигриный волосок, изогнутый, с золотистым кончиком. Держа сокровище в руке, я ощутил, как волосок пришел в движение. Он выпирал, как пчелиное жало, и впивался в ладонь.

Большая белая змея толщиной с ведро стояла перед **каном**, вытягивая голову и выбрасывая пурпурный язычище. Ее алые губы то размыкались, то смыкались, и в конце концов из них донесся голос моей жены: «Сяоцзя, что ты задумал?» Правитель Небесный, ты прекрасно знаешь, что я боюсь змей, но как нарочно сделал мою жену змеей. Истинный облик моей жены – большая белая змея. А я десять с лишним лет валялся с ней на **кане**, не зная об этом. «**Сказание о Белой Змейке**» сразу вспомнил, вспомнил и то, как моя жена в свое время выступала в театре и в этой пьесе играла Белую Змейку, а я – ее любимого Сюй Сяня. Чего же прямо тогда она не высосала мои мозги? Моя жена все же не полностью змея, лишь родилась с головой змеи. У нее есть ноги, руки, спереди – пара титек, на голове растут волосы. Но и змеиной головы было довольно, чтобы у меня душа в пятки ушла. Тигриный волосок обжигал ладони, как угли, и я отбросил его. В этот миг все мое тело покрылось испариной.

Жена презрительно рассмеялась. Увидев ее истинный облик, ее нынешняя внешность мне вдруг показалась чуждой и страшной. Большая, толстая и извивающаяся белая змея, прятая в ее теле, могла в любой момент раздрать тонкую оболочку и явить свое первоначальное обличье. А возможно она уже знает, что я увидел ее истинный облик. Может, поэтому как раз улыбка на ее лице стала поразительно пустой и фальшивой. «Ну что, увидел? – спросила она. – Из какой твари я переродилась?» Неожиданно ее глаза стали излучать холодный свет. Изначально красивые-прекрасивые, они стали отвратительными и злыми, это были настоящие змеиные глаза!

Я попытался за глупой улыбкой скрыть панический страх. Губы не шевелились, лицо онемело, наверняка в ожидании того, что сейчас она дыхнет на меня своим ядовитым дыханием и ужалит меня насмерть.

– Не видел... – пролепетал я. – Ничего не видел...

– Обманываешь, – холодно процедила она. – Ты непременно должен был что-то увидеть. – Из рта у нее вылетела струйка холодной вони – точно змеиный запах. Смерд ударил мне в лицо. – Рассказывай как есть, из какой твари я переродилась? – На ее лице блуждала странная улыбка, на коже поблескивали светлые пятнышки, похожие на чешую.

Я решительно не хотел говорить правду, правду говорить – себе вредить. Обычно человек глупый, в такой момент я проявил себя совсем не как дурак. – Ничего я не видел, правда.

– Ты меня не обманешь, Сяоцзя, ты – ребенок, не умеющий врать. Все лицо у тебя покраснело, и пот выступил. Быстро говори, кто я? Лиса? Или хорек? А может быть – угорь?

Угорь – двоюродный брат змеи, все теплее и теплее, в западню она меня загоняет. Нет, я на ее удочку не попадусь, если сама не скажет, что переродилась из белой змеи, из меня такой глупости не выдернет. Скажи я это, она сразу же может обрести свой истинный облик, разинет пасть размером с таз для крови и проглотит меня. Нет-нет, она же знает, что у меня с собой нож. Как садану, брюхо ей вспорю, она тоже в живых не останется. Своим языком, что подтверде клюва дятла будет, она может пробить дыру в моем черепе, а потом все его содер-

жимое высосать начисто. Вытянет мозг мой из головы и за костный мозг примется, а потом будет кровь высасывать, пока одна кожа не останется, в нее она и завернет груды пустых костей. Давай, давай, строй свои козни. Стальными клещами мне рот не откроешь. Мать давно говорила, мол, если ничего не знаешь, то о чем ни спросит даже святой небожитель, ничего из тебя все равно не вытянет.

– Не видел я ничего, правда.

Она вдруг сменила суровое выражение лица и расхохоталась. После этого змеиного в ее лице стало меньше, а человеческого – больше, в основном осталось в ней только человеческое. Она переместила свое нежное тело на внешнюю сторону *кана* и при этом, обернувшись, проговорила:

– Возьми свое сокровище и погляди, из какой скотины переродился этот твой отец, сорок четыре года убивавший людей. Думаю, моя догадка почти наверняка будет точной: он от ядовитого змея!

Опять змея! Ясное дело, как говорится, «вор кричит – держите вора». Но меня такими уловками разве проведешь?

Сокровище я засунул в щель в стене. Теперь я жалел о том, что связался с ним. Люди все-таки мало понимают, какую беду могут накликать на свою голову, а чем больше знаешь, тем больше неприятностей. А главное – нельзя познать подлинное обличье человека, потому что, познав его, уже не отделаешься от знания этого. Вот познал я истинное обличье жены, получается, самая лучшая жена на свете и не жена вовсе. Если бы я и не знал, что она на самом деле змея, то все равно бы не осмеливался бы дремать в ее объятиях. Ну вот теперь знаю, что она змея. И вот как я теперь смогу даже подумать спать рядом с ней? Не стану я разгадывать и подлинное обличье отца. И так уже близких людей совсем нет, жена вон – змея. Один отец и остался.

Спрятав сокровище, я вошел в главный зал. Представшая перед глазами картина повергла меня в трепет. Силы небесные, на сандаловом кресле моего отца примостился на корточках черный барс, худой, кожа да кости. Он покосился на меня, выражение глаз знакомое. Я понял, что черный барс и есть подлинный облик моего отца. Барс раскрыл огромную пасть и, поглаживая усы, сказал:

– Ну что, сынок, теперь ты знаешь? Твой отец – главный палач великой империи Цин, отмеченный похвалой нынешней государыни императрицы. Не суждено ему быть забытым среди людей нашего ремесла!

У меня сердце захолонуло. Всего бросило в дрожь. Правитель Небесный, что же это, в конце концов, такое? Мама говорила, что тот человек, который добыл в провинции Гуаньдун тигриный волосок, спрятав его, видел только настоящий облик людей. Отец его уже не был старым меринком, а мать не была старой сукой. И вот я тоже спрятал волосок в трещине стены. Почему же тогда мой родной отец – черный барс? Думал, у меня в глазах рябит, словно сила этого сокровища осталась в моей руке и продолжала давать о себе знать. Мало того что моя жена – белая змея, теперь отец предстает в образе черного барса. К такому концу меня привел мой жизненный путь? Я в панике выбежал во двор, набрал ведро холодной воды из колодца, разбрасывая во все стороны брызги, вымыл руки, промыл глаза, чуть ли не всю голову засунул в ведро. Станные вещи происходят одна за другой с утра, голова уже вспухла, может, от холодной воды полегчает.

Когда я вернулся в главный зал, на кресле из красного сандала с резными спинкой и подлокотниками по-прежнему сидел черный барс, а не мой отец. Зверь презрительно глянул на меня, выражение глаз явно говорило, что он ждал от меня чего-то большего. На крупной, покрытой пушистым мехом голове высилась красная шапочка в виде арбузной корки, по краям шапочки торчали поросшие густой шерстью уши, которые будто бы стояли настороже. Вокруг широкой пасти железными проволоками топорщились во все стороны усы. Высунув большой

колючий язык, барс проворно облизал себе щеки и нос, потом раскрыл красную пасть и зевнул. На нем был длинный халат, сверху – коричневатая куртка-*магуа*, которую надевают поверх халата. Две большие толстые лапы, торчащие из широких рукавов, смотрелись так странно и забавно, что я не знал, плакать мне или смеяться. Лапы чрезвычайно ловко перебирали сандаловые четки.

Матушка когда-то говорила, что тигр, перебирающий четки, лишь прикидывается добрым человеком. Что же тогда следует ожидать от барса, перебирающего четки?

Я медленно пятился назад. По правде говоря, я собирался бежать. Жена – большая белая змея, отец – огромный черный барс, ясно, что жить в такой семье невозможно. Кто бы из них ни проявил первым свою дикую природу, терпеть дальше обоих у меня намерения не было. Если даже они раньше испытывали расположение ко мне и не собирались сожрать меня, как можно жить в вечном страхе за свою жизнь? Как можно жить с притворной улыбкой и бояться, что у них возникнут подозрения на мой счет. А если они и засомневаются во мне, то уже некуда будет и деться. Этот черный барс, хоть и немолодой, но задние ноги, скрещенные на кресле, у него крепко напряжены и с виду полны упругости. Прыгнет на пол и сразу пролетит по меньшей мере *чжан*. Длинные клыки что зубья бороны, хоть и старые. Легонько куснет и горло сразу перережет. Даже если я, напрягая все силы, уберегусь от старого барса, то большая белая змея точно меня не упустит. Матушка говорила, что зрелая змея – это полдракона. Как придет в движение, любого скакуна обгонит. А родная мать матушки видела, как змея с руку толщиной и длиной с коромысло догнала в траве олененка. Тот прыжок за прыжком неся как стрела. А что же змея? Подпрыгнув передней половиной тела, она понеслась, раздвигая траву по обеим сторонам и шелестя, как ветерок. Непонятно как, но она заглотнула олененка одним глотком. Моя жена толщиной с ведро и движется по сравнению с проглотившей олененка змеей не знаю во сколько раз быстрее. Хоть я и бегаю быстрее дикого зайца, все равно это не сравнится с тем, как она уносится в облачные дали.

– Сяоцзя, ты куда? – послышался сзади угрюмый голос. Обернувшись, я увидел, что черный барс приподнялся в кресле. Передние лапы – на подлокотниках, задние – на зеленых плитках пола, ясный взгляд уставлен на меня. Силы небесные, старик уже собрался прыгнуть вперед, если сейчас прыгнет, то даже в худшем случае окажется на середине двора.

Сяоцзя, Сяоцзя, ни в коем случае не паникуй, наказывал я себе, чтобы набраться смелости, и, хохотнув, произнес:

– Отец, я с той свиньей должен разобраться, свинину надо продавать свежей, тяжелой и манящей...

Барс холодно усмехнулся:

– Тебе нужно подготовиться к тому, чтобы сменить ремесло, сын мой, это как другую кисть брать в каллиграфии. Забивать свиней – низкое занятие, а вот убивать людей – высший класс.

Продолжая отступать, я сказал:

– Верно говоришь, отец, отныне я свиней колоть не буду, буду учиться у вас забивать людей...

В это время белая змея подняла голову, на белоснежной шее замерцали серебряным светом большие чешуйки размером с медную монету. Помереть можно от страха! Из большой пасти вырвался смех, похожий на кудахтанье несущих, кладущих яйца. Я услышал ее голос:

– Ну что, Сяоцзя, разглядел, нет? Отец твой из какого животного переродился? Из волка? Тигра? Или ядовитой змеи? – На моих глазах шея с чешуйками стремительно вытянулась вверх, красная кофта и зеленые штаны соскользнули вниз по цветастой змеиной коже. Черно-красное жало во рту чуть не коснулось моих глаз. Мама!

Объятый ужасом, я резко отпрыгнул назад. Бах! В ушах раздался громоподобный звук, перед глазами запрыгали золотые искорки. Мама! Из рта пошла белая пена, и я потерял сознание...

Потом жена рассказала, что у меня случился приступ падучей. Ерунда все это, у меня вообще никогда не было падучей, откуда ей было взяться? Ясно, что от испуга перед змеей я шаг за шагом отступал и ударился затылком о дверной переплет, где как раз был вбит здоровенный гвоздь. Вот гвоздем мне и пробило голову, и я сразу потерял сознание.

Я слышал, как откуда-то издалека женский голос зовет меня:

– Сяоцзя... Сяоцзя...

Не знаю, чей это был голос: матери или жены. Голова раскалывалась от боли. Я хотел открыть глаза, но веки были будто приклеены, и не разлепишь. До меня донесся какой-то неясный аромат, следом за которым я ощутил запах гнилой травы, а потом и знакомую вонь сви-нарника. Голос настойчиво звал:

– Сяоцзя, Сяоцзя...

Внезапно прохладой пахнуло мне прямо в лицо, и в голове вдруг просветлело.

Я открыл глаза, и первое, что я увидел, было пляшущее разноцветное пятно, похожее на радугу в небе. Потом я увидел слепящий солнечный свет и лицо размером с обжаренную в масле рисовую булочку, почти прилипшее к моей собственной физиономии. Это было лицо жены. Я услышал ее голос:

– Сяоцзя, ты напугал меня до смерти! – Я почувствовал ее руки, влажные от пота. Она тянула изо всех сил и с трудом поставила меня на ноги.

Повертев головой в разные стороны, я спросил:

– Где я?

– Где ты еще можешь быть, глупый, дома, – ответила она.

Дома? Я болезненно нахмурился, и все вдруг вспомнилось. Правитель Небесный, не надо мне этого вашего тигриного волоска, не надо. Я захотел первым делом бросить его в огонь.

С презрительным смешком жена прижалась ртом к моему уху и проговорила шепотом:

– Болван, ты считаешь, что это все был тигринный волосок? Это всего лишь волосок с моего тела!

Я покачал головой:

– Голова болит, страшно болит. Неправда, неправда, где у тебя на теле могут быть такие волоски? Пускай волосок с твоего тела, но я с его помощью все же увидел твой истинный облик. А без него – и первоначальное обличье отца.

– Ну и скажи, в образе чего ты меня увидел? – любопытствовала она.

Я оглядел ее большое, нежное белое лицо, ее руки и ноги, посмотрел на сидящего в кресле отца, который был вовсе не отцом, а барсом. В самом деле, будто бы только от долгого сна пробудился.

– Наверно, я спал, вот мне и приснилось, что ты – змея, а отец – черный барс.

Жена странно усмехнулась:

– А может, я на самом деле змея? Змея я и есть! – Ее лицо вдруг вытянулось, глаза стали зелеными. – Если я и впрямь змея, – злобно проговорила она, – хочу впиться в твой живот! – Ее лицо вытянулось еще больше, глаза еще сильнее позеленели, на шее опять появились мерцающие чешуйки. Я торопливо прикрыл глаза и громко закричал:

– Нет! Ты не змея, ты человек!

3

В это время ворота нашего дома резко распахнулись.

Я увидел, как у обеих створок встали, опираясь на рукоятки кинжалов, только что выгнанные отцом посыльные из управы. Эта парочка обратилась в серых волков в одежде и шапочках. У меня закружилась голова, и я поспешил закрыть глаза, надеясь спастись от сновидений. Когда я снова открыл взор, их морды уже больше походили на лица посыльных, но на руках по-прежнему росла длинная серая шерсть, а пальцы все еще загибались железными крюками. К своему огорчению, я понял, что волос с тела жены обладает еще большей сверхъестественной силой, чем тигриный. Тигриный волосок действует, лишь когда его крепко держишь в руке, а вот волосок жены стоит лишь приложить к ладони, как его магическая сила тут же накрепко опутывает тебя, держишь ты его в руке или выбросишь, помнишь ли ты о нем или уже забыл.

Встали волки-посыльные у обеих створок ворот нашего дома, открывая взгляду паланкин с четырьмя носильщиками. Паланкин твердо опустился на зеленую плитку улицы перед воротами. Четверо носильщиков – по своему изначальному обличью ослы с длинными ушами, хоть и скрытыми под высокими шапками трубочкой, но все равно явственно проступающими под тканью – сверкающими передними копытами держали шесты паланкина. В уголках рта у них выступила пена, и они с трудом переводили дыхание. Похоже, они всю дорогу бежали. Натянутые на копыта сапоги покрывал толстый слой пыли. Советник по судебным делам Дяо, которого народ называл исключительно «советник Дяо» – большой остроносый еж – розовыми передними лапками отдернул занавеску паланкина. Я узнал паланкин начальника Цянь. Сяокуй плюнул в сторону этого паланкина и накликал на себя большую беду. Я знал, что из паланкина вот-вот появится начальник уезда Гаоми Цянь Дин, начальник Цянь, и еще, конечно, названный отец моей жены. По идее названный отец моей жены приходится названным отцом и мне тоже. Я всегда хотел вместе с ней нанести ему визит, но она всегда напрочь отнекивалась.

Честно говоря, начальник Цянь относится к нашей семье неплохо, уже несколько лет как освободил нас от денежного налога. Но он не должен был за плевков ломать Сяокую ноги. Сяокуй – мой добрый приятель. «Ты дурак, Сяоцзя, – сказал он мне как-то. – Начальник Цянь подарил тебе зеленую шапку⁵⁴, что же ты ее не надеваешь?»

Вернувшись домой, я сказал жене: «Жена, а жена, Сяокуй говорит, что начальник Цянь подарил мне зеленую шапку, что это за шапка такая? И почему ты не даешь мне на нее посмотреть?»

Жена изругала меня: «Ты болван, а Сяокуй – негодяй, не смей больше ходить к нему, иначе больше с тобой спать не буду!»

Не прошло и трех дней, как Сяокую стражники управы перебили ноги. Перебить человеку ноги за плевков – это вы, начальник Цянь, палку перегнули. Но разу уж сегодня явились к нам, то посмотрю вот, из какого животного вы переродились.

Из паланкина высунулась большая, с плетеную корзину величиной, голова белого тигра. Силы Небесные! Вот из кого, оказывается, переродился начальник Цянь – из белого тигра. Ничего удивительного, матушка говорила, что императоры перерождаются из истинных драконов, а высокопоставленные чиновники – из прирожденных тигров. На голове у белого тигра – чиновничья шапка с синим шариком, одет он был в красный чиновничий халат, на груди вышита пара необычных белых птиц – курицы не курицы, утки не утки. Тело у него крупнее, чем у отца, он – дюжий тигр, а отец – лишь исхудавший барс. Он похож на тесто из белой муки, отец – на черный древесный уголь. Вышел тигр из паланкина и вразвалочку вошел в наши ворота. Тигр шагал широко и уверенно. Перед ним поспешал еж. Забежал в наш двор и громко провозгласил: «Господин уездный начальник прибыл!»

Подойдя ко мне, тигр оскалился, напугав меня так, что я зажмурился. До меня донесся его голос:

⁵⁴ «Зеленая шапка» – атрибут рогоносца.

– Ты и есть Чжао Сяоцзя?

Торопливо согнувшись в поклоне, я ответил:

– Да, да, ваш покорный слуга Чжао Сяоцзя.

Пока я кланялся, он уже больше чем наполовину скрыл свой истинный облик. Остался лишь торчавший из-под халата кончик хвоста, который волочился по земле, собирая немало грязи. Про себя я подумал: «Тигр, у нас во дворе в грязь намешались и свиная кровь, и собачье дерьмо, скоро вам на хвост мухи налетят». Не успел я подумать об этом, как целое скопище мух, мирно сидевших на стене, поднялось в воздух и с жужжанием налетело на хвост. Они садились не только на хвост начальника, но и ему на шапку, на рукава и на воротник. Начальник доброжелательно обратился ко мне:

– Сяоцзя, сходи к себе в дом, сообщи, что начальник уезда просит аудиенции.

Я сказал:

– Прошу начальника самого зайти, а то мой отец кусается.

Советник по судебным делам сразу обрел облик ежа и нахмурился:

– Ну и дерзок ты, Сяоцзя, смеешь ослушаться приказа господина! Быстро заходи и зови отца!

Подняв руки, начальник Цянь сдержал грозный господский рык, наклонился и вошел в главный зал нашего дома. Я поспешил за ним, решив посмотреть, какова будет встреча тигра и барса. Мне показалось, что они с первого взгляда стали смертельными врагами. Из глоток вырвался негромкий рык, шерсть на загривках встала дыбом, глаза загорелись зеленым огнем, оскателились белоснежные клыки. Белый тигр не сводил глаз с черного барса, черный барс не сводил глаз с белого тигра. Белый тигр ходил кругами вокруг черного барса, черный барс ходил кругами вокруг белого тигра. Ни тот ни другой не хотели выказать слабость. Мать говорила, что, как правило, дикие звери, готовясь к нападению, всегда топорщат усы и выпучивают глаза, разрезают пасти и скалят зубы для пущей важности, чтобы сперва подавить соперника своей мощью. Стоит одному проявить трусость и потерять авторитет, прижав уши, поджав хвост или опустив взгляд, так победителю хватит нескольких беспорядочных укусов, и все будет кончено. Если и тот и другой звери через силу крепились, не желая терять авторитет, тогда ожесточенной схватки было уже не избежать. Когда драки нет, то и смотреть не на что, интересно наблюдать именно реальную жестокую схватку. Я надеялся, что отец сможет решительно выступить против начальника Цяня, и оба не станут уступать. Они ходили друг против друга кругами, все быстрее, все яростнее, от отца вздымался черный дымок, от начальника Цяня – белый пар. Из главного зала они переместились во внутренний дворик, оттуда – на улицу, кружили и кружили, у меня даже в глазах зарябило. Тела зверей завертелись волчком, в конце концов они слились воедино. В черном появилось белое и покатилося, как яйцо. В белом образовалось черное и свилось в веревку. Они метались по двору с востока на запад и с юга на север, то забираясь на крышу, то скатываясь в колодец. Вдруг раздался громогласный гул, задрожали горы, забурило море, кроль поспешил покрыть крольчиху, и, наконец, все успокоилось. Белый тигр и черный барс, высунув языки и зализывая раны на плечах, сидели по-собачьи в половине *чжана* друг от друга. От этой великой схватки тигра и барса у меня в глазах все померкло, я исполнился и восторга, и ужаса, все тело покрылось испариной. Но победителя они так и не выявили. Пока звери грызлись, сплетаясь в один клубок, мне очень хотелось помочь отцу-барсу, но вмешаться было невозможно.

Начальник Цянь злобно смотрел на моего отца, на его лице играла презрительная улыбка. Отец с точно такой же презрительной улыбкой не сводил лютого взгляда с начальника Цяня. Мой отец по большей части избегал заглядывания прямо в глаза начальнику уезда, того самого начальника, который избил до полусмерти Сяокуя. Мой отец – настоящий барс, настоящий осел, настоящий бык. Когда пересекаются взгляды таких двух людей – это как скрещиваются мечи в поединке. Чик, чик! Только искры летят в разные стороны. Попали они и мне в лицо,

несколько больших волдырей у меня сразу вскочило. Но отводить взгляд никто не хотел. У меня сердце прямо в горле засело, только раскрой рот и выскочит, упадет на землю, тут же превратится в дикого зайца и, задрав хвост, вприпрыжку удерет со двора, выбежит на улицу, за ним погонятся собаки, но сердце-заяц бежит быстро и умчится на южный склон пощипать зеленой травки. Ах, какая травка, трава-мурава, наедайся вдоволь и с удовольствием, наращивай жирок, чтобы по возвращении в грудную клетку не поместиться. Вижу, как мускулы зверей напряглись, потихоньку показались и таящиеся в лапах когти. В любой момент они готовы были броситься вперед и откусить друг у друга кусок величиной с яйцо. Именно в этот напряженный момент из внутренних покоев вышла моя жена, внося лезущие в нос ароматы, цветущую, как розы, улыбку, раскинувшиеся во все стороны ажурные локоны. Вихляет бедрами, будто веревку вьет. Перед глазами мелькнул ее истинный облик, но он тут же затерялся в ее коже, белой и нежной, ароматной и сладкой. Жена делано опустилась на колени и голосом слаще меда, кислее, чем уксус, произнесла:

– Смирренная Сунь Мэйнян почтительно представляется господину начальнику уезда!

Своим коленопреклонением жена тут же истощила силу начальника Цяня. Взгляд его заблуждал, он закашлялся, как простуженный козел. Было ясно, что этот кашель притворный. Я хоть и дурак, но тоже смог разглядеть это. Он смотрел на жену искоса, не смел смотреть ей прямо в глаза, не смел задерживать на ней взгляд, его взор прыгал туда-сюда, как саранча, и со стуком натякался на стены. Лицо у него, бедняги, дергалось, не знаю, то ли от смущения, то ли от страха. Он без конца повторял:

– Не надо церемоний, не надо церемоний, поднимись, поднимись...

Встав, моя жена сказала:

– Говорят, господин посадил в тюрьму моего отца, требует у иностранцев большую награду. А я было приготовила собачатину с шаосинским, собралась отнести господину, чтобы поздравить!

Начальник Цянь хохотнул, надолго задумался, потом ответил:

– Как чиновник на содержании императорского двора разве я могу работать не с полной ответственностью?

Моя жена залилась хохотом, безо всякого страха подошла, ухватила начальника Цяня за черную бородку, повертела его толстую косу. Мама, что же ты меня не родила с такой толстенной косой? Потом подошла к сандаловому креслу, не зная ни закона земли, ни велений Неба, встала за ним и ухватила за косичку уже моего отца.

– Только посмотрите друг на друга: один – мой названный отец, другой – отец моего мужа. Названный отец арестовал моего родного отца и хочет, чтобы отец моего мужа убил его. Названный отец, отец моего мужа, жизнь моего родного отца – в ваших руках!

Проговорив эти безумные слова, жена отбежала в угол и стала сквозь рыдания давиться сухой рвотой. Болея душой за нее, я конфузливо подошел и стал гладить ее по спине:

– Жenuшка, ты что хочешь, вытянуть из них всю бодрость духа?

Жена выпрямилась и с полными слез глазами яростно бросила:

– Болван, у тебя еще хватает совести задавать мне такие вопросы? Я для продолжения вашего рода забеременела незаконным ребенком!

Ругая меня, жена не сводила глаз с начальника Цяня. Взгляд отца же был устремлен на крышу. Наверное, рыскал там глазами в поисках обосновавшегося на кровле большого геккона. Начальник Цянь был совсем не в своей тарелке и ерзал задом, словно маленький мальчик, сдерживающий понос. По голове у него скатывались капли пота. Вперед вышел и согнулся в поклоне советник Дяо:

– Господин, нам стоит совершить сначала служебные дела, его превосходительство Юань в главном зале ждет ответа!

Начальник Цянь утер рукавом халата пот с лица, разгладил растрепанную моей женой бородку, снова откашлялся по-козлиному, потом со спокойным лицом, хотя и с крайней неохотой, поклонился отцу:

– Если я не ошибаюсь, вы и есть знаменитый Чжао Цзя, бабушка Чжао.

Держа двумя руками четки из сандалового дерева, отец встал и гордо сказал:

– В силу того, что у простолюдина Чжао Цзя в руках четки из сандалового дерева, которые ему собственноручно пожаловала нынешняя императрица, простолюдину Чжао Цзя не полагается вставать на колени перед почтенным начальником.

С этими словами отец высоко поднял эти будто тяжелые, как железная цепь, четки высоко вверх, словно ожидая чего-то.

Начальник Цянь отступил на шаг, сдвинул вместе ноги, привел в порядок широкие рукава, отбросил их, упал на колени, стукнулся лбом об пол и слезно воскликнул:

– Верный слуга, начальник уезда Гаоми Цянь Дин желает императрице долгой жизни!

Потом он встал и сказал:

– Не я осмеливаюсь утруждать нефритовые стопы бабушки. Вас приглашает к себе генерал-губернатор провинции Шаньдун его превосходительство Юань.

Не обращая внимания на слова начальника Цяня, мой отец, перебирая руками четки и высматривая геккона на крыше, произнес:

– Господин начальник уезда, кресло, на котором сидит простолюдин, пожаловано ему самим государем, и согласно официальным установлениям, в кресле следует признавать государя!

Лицо начальника Цяня тут же побагровело, сделавшись темнее сандала. Похоже, он был вне себя от гнева, но сдерживался, не смея выказать его. Мне казалось, что отец, заставивший господина встать перед ним на колени, уже и без того перевернул небо и землю, смешал чиновников и простой люд. Зачем, спрашивается, вынуждать начальника опускаться на колени второй раз? Нужно вовремя остановиться. Матушка говорила: император – чиновник большой, но он далеко на краю небес; начальник уезда – чиновник маленький, но он совсем близко, прямо перед тобой. И этот служака может придрататься к какой-нибудь мелочи, и мы получим по первое число. Отец, начальник Цянь человек совсем не безропотный. Я уже вам рассказывал, как мой хороший приятель Сяокуй плюнул в сторону его паланкина, и ему тут же переломали все ноги.

Вращая глазами, начальник Цянь холодно спросил:

– В этом кресле государь где и в какое время сживал?

– В восемнадцатый день последнего месяца года Земляной Свиньи в зале Человеколюбия и Долголетия императорского дворца государыня императрица выслушала доклад начальника дворцового охранного отряда Ли Да о моей деятельности и сооблаговолила в нарушение правил принять у себя простолюдина. Государыня пожаловала простолюдину четки, позволила простолюдину сложить меч и встать на праведный путь. Потом она велела просить награды у государя. Государь встал и сказал, мол, мне нечего подарить тебе, но, если тебя не смущает его тяжесть, можешь увезти с собой вот это кресло.

На мрачном лице начальника Цяня мелькнула презрительная усмешка:

– Я особым талантом и знаниями не блистаю, малообразован и ограничен, но сколько я ни читал сочинений, древних и современных, китайских и иностранных, мне не встречалось упоминание об императоре, который с легкостью передал бы собственное седалище другому человеку, не говоря уже о том, чтобы пожаловал его палачу! Вы, бабушка Чжао, не слишком ли перебрали с этим враньем? Смелость в голову ударила? Что же ты не утверждаешь, что государь пожаловал тебе и владения Великой Цинской империи за триста лет, сто тысяч л и гор и рек? Вы в министерстве наказаний столько лет упражнялись с мечом, наверное, должны знать кое-какие государственные установления. Так позвольте спросить, эта искаженная передача высочайших указов, поддельные святыни, клевета, возведенная на головы императрицы

и императора, как должны наказываться по закону? «Казню тысячи усекновений» или «Разрубанием по пояснице»? Полным истреблением рода или казнью родственников преступника?

Отец ты мой, откуда с утра пораньше такое беспричинное сумасбродство? Это ведь навлечет на нас страшную беду. Я испугался так, что душа ушла в пятки, и, торопливо бухнувшись на колени, стал молить о пощаде.

– Начальник Цянь, если мой отец тебя обидел, разруби его на куски и скорми собакам, поделом ему, но мы-то двое вас не раздражали, беду не навлекали, вы уж сделайте милость, не истребляйте наш род. Если вы нас истребите, кто будет носить вам мясо и вино? К тому же моя жена только что призналась, что беременна! Если уже истреблять весь род, то может быть обождать хотя бы, пока она родит?

Меня высмеял советник Дяо:

– Ты, Чжао Сяоцзя, тупица порядочный, раз уж речь идет об истреблении рода, тут уж косят траву и вырывают корни, будет убита вся семья и ни одного побега не останется. Неужели можно оставить твоего сына, чтобы он продолжал род и дальше?

Подошедший отец пнул меня и выругался:

– Проваливай отсюда, размазня! Когда все спокойно, еще держишься почтительным сыном, а как наступила беда, становишься совсем никчемным? – Отругав меня, он повернулся к начальнику Цяню: – Если у вас, господин начальник уезда, есть подозрения, что я распространяю клевету и дурачу народ, почему бы вам не съездить в столицу и не поспрашивать государыню и государя? Если же дальняя дорога вам в тягость, нелишне по возвращении спросить его превосходительство Юаня, он, почтенный, наверняка узнает это кресло.

Слова моего отца были с подвохом, и начальник Цянь попался на крючок. Чиновник закрыл глаза и вздохнул. Открыл глаза и сказал:

– Ладно, мои знания неглубоки, пусть бабушка Чжао посмеется надо мной! – Начальник Цянь сложил руки, поклонился отцу малым поклоном, затем снова опустил рукава, насупил брови, звучно откинул рукава, бухнулся на колени и, обращаясь к креслу, отбил земной поклон и громко прорычал, словно публично выругался: – Покорный слуга начальник уезда Гаоми Цянь Дин желает нашему императору десять тысяч лет, десять тысяч лет, десять тысяч раз по десять тысяч лет!

Маленькие ручки отца, перебирающие четки, беспрерывно дрожали, в глазах лучилось неприкрытое довольство.

Начальник Цянь поднялся и с усмешкой проговорил:

– Нет ли у бабушки Чжао других высочайших подарков? Я один поклон совершил, второй совершил. Третий и четвертый раз тоже надо будет кланяться?

Отец усмехнулся:

– Начальник, простолюдин не виноват, таковы установления императорского двора.

– А раз нет, то попрошу бабушку Чжао пройти вместе со мной, его превосходительство Юань и генерал-губернатор Клодт почтительно ожидают в уездной управе!

– Осмелюсь попросить господина распорядиться, чтобы ваши люди захватили с собой это кресло, хочу, чтобы его превосходительство Юань рассудил, настоящее оно или нет.

Начальник Цянь задумался на миг, потом махнул рукой:

– Хорошо. Эй там, сюда!

Двое волков, вновь ставших служителями управы, подняли императорское кресло отца и вслед за ним и начальником Цянем вышли к воротам. Мою жену во дворе одолевала страшная рвота, она всхлипывала и в перерыве между приступами тошноты, вся в слезах, громко крикнула:

– Отец, постарайтесь выжить, дочка уже забеременела для вас внуком!

Я видел, как начальник Цянь то краснел, то бледнел, ему было не по себе, а на лице моего отца все больше проявлялось самодовольное выражение. Перед паланкином начальник

Цянь и отец стали церемонно пропускать друг друга, как два чиновника различного ранга, как два взаимно уважающих и взаимно любящих приятеля. В конце концов никто из них так и не сел в паланкин, а потому двое служащих управы стали запихивать в него кресло, оно не вошло, пришлось перевернуть его и нести на жердинах паланкина. Опершись на паланкин, отец вступил в него, положил туда четки и снова вылез. Занавески паланкина опустились и загородили неприкосновенную вещь. Освободив маленькие белые ручки, отец с необычайно довольным видом поглядывал на начальника Цяня. Тот странно усмехнулся, мгновенно поднял руку, размахнулся и попал прямо по щеке отца со звонким шлепком, словно прихлопнул жабу. Застигнутый врасплох, отец стал выписывать круги, а как только приобрел равновесие, его настигла еще одна оплеуха начальника Цяня. Она была посильнее, отец пошатнулся и упал на землю. Оглушенный ударами, отец с растерянным видом сидел на земле. Он опустил голову и сплюнул кровью вместе с парой зубов.

– Пошли! – скомандовал начальник Цянь.

Носильщики подняли паланкин и резво взяли с места. Двое солдат подняли отца и, взяв за руку с каждой стороны, потащили, как дохлого пса. Начальник Цянь, выпятив грудь, величественно шагал впереди, этакий петух, только что сошедший с обтопанной курочки. Он не опускал голову, чтобы смотреть под ноги, и поэтому споткнулся о кирпич и чуть не распластался, как собака в дерьме, хорошо, что его поддержал советник Дяо. Но в суете у начальника Цяня упала на землю шапка, он торопливо поднял ее и напялил на голову, сначала криво, пришлось поправлять. Начальник Цянь следовал за паланкином, советник Дяо за ним, сзади два солдата тащили волочившего ноги отца, а в самом хвосте бежала стайка ребятни. Так они и шествовали, спотыкаясь, десяток с лишним человек, по направлению к управе.

Из глаз у меня брызнули слезы, в душе я сожалел, что только что, рискуя жизнью, не бросился к Цянь Дину. Неудивительно, что, ругая меня, отец сказал, что в обычные дни я почтительный сын, а в трудный момент становлюсь никудышной размазней. Мне следовало палкой перебить ему ноги, проткнуть ему ножом живот... Выбрав большой нож, я выбежал во двор, а потом на улицу, решив догнать паланкин Цянь Дина, но меня отвлекло любопытство. Следуя за роем мух, я нашел место, куда отец выплюнул зубы изо рта. Там действительно было целых два зуба, задние, коренные. Я поковырял эти зубы ножом, на душе стало очень тяжело, на глаза выкатились две слезы. Затем я встал, плюнул вслед уходящим вдаль теням, громко выругавшись:

– Мать твою этак... – И негромко добавил: – Цянь Дин!

Глава 4. Негодование Цянь Дина

Сидит в западной приемной покровитель уезда Гаоми, напившись допьяна, и только и думает о милом лице Мэйнян, что из семейства Цзя (но не снисходит на опьяненное тело хмельное упоение). Ее глаза трепещут, как две осенние волны, слепят взор алые губы и белые зубы. Сердце мое тает от нежного мотива из оперы маоцянь, а шаосинское вино и собачатина чувства не на шутку раздухают. Как говорили издревле, никакому генералу не дано покорить чертог истинной красавицы, а вот красная юбка ставит на колени любого героя. С тобой мы что две рыбы, резвящиеся в воде, что два феникса, реюющие в выси. И вот мы завели тайную любовь в зале правосудия (да простят мое преступление предки!). Но, ох, несчастье! Красивой мечте не дана долгая жизнь. Возникла на нашем пути непредвиденная преграда. Взялись за оружие простые люди северо-восточного края. А во главе их встал зачинщик произвола: старик Сунь Бин, в прошлом – артист, радовавший всех песней и достойной великого мужа бородой. Когда я только принял дела в уезде Гаоми, Сунь Бин имел неосторожность высказаться обо мне высокомерно и непристойно. Я выдал красный ярлык служащим управы, чтобы те приволокли ко мне Сунь Бина в железных путах да батогами отхлестали его тупой зад, пока тот не стал синим. Покончив с увещеваниями, мы померились с ним бородами, чем я заслужил себе всеобщую любовь в народе. В тот славный день дано мне было повидаться с Сунь Мэйнян, кольцом из драгоценного нефрита, которому Небеса даровали жизнь. Мэйнян – дочь этого Сунь Бина, а потому я был вынужден запятнать себя родственным чувством к нему... Кишки немецкого чертяки полны кипучей желчи, а потому распорядился он, чтобы Сунь Бину вменили казнь жесточайшую. А исполнить ее вдруг назначили Чжао Цзя – свекра моей Мэйнян...

Отрывок из маоцянь «Казнь сандалового дерева», «Песня спьяну»

1

Присядь, жена, зачем тратить силы на такую черную работу, как подогрев вина и готовка еды? Эти слова я говорил тебе тысячу раз, но ты все пропускаешь их мимо ушей. Садись! Мы с тобой – муж и жена, сегодня выпьем в свое удовольствие, пока не напьемся. Не надо бояться, что хватим лишку, не надо ничего бояться, что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Не надо говорить, что двор глухой, комната тайная, где совсем ничего не слышно. Даже в чайных домиках и винных лавках, где много народу, я говорю все, что на душе лежит, выкладываю то, что на сердце накопело. Среди твоих предков, жена, – важные чиновники Великой империи Цин. Выросла ты в богатой семье, твой дед – Цзэн Гофань. Чтобы вызволить родной край из опасного положения, он все глубоко и всесторонне обдумал, трудился в поте лица, не щадил себя ради страны, действительно можно сказать, предотвратил катастрофу в самый страшный момент, став оплотом державы. Если бы не семья почтенного Цзэна, то славной цинской династии давно бы уже не было, вряд ли она дотянула бы до сегодняшнего дня. Давай, жена, хлопнем стопочку. Не думай, будто я пьян. Я совсем не пьян. Сколько бы я ни пил, вино может опьянить лишь мою плоть, но не дух. Скажу откровенно, жена, без утайки, существование империи Цин уже подошло к концу. Императрица узурпировала власть, император – марионетка, петухи насиживают яйца, курицы возвещают рассвет, **ян** и **инь** поменялись местами, черное смешалось с белым, подлые люди оказались в силе, бесчинствует кол-

довство – абсолютно невообразимо будет, если уж такой императорский двор возьмет да не потерпит крах! Ты уж позволь, жена, высказаться всласть, а то одним молчанием и задохнуться можно! Династия Цин со всеми ее хоромами, которые вот-вот рухнут... Если уже собирался падать, так падай, пока не поздно! Хочешь сгинуть, так погибай теперь же! Зачем, спрашивается, цепляться за такое неопределенное положение, когда нет ни жизни, ни смерти. Ты, жена, мне рот не затыкай, вино не отнимай, дай выпить и наговориться вволю! Августейшая и благородная императрица, принявший волю Неба великий император – правители огромной страны – пренебрегают всеми приличиями и у всех на глазах дают аудиенцию палачу. Что такое палачи? Человеческие отбросы, которых даже в «низкие» профессии не запишешь!⁵⁵ Такие сановники, как я, работают с утра до ночи, трудолюбивы и внимательны, ведут дела, но для нас потрясающая редкость даже бросить взгляд на царственный лик. А таких ублюдков, хуже некуда, вызывают на торжественную аудиенцию! Императрица жалует им четки, император дарит кресло, еще немного, и чиновничий титул можно давать да повышать по службе. Твой дед, жена, почтенный Цзэн Гофань стратегии разрабатывал, тремя армиями командовал, были у него и Южный поход, и Северный поход, ратные подвиги и достижения – государь и то драконье кресло ему не пожаловал, верно говорю? Твой дядюшка, боец за Родину почтенный Цзэн Гоцюань на передовой бросался первым в атаку, отважно сражался, чудом остался в живых. Но ему императрица четок не подарила, правильно рассказываю? А вот драконье кресло и четки наши правители пожаловали кому? Какому-то палачу! Эта скотина, хвастаясь подарками государя и государыни, стал необдуманно важничать, принудил меня к коленопреклонению и челобитию перед креслом и четками – и перед ним тоже! Разве можно такое терпеть! Я чиновник незначительный и человек легкого нрава, но все же солидный и благородный, *цзиньши* сразу по обоим спискам⁵⁶, официальное лицо пятого класса. И когда такого человека, как я, подвергают унижению и позору, как тут не прийти в ярость! А ты еще говоришь, что нетерпимость к пустякам может испортить большое дело. Но если доходит до такого беспредела, то о каких больших делах вообще можно говорить? На улицах ходят постоянные слухи о том, что объединенные войска восьми держав уже у ворот города, императрица и император не сегодня завтра бросят все и уйдут на Запад, а Великая Цинская империя уже на краю гибели. И в такой момент я еще должен набраться терпения?! Я не стану терпеть! Я ничего не прошу! Жена, как только эта скотина возложила в паланкин драконье кресло и четки, я от души вломил пару затрещин по его тощей песьей морде! Хоть какая-то отдушина! И каждая затрещина получилась звонкая. Эта псина, склонив голову, пару зубов своих собачьих выплюнул с кровью. У меня до сих пор рука болит. Удовольствие, да и только! Налей-ка мне вина, супруга.

После моих затрещин вся спесь этой скотины рассыпалась в пух и прах, он и хвост поджал, как пес шелудивый. Но я заметил, что в душе он не покорился, нет, не покорился. Эти глубоко посаженные глаза, в которых даже белка не видно, сверкали ярко-зеленым светом, как блуждающие огоньки. Этот подлец совсем не слюняй. За парадной аркой управы я спросил его:

– Бабушка Чжао, как себя чувствуешь?

Угадай, что он сказал? Хихикнув, этот мерзавец произнес:

– Приложился ты, начальник, хорошо, настанет день, когда я верну тебе должок.

– Не настанет для тебя такой день, – ответил ему я. – Золотую пластинку проглочу, повешусь, отравлюсь, горло себе перережу, но к тебе в руки не попаду!

А он продолжает:

⁵⁵ «Низкие профессии» – ими считались в первую очередь артисты: певцы, музыканты, актеры, акробаты и так далее.

⁵⁶ На государственных экзаменах в Китае можно было получить высшую и вторую степени: собственно *цзиньши*, которая присуждалась по результатам экзаменов в столице, и *цзюйжэнь*, которая присуждалась по результатам экзаменов на провинциальном уровне. Здесь подразумевается, что Цянь Дин получил обе степени. – Прим. ред.

– Боюсь только, что к тому времени это от тебя, начальник, зависеть не будет! – И еще вставил: – Много у меня на памяти примеров таких начальников, как ты.

Да, жена, твоя правда. Ударив его, я только руки запачкал. Я – человек представительный, начальник уезда, чиновник императорского двора, мне не пристало препираться с таким подлым человеком. Кто он вообще такой? Свинья? Так она посolidнее его будет! Собака? Та поblагороднее. Но мне-то как быть? Его превосходительство Юань распорядился пригласить его. А воля чиновника столь высокого ранга довлелет над тобой со всей силой! Вот я и послал людей с приглашением, но посланники вернулись ни с чем, пришлось отправиться самому. Похоже, в глазах его превосходительства Юаня мы, целый начальник уезда, в подметки не годимся какому-то палачу.

Перед входом в судебный зал я схватил этого зверя за руку. А рука у него горячая, как уголья, мягкая, как комок теста, не как у обычных людей. Я хотел ввести его в зал за руку, изобразив радушие, чтобы скотине было трудно поведать о своих бедах. Но негодяй легко выдернул руку. Глядя на меня, он загадочно усмехнулся. Не знаю, какие коварные планы зрели у него внутри. Он залез в паланкин, напялил на шею четки, потом вскинул это тяжеленное сандаловое кресло себе на голову ножками вверх. Этот ублюдок собачий, вроде такой хилый, соплей перешибешь, сумел водрузить себе на голову целое кресло! Так он и вошел, пошатываясь, в судебный зал со своим талисманом на голове. Я неловко проследовал за ним. В зале рядом с генерал-губернатором Клодтом сидел его превосходительство Юань Шикай, и по лицу того сразу разлилось изумление. Выражение на лице у Клодта – нечистокровного и лукавого ублюдка – установилось ничуть не менее озадаченное.

Скотина с креслом на голове опустилсЯ на колени прямо по центру зала и отчетливо произнес:

– Бывший судебный палач министерства наказаний, сподобившийся милостивого разрешения государыни императрицы удалиться на покой и вернуться в родные края доживать дни свои, простолюдин Чжао Цзя предстает перед вашими превосходительствами!

Его превосходительство Юань поспешно встал, выставив вперед солидный животик, мелкими шажками бегом спустился в зал и, оказавшись перед этим прохвостом, принялся снимать с него тяжеленное кресло. Оно оказалось слишком массивным, и даже приподнять его Юаню не удалось. Видя, что ничего не получается, я торопливо шагнул вперед, помог его превосходительству Юаню снять кресло с головы плебея. Мы осторожно развернули кресло и установили его посередине зала. Встряхнув рукавами, его превосходительство Юань снял с себя обеими руками головной убор, опустилсЯ на колени для земного поклона и провозгласил:

– Верный слуга генерал-губернатор провинции Шаньдун Юань Шикай желает государыне императрице безграничного долголетия!

Я почувствовал, будто над головой грянул гром, и совсем онемел в своем уголке. Лишь когда его превосходительство Юань закончил ритуал, я вдруг осознал, что совершил ужасное преступление, за которое следует небесная кара. Я в панике бросился на колени и снова исполнил ритуал троекратного коленопреклонения и девятикратного челобития этой скотине, его креслу и четкам. От холодных кирпичей зала я набил себе на лбу шишку. Пока я отбивал поклоны креслу, выbleдок Клодт шушукался с сидевшим рядом переводчиком. На вытянутой худой роже иностранца застыла презрительная улыбка. Эх, великая Цинская династия, такая вот ты и есть: своих чиновников презираешь, а иностранцам угождаешь. У этого гада Клодта со мной всегда были трения, полагаю, в присутствии его превосходительства Юаня он ни одного доброго слова про меня не скажет. Ну да ладно, будь как будет. Что бы вы ни говорили, ублюдки, схватить Сунь Бина вам помог я.

Скотина так и осталсЯ стоять на коленях и вставать даже не собиралсЯ. Его превосходительство Юань сам начал тянуть его вверх, а тот не встает. Понимаю, что дело плохо, и этот

мерзавец хочет доложить о двух затрещинах. Так и есть! Он снял с шеи четки и, подняв их обеими руками, произнес:

– Прошу, ваше превосходительство, помочь простолюдину советом!

Его превосходительство Юань хмыкнул, посмотрел на меня и бросил:

– Излагай!

Подлец и заявляет:

– По словам начальника Цяня, я говорю неправду и распространяю слухи.

– Какую именно неправду и какие слухи? – спросил его превосходительство Юань.

– Он говорит, что это драконье кресло и четки – обычные простонародные вещицы, утверждает, что простолюдин вводит всех в заблуждение, чтобы сыскать себе пустой славы!

Его превосходительство Юань глянул на меня и сказал:

– Это называется дальше своего носа не видеть!

– Ваше превосходительство, – стал оправдываться я, – ваш покорный слуга ошибочно полагал, что правила этикета недоступны простонародью, а высокие чиновники освобождены от наказаний. Как может государь огромной страны давать аудиенцию палачу да еще одаривать его таким ценными подарками? Оттого я и испытывал сомнения.

Его превосходительство Юань сказал:

– У тебя знания и опыт неглубоки, ты, как говорится, заглатываешь древность, но не усваиваешь ее. Нынче государыня императрица действует в соответствии с требованиями эпохи, делает все возможное, чтобы добиться процветания страны, любит народ, как сына, бережно относится к настроениям подданных. Как солнце, она проливает свет на все сущее. Ее сияние достается поровну и большим деревьям, и низким травам. У тебя душа ограничена, малая утроба да куриные кишки. Цепляешься за старое, придерживаешься установленных образцов, мало видел – многому дивишься.

Мерзавец тут вставляет:

– А еще начальник Цянь выбил простолюдину два зуба.

Его превосходительство Юань хлопнул ладонью по столу, встал и гневно произнес:

– Бабушка Чжао при трех императорах прослужил в министерстве наказаний, работал при тюрьмах и судебных секретарях, много лет проводил государственные казни, он мастер своего дела, внес большой вклад в дела державы, даже государыня императрица высоко ценила его. А ты, мелкая сошка, начальник уезда, смеешь ему зубы выбивать! Совсем не чтишь в душе государыню императрицу и государя императора?

Я застыл, как пораженный молнией, меня прошиб холодный пот, вся одежда промокла, колени подогнулись. Я рухнул на пол и, кланяясь, стал молить о пощаде:

– У вашего покорного слуги кругозор ограниченный, терпимость незначительная, виноват я перед бабушкой, оскорбил авторитет императора. Мое преступление заслуживает самой высокой кары, но все же уповаю на прощение вашего превосходительства!

Его превосходительство Юань долго вздыхал, потом молвил:

– Ты проявил высокомерие по отношению к императорскому двору, позорно ударил простолюдина, нужно было бы строго наказать тебя, но помяная о том, что ты при содействии генерал-губернатора Клодта поймал главаря бандитов Сунь Бина – а это заслуга немалая, – посчитаем, что этим деянием ты искупил свою вину!

Кланяясь без остановки, я твердил:

– Благодарю ваше превосходительство за оказанную милость, благодарю ваше превосходительство за оказанную милость...

Его превосходительство Юань продолжал:

– Пословица гласит: «Ударь человека, но не заставляй его терять лицо, а разоблачив человека, не вскрывай его недостатки». Ты ни с того ни с сего выбил безвинному человеку два

зуба, если простим тебя, боюсь, бабушка Чжао сочтет это за оскорбление. Так вот, ты дважды поклонись ему и дай ему двадцать *лянов* на лечение зубов.

Теперь ты, жена, понимаешь, какому глубокому бесчестью я подвергся сегодня. Проходя под низкой стрехой, разве может человек не опустить голову? Скрепя сердце, я опустился на колени, хотя внутри меня всего рвало на части, и с глазами, налившимися кровью, отбил этой зверюге еще два поклона...

А эта тварь, с улыбочкой приняв от меня чествование, нагло заявила:

– Начальник Цянь, у простолюдина дома хоть шаром покати, есть нечего, жду пока рис упадет в котел. Надеюсь, по этим двадцати *лянам* достопочтенный сановник рассчитается со мной незамедлительно.

При этих словах его превосходительство Юань расхохотался. Юань Шикай, его превосходительство Юань, подлец этакий, взял и в присутствии иностранца и какого-то палача опозорил подчиненного. Я великолепно сдал экзамены на степень *цзиньши* по двум спискам, я выдающийся чиновник императорского двора, а ты, его превосходительство Юань, так позоришь просвещенного человека, неужели не боишься задеть чувства всех чиновников Поднебесной? Это только с виду вы вместе унижаете лишь одного маленького начальника уезда Гаоми. На самом деле вы позорите престиж великой династии Цин. Желтолицый переводчик все переводит раздающийся на весь зал диалог Клодту, который убьет человека и глазом не моргнет, а тот смеется еще звонче его превосходительства Юаня. Эх, жена, твоего мужа сегодня выставили дрессированной обезьяной. Какой величайший позор и унижение, величайший позор и унижение! Ты, жена, позволь мне выпить, позволь напиться до чертиков и отдохнуть душой. Эх, его превосходительство Юань, неужто вы не знаете, что человек образованный готов пойти на смерть, но не допустит опозорить себя? Успокойся, жена, руки на себя не наложу. Когда-нибудь принесу жизнь во имя великой Цинской династии, но сейчас еще не время.

С молчаливого согласия его превосходительства Юаня этот невежа с довольным видом уселся в гребаное кресло из пурпурного сандала. Я стоял навытяжку, как какой-нибудь дежурный служитель управы. В груди все бурлило, горячая кровь то и дело бросалась в голову. В ушах шум, руки распухли, так и хотелось броситься вперед и схватить эту гадину за горло. Но я не смел, сознавая, что я трус. Втянув голову, опустив плечи, я изо всех сил старался изобразить на лице улыбку. Я, жена, негодяй, не знающий ни стыда, ни совести, ни горячности! По терпеливости, считай, нет мне равных в Поднебесной!

Его превосходительство Юань обратился к этой животине:

– Бабушка Чжао, время летит быстро, после неприятностей в Тяньцзине сколько лет прошло?

– Лишь восемь месяцев, ваше превосходительство.

– Понимаешь, зачем я призвал тебя?

– Простолюдин не знает, ваше превосходительство.

– Знаешь, почему императрица вызвала тебя на аудиенцию?

– Простолюдин слышал, будто начальник дворцового охранного отряда Ли рассказывал, что ваше превосходительство перед императрицей хорошо отзывались о простолюдине.

– Нас двоих поистине свела судьба! – сказал его превосходительство Юань.

– Простолюдин вовек не забудет милости вашего превосходительства. – Мерзавец встал, отвесил поклон его превосходительству Юаню и снова забрался на кресло.

– Сегодня я пригласил тебя потому, что хочу, чтобы ты за меня – и, конечно, за императорский двор – выполнил одну работу.

– Не знаю, что за работу ваше превосходительство имеет в виду.

Его превосходительство Юань усмехнулся:

– Ты палач, мать-перемать, какую еще работу можешь делать?

– По правде сказать, ваше превосходительство, – заявил презренный, – после казни в Тяньцзине у меня запястье болит, уже меч не поднять.

– Драконье кресло поднимаешь, а меч не поднять? – хохотнул его превосходительство Юань. – Не иначе как после аудиенции у императрицы ты моментально превратился в Будду?

Скот соскользнул с кресла и встал на колени:

– Ваше превосходительство, ваш покорный слуга не смеет, ваш покорный слуга что-то навроде свиньи или пса, мне никогда не стать Буддой.

Его превосходительство Юань ответил холодным смешком:

– Если ты сумеешь стать Буддой, то и любая сволочь сможет.

– Верно говорите, ваше превосходительство.

Его превосходительство Юань спросил:

– Знаешь, что натворил смутьян Сунь Бин?

– После возвращения в родные места ваш верный слуга сидит взаперти и о том, что творится у него за воротами, не ведает.

– Я слышал, Сунь Бин – родственник кого-то из твоих детей?

– Ваш покорный слуга служил в столице, несколько десятков лет в родные места не возвращался, семейными делами покойная жена занималась.

Его превосходительство Юань сказал:

– Сунь Бин стал заодно с бандитами-*ихэтуанями*, собрал вокруг себя толпу бунтарей, породил споры в разных областях, добавил бесконечных хлопот государю и императрице, и по законам Великой Цинской империи он преступник, достойный истребления девяти поколений семьи.

– Дело вашего покорного слуги – лишь принимать распоряжения и исполнять приговоры, в законах я не разбираюсь.

– По закону ты тоже в числе этих девяти поколений, – заметил его превосходительство Юань.

– Ваш покорный слуга лишь полгода, как вернулся в родные края и – сушая правда – никакого Сунь Бина и в глаза не видел.

Его превосходительство Юань продолжал:

– Сердца людские подобны стали, законы подобны печи. С прошлого года бандиты-*ихэтуани* неистовствуют, они ненавидят образование, уничтожают все иностранное, вызывают международные конфликты, порождают страшнейшие бедствия. Великие державы сейчас осадили Пекин, обстановка опасная. Сунь Бин хотя и схвачен, но его сторонники еще бесчинствуют по всей округе. В восточных провинциях народ скорый на руку и смелый до дерзости, в уезде Гаоми люди еще более упрямые и неуправляемые. Когда вокруг волнения и смута, то государство в смертельной опасности, без применения тяжких наказаний смутьянов не обуздать. Я сегодня позвал тебя, во-первых, чтобы побеседовать по старой дружбе, а во-вторых, хочу, чтобы ты придумал такой вид казни для Сунь Бина, который мог бы устрасить смутьянов и отвлечь других от волнений.

Дослушав до этого момента, я заметил, что глаза негодяя стали излучать яркий блеск, озаряя тощее лицо, похожее на лезвие меча – только что вынутая из горна полоска стали. Его несуразно маленькие ручонки, похожие на двух зверьков, лежали на коленях и с шелестом подрагивали. Я понимал, что у этого скота дрожь не от трусости, в мире, наверное, нет ничего, что могло бы заставить трястись руки палача, истреблявшего людей тысячами. Было ясно, что руки у него дрожат от возбуждения, как у волка, учуявшего мясо. В глазах этой зверюги появилась злоба, хоть он и произносил почтительные и смиренные слова. Да, он – грубый и невоспитанный палач, но, похоже, прекрасно ориентируется во всем объеме знаний цинского чиновничества. Он скрывал невежество, сохранял простоту, усыплял бдительность, чтобы заманить

в ловушку, избегал столкновения там, где противник имеет реальную силу, и, прикидываясь дураком, наносил удар в самое слабое место. Он опустил голову и произнес:

– Ваше превосходительство, ваш покорный слуга – человек темный, исполняю лишь наказания по приказу начальства...

Его превосходительство Юань расхохотался, а, отсмеявшись, с разлитым по лицу добросердечием спросил:

– Бабушка Чжао, наверно, опасается навредить престижу семьи, потому и не желает продемонстрировать свое мастерство?

Этот живоде́р – настоящий демон. Почувяв за шуточками его превосходительства Юаня злоязычие и углядев за улыбкой господина ядовитую гримасу, он соскочил с кресла и бухнулся на колени со словами:

– Ваш покорный слуга ничего не смеет. Ваш покорный слуга уже говорил землякам, что на самом деле боится лишь того, что отнимет у уездных коллег заслуженную пиалу риса...

– Так вот ты чего опасешься, – хмыкнул его превосходительство Юань, – со способного и спрос больше.

– Раз уж его превосходительство так ценит своего верного слугу, мне нечего и опасаться, я даже не боюсь показаться смешным.

– Говори же, расскажи о всех казнях, которые осуществлялись начальством в народе в прежние эпохи. Только помедленнее, чтобы переводчик успевал переводить заморскому гостю.

– Как говорил вашему покорному слуге его наставник, из разрешаемых уложениями нынешней династии казней самая жестокая – «Казнь тысячи усекновений».

– Ну, это твой коронный номер. Когда ты в Тяньцзине казнил Цянь Сюньфэй, ты изобразил для нас как раз «тысячу усекновений». Штука неплохая, вот только смерть наступает слишком быстро...

При этих словах его превосходительство Юань многозначительно кивнул в мою сторону. Жена, его превосходительство Юань – большой мастер по части уловок, все он видит и слышит, а потому он не мог не знать, что Сюньфэй – мой родной младший брат. И действительно, Юань с улыбочкой уставился на меня. Улыбка напоказ, а вот взгляд колет, как жало скорпиона. И, будто припомнив, Юань меня и спросил: «Начальник уезда Гаоми, слышал я, что этот покушавшийся на меня Цянь Сюньфэй – твой двоюродный брат?»

Ох, жена, меня словно громом поразило, да холодный пот прошиб. Не зная, как быть, я рухнул на колени и стал отбивать поклоны. Вот ведь какая беда свалилась на голову твоего мужа сегодня! Мелькнула даже дерзкая мысль, что, как говорят в деревне, помрешь или жить останешься – все равно будешь лежать торчком вверх. А потому лучше уже говорить как есть, а не скрывать, чувствуя, что совесть нечиста.

– Докладываю вашему превосходительству, – сказал я, – Цянь Сюньфэй – мой родной брат, третий по старшинству, у дяди не было детей, вот он его и усыновил для продолжения рода.

Юань Шикай кивнул и продолжал:

– Да, у дракона девять детей, и все разные. Все письма, что ты ему написал, я читал, сразу чувствуется, что писал *цзиньши* по двум спискам, из известной семьи. Послания твои красноречивы, написаны грамотно и возвышенно! А вот письмо, которое написал тебе он, ты, наверное, и не читал. В нем он разрывает с тобой всякие отношения да ругает тебя на чем свет стоит. Ты, начальник уезда Гаоми, человек честный и неглупый, а я всегда считал, что честность и есть ум. Эх, уездный, на шапке твоей перья длинные, но птица ты невысокого полета! Вставай!

Жена, ах, жена! День сегодня выпал мне такой неудачный, то одна напасть, то другая. Наливай давай! Ну что ты мешаешь мне напиться и расслабиться?

Мы с тобой, жена, знали только, что третьего брата казнили в Тяньцзине «тысячей усекновений», но и думать не думали, что исполнителем казни мог быть этот поганец Чжао Цзя. Вот уж действительно правду говорят: с врагом непременно повстречаешься на узкой дорожке! Юань Шикай – человек дальновидный и расчетливый, на устах мед, а за пазухой нож, попасть к нему в руки, боюсь, не к добру. Пей, жена, счастье не беда, от судьбы не уйдешь, человек живет один век, травы и деревья – одну осень, уж была не была.

В общем, взгляд этого негодяя воровато скользнул по моей шее, наверное, изучал, как голова у меня крепится, прикидывал, где лучше мечом приложиться.

Его превосходительство Юань, больше не обращая на меня внимания, повернулся к Чжао Цзя:

- Кроме «тысячи усекновений», есть ли еще какие-нибудь впечатляющие казни?
- Ваше превосходительство, кроме «тысячи усекновений», самая жестокая при этой династии – «Разрубание по пояснице».
- Ты эту казнь проводил?
- Можно сказать, что да, проводил один раз.
- Тогда не спеша расскажи, чтобы генерал-губернатор Клодт послушал.

2

– Ваше превосходительство, – начал мерзавец, – в седьмой год правления Сяньфэна, когда вашему покорному слуге было семнадцать лет, я стал «племянником» у палачей министерства наказаний, тюрем и судебных секретарей и, повинаясь тогдашнему бабушке, наставнику вашего покорного слуги, служил я у него на подхвате как подмастерье. Пока бабушка выполнял основную работу, ваш покорный слуга помогал со стороны, прилежно обдумывая каждое движение наставника. Тогда на «Разрубание по пояснице» был осужден рабочий императорского казначейства. Этот негодяй был высокий и здоровенный, ему в открытый рот кулак засунуть было можно. Рабочие казначейства, ваше превосходительство, – все большие мастера серебро тырить. Входя в казначейство, они были обязаны раздеваться догола. И выходили оттуда, естественно, тоже голыми, но и это не останавливало их от воровства. Угадайте, ваше превосходительство, куда они прятали серебро? В задний проход.

– Как объяснить «задний проход»? – спросил желтолицый переводчик.

Его превосходительство Юань зыркнул на него:

– Очко это в заднице! А ты покороче давай!

– Есть, ваше превосходительство, ваш покорный слуга будет излагать покороче. За время правления династии Цин каждый год была недостача серебра, не знаю, сколько чиновников казначейства было безвинно казнено, но никому даже в голову не пришло, что за этим могут стоять рядовые рабочие. В каждом заведении – свои правила, в каждый дом есть свой вход. Так вот, рабочие казначейства, несмотря на скудное жалованье, понастроили себе роскошные апартаменты и большие дворы, содержали красивых жен и наложниц. И у всех у них приумножение семейного благосостояния держалось исключительно на заднем проходе. Надо сказать, задний проход – место нежное, нежелательно, чтобы даже песок туда попадал, но рабочие казначейства как-то умудрялись запихивать туда слитки по пятьдесят **лянов** серебра. По возвращении домой парни сандаловыми палками делали себе задний проход пошире. По форме эти палки походили на ослиное хозяйство. За много лет пользования они пропитывались кунжутным маслом, из пурпурных становились розовыми, блестящими и гладкими. Подразделяли эти палки на большие, средние и малые. Сначала в дело шли палки поменьше, затем – средние и большие. Задний проход расширяли днем и ночью, пока он не становился невероятно вместительным, прекрасным тайником для расхитителей казенного серебра. В день, когда все случилось, мордастый рабочий засунул себе в задний проход аж три слитка. На проверке при выходе

из казначейства его лицо исказилось гримасой боли, и каждый шаг он делал с трудом, словно на голове у него стояла чашка воды, а в заднице застрял огромный кусок дерьма. У чиновника казначейства зародились подозрения, вот он и пнул работника под зад. Удар был несильный, но ноги парня сразу расслабились, и из зада вывалился целый слиток серебра. Чиновник раскрыл рот от удивления, пнул его еще пару раз, и из зада выскочили еще два слитка. «Ах ты, ублюдок, – разразился бранью чиновник, – в задницу себе три моих годовых жалованья засунул!» Тут стало ясно, откуда берется богатство этих работников. А потому теперь анусы всех рабочих казначейства проверяют длинным щупом. Когда о случившемся доложили наверх, господин Сяньфэн был взбешен и повелел конфисковать все имущество рабочего, а его самого приговорить к смертной казни. Специально для него бабушке Юю велели придумать особую казнь: ввести в задний проход раскаленный докрасна железный прут. Не успел Юй даже привести казнь в действие, как людям стало известно, что чужое добро берет за ребро.

В день казни народу у Прохода на овощной рынок было море, простому люду приелись казни через отсечение головы, и перспектива повидать новую кару их вдохновляла. За приведением приговора в исполнение наблюдал его превосходительство помощник министра наказаний Сюй, а также высокопоставленный чиновник ревизионной палаты его превосходительство Сан. Все было устроено особенно торжественно. Готовясь к проведению казни, палачи полночи не спали. Бабушка самолично точил большой топор-*сюаньхуа*. Свояченица только умер от болезни, вот старшая тетка и вторая тетка готовили деревянную колоду, веревки и тому подобное. Я поначалу думал, что в «Разрубании по пояснице» используется меч, но бабушка сказал, что со времен основателя нашего ремесла в этой казни используется именно топор. Перед отъездом бабушка велел мне на всякий случай все-таки захватить с собой и большой меч.

Рабочего казначейства под конвоем доставили на эшафот. Этот негодяй настолько перебрал с «последними чарками», что его охватило пьяное буйство. Глаза красные, изо рта брызжет белая пена, просто бешеный бык какой-то. Плечи здоровенные, в один миг обрушивается силой в тысячу сто *цзиней*. Старшей тетке и второй тетке вдвоем было не справиться с ним. Когда преступник начал дебоширить, пришедшие поглазеть стали шумно выражать ему свое одобрение. И чем громче они его выражали, тем больше этот негодяй бесновался. С большим трудом удалось уложить его на колоду. Старшая тетка спереди прижимал голову, вторая тетка сзади придерживал ноги. Рабочий ничуть не успокоился, а все молотил ручищами вокруг, как цепами, пинался во все стороны своими лошадиными копытами, извивался, как змея, выгибался спиной туда-сюда, как червяк. Чиновник, ответственный за исполнение приговора, не стал ждать, пока мы разберемся с этим типом, а торопливо отдал приказ о приведении приговора в исполнение. Бабушка занес топор и с размаху яростно рубанул. Полоса белого света и легкий ветерок. Когда бабушка поднимал топор, воцарилось глубокое молчание. Как только топор опустился, зрители разразились радостными криками. Я услышал шипение и увидел, как брызнула красная струя. Лица старшей тетки и второй тетки залило горячей кровью. Вот только удар топора не разрубил рабочего напополам. Работу еще только предстояло довести до конца. В тот момент, когда бабушка опустил топор, позвоночник рабочего изогнулся в сторону, в результате чего удар пришелся на живот и прорубил его. Страдальческий вопль заглушил радостные крики. Колоду с хлюпаньем прикрыли вывалившиеся кишки. Бабушка хотел вытащить топор, но удар получился слишком сильный, и топор вошел в колоду чересчур глубоко. Бабушка лихорадочно пытался вытащить его, но, к сожалению, топорище, замаранное кровью, походило на вьюна, которого хватаешь, а он выскальзывает, и сколько усилий ни прилагай, все напрасно. Зрители возмущенно начали выкрикивать свое неодобрение. Рабочий дергал конечностями и оглушительно ревел. Я, переволновавшийся, но сметливый подмастерье, не дожидаясь бабушкиного распоряжения, шагнул вперед с большим мечом в руках, нацелился на прорубленный бабушкой разрез, сжал зубы, зажмурился и, опустив меч, рассек рабочего

пополам. Тут бабушка пришел в себя, повернулся к чиновнику, ответственному за проведение казни, и громко крикнул: «Казнь завершена, прошу ваши превосходительства засвидетельствовать!» Оба их превосходительства, смертельно бледные, застыли в оцепенении. Старшая тетка со второй теткой отпустили окровавленные руки и, свесив измазанные головы долу, поднялись на ноги. Задняя половина тела рабочего корчилась в легких судорогах, где и лежала, но уже без каких-либо резких движений. А вот с верхней половиной все было исключительно плохо. Ваше превосходительство, если бы не видел собственными глазами, а только слышал рассказ об этом, то я сам не поверил бы, да и когда видел все собственными глазами, и то немного не поверил бы им, подумал бы, не вижу ли я кошмарный сон. Этот тип, вероятнее всего, в прошлом перерождении был стрекозой. Стрекоза же, потеряв нижнюю половину тела, еще может летать. Вот я и увидел, как рабочий, опираясь обеими руками, выпрямился половиной тела и стал беспорядочно скакать по эшафоту. От всей липучей крови, льющейся из кишок, и у нас промокли ноги. Лицо этого человека слепило желтизной, как листовое золото. Изо рта, который вертелся из стороны в сторону, как утлая лодчонка на волнах, слышался рев, в котором уже было не разобрать слов, и с клочкотанием вырывалась кровавая пена. Поразительнее всего вела себя его косичка. Она, как хвост скорпиона, задиралась крючком, ненадолго выпрямлялась на затылке, а потом вяло свешивалась вниз. Зрители перед эшафотом замолкли, самые смелые смотрели, не отрывая глаз, а вот ваш покорный слуга прикрыл-таки глаза рукой. Были и такие, кто не выдерживал, хватался руками за горло, и их выворачивало наизнанку. Наблюдавшие за исполнением приговора чиновники, прищипывая лошадей, умчались прочь. Мы вчетвером застыли на эшафоте, глядя, как выказывают все свои возможности верхней половинки тела рабочего казначейства. Прошло еще немного времени – достаточного на одну трубку табаку, – и он нехотя рухнул ничком. Во рту еще что-то булькало. И если закрыть руками глаза и только слушать, то можно было подумать, что это грудной ребенок гулит, напиваясь молока.

3

Закончив живописать разрубание по поясу, мерзопакостная животина умолкла с белой пеной в уголках рта. Бегающими глазами негодяй стал изучать выражения лиц его превосходительства Юаня и Клодта. Перед глазами Юя все еще стоял страшный образ рассеченного напополам рабочего казначейства, а в ушах звучал пронзительный рев. Его превосходительство Юань слушал рассказ жадно, прищурившись и не проронив ни звука. Клодт же внимательно прислушивался к бормотанию переводчика, то и дело наклоняя голову, чтобы взглянуть то на Юаня, то на Чжао. Его движения и выражение лица напомнили мне сидящего на скале орла.

Наконец, его превосходительство Юань заговорил:

– Ваше превосходительство генерал-губернатор, с моей точки зрения, нужно применить разрубание напополам.

Переводчик негромко перевел сказанное. Клодт пролопотал несколько слов на своем языке, и переводчик сказал:

– Генерал-губернатор желает знать, как долго может прожить преступник после разрубания напополам.

Глянув в сторону своего живодера, его превосходительство Юань поднял подбородок, предлагая палачу дать ответ.

Тот сказал:

– Вообще-то он может прожить столько, за сколько выкуривают трубку табака, но это неточно. Некоторые умирают сразу, как подрубленное деревце.

– Генерал-губернатор говорит, что разрубание не годится, – рапортовал переводчик, – потому что преступник умрет слишком быстро. Эта казнь смутьянов в трепет не приведет. Господин полагает, что, возможно, есть некая особенно жестокая казнь, при которой преступ-

ник испытывает крайние мучения и какое-то время не умирает. Генерал-губернатор выражает надежду, что после проведения казни преступник проживет дней пять. Лучше всего, чтобы он дожид до 20 августа, до церемонии открытия движения по участку Циндао – Гаоми.

– Подумай хорошенько, есть ли такие казни? – спросил его превосходительство Юань.

Паршивец покачал головой:

– Ни одна казнь не сгодится, чтобы продлить жизнь преступника на пять дней, даже повешение.

Клодт снова что-то пробормотал переводчику, и тот сказал:

– Генерал-губернатор говорит, что Китай отстает во всем, но вот по казням он впереди всего мира. У китайцев в этом отношении особый талант. Дать человеку умереть только после великих мучений – это китайское искусство, суть китайской политики...

– Дери воздух и дальше, – негромко бросил превосходительство Юань, который тут же, чтобы скрыть ненароком вылетевшую непристойность, громко обратился нетерпеливым тоном к своему поганцу: – Все-таки поразмысли хорошенько. – А потом повернулся к Клодту: – Ваше превосходительство генерал-губернатор, если в вашей стране есть такие замечательные наказания, мы бы были благодарны вам за возможность узнать о них. Этому важнее было бы у вас поучиться, чем строительству железных дорог.

Переводчик передал Клодту слова его превосходительства Юаня. Клодт, нахмурившись, задумался. Мерзавец, повесив голову, тоже, судя по всему, размышлял над поставленной перед ним задачей.

Клодт вдруг оживился и стал что-то бубнить переводчику. Тот сказал:

– Его превосходительство генерал-губернатор утверждает, что в Европе есть некий вид казни на колу: человека сажают на кол, и он может умирать довольно долго.

Глаза скота мгновенно просветлели, и он в приподнятом настроении заявил:

– Ваше превосходительство, ваш покорный слуга вспомнил! В прежние годы я слышал от своего наставника, что наставник его наставника в правление Юнчжэна⁵⁷ провел над человеком, нагадившим вблизи императорской усыпальницы, сандаловую казнь.

– Что за сандаловая казнь? – спросил его превосходительство Юань.

– Наставник вашего покорного слуги отзывался на ее счет не очень четко, но, судя по всему, сандаловый кол забивают человеку в задний проход, пока он не выходит позади шеи, потом этого человека привязывают к дереву.

– Мысли великих умов текут в одном направлении! – холодно усмехнулся его превосходительство Юань. – И сколько этот человек проживет?

– Наверное, дня три, может, четыре.

Его превосходительство Юань велел переводчику быстро сообщить это Клодту. Тот, услышав о сандаловой казни, пришел в восторг и коряво озвучил: – Халасо, сандалофый касни каласо!

Его превосходительство Юань резюмировал:

– Ну, раз генерал-губернатор Клодт говорит «халасо», значит, так тому и быть. Сунь Бину назначается сандаловая казнь, а вы должны сделать так, чтобы он прожил пять дней. Сегодня 13 августа, завтра даем один день на подготовку, послезавтра, 15 августа, начинаем казнь.

Зверюга неожиданно рухнул на колени:

– Ваше превосходительство, вашему покорному слуге лет немало, руки-ноги уже не так расторопны, чтобы сделать такую большую работу, ему потребуется помощь.

Глядя на Юя, его превосходительство Юань сказал:

– Пусть из тюрьмы уезда Гаоми выделяют палачей тебе в помощь.

---

⁵⁷ **Юнчжэнь** («Гармония и справедливость») – девиз правления императора Айсиньгэоро Инчжэня (годы жизни: 1678–1735; годы правления: 1722–1735).

– Ваше превосходительство, – возразил мерзавец, – ваш покорный слуга не хотел бы, чтобы коллеги из уезда вмешивались в это дело.

– Боишься, что заслуги твои себе присвоят? – засмеялся его превосходительство Юань.

– Смиловитесь, ваше превосходительство, разрешите моему сыну быть моим помощником.

– А чем твой сын занимается?

– Режет свиней и собак.

– Ну, значит человек опытный! – снова усмехнулся его превосходительство Юань. – Хорошо. В бою лучше всего опираться на родных. Войско должно быть сплоченным, как отец и сын, так что твое предложение я поддерживаю.

Невежа так и оставался на коленях и не вставал.

– Что еще сказать хочешь? – спросил его превосходительство Юань.

– Ваше превосходительство, ваш покорный слуга тут подумал, что для проведения этой сандаловой казни нужно построить высокий эшафот два **чжана** высотой, установить на нем толстую колонну, и к ней прибить перекладину. Еще нужно сбоку эшафота устроить дорожку из досок, чтобы исполнители казни поднимались и спускались.

– Вернешься к себе, нарисуй эскиз, пусть начальник уезда Гаоми по нему все сделает.

– Еще понадобится пара заготовок сандалового дерева, выструганных по форме драгоценных мечей, эту работу ваш покорный слуга сделает сам.

– Пусть начальник уезда Гаоми поможет тебе в этом.

– Нужно двести **цзиней** очищенного кунжутного масла.

– Ты что, хочешь зажарить Сунь Бина под вино? – прыснул его превосходительство Юань.

– Ваше превосходительство, когда кол из сандалового дерева будет выструган, его нужно будет опустить в масло и проварить в нем по крайней мере сутки. Таким образом он беспрятственно войдет в преступника и не будет впитывать кровь.

– Сделать все это пусть тебе тоже поможет начальник уезда, – сказал его превосходительство Юань, – если требуется еще что-то, лучше говори до конца.

– Еще требуется десять мотков веревки из сыромятной кожи, – стал перечислять негодяй, – одна деревянная киянка, один белый петух, две войлочные шапочки красного цвета, две пары кожаных сапог, два комплекта черной одежды, два красных шелковых пояса, два острых ножа в форме бычьего уха, а также сто **цзиней** белого риса, сто **цзиней** белого хлеба, сотня куриных яиц, двадцать **цзиней** собачатины, двадцать **цзиней** говядины, полцзиня женьшеня высшего качества, один горшок для варки лекарств, триста **цзиней** дров, два ведра для воды, один чан для воды, один большой котел и один маленький.

– Тебе нужно, чтобы кто-нибудь еще принимал участие и что-то делал?

– Ваше превосходительство, послушайте, что вам скажет ваш покорный слуга: после проведения казни во внутренностях ран не будет, но кровь будет течь беспрестанно. Чтобы он прожил еще какое-то время, нужно каждый день вливать в него отвар из женьшеня. В противном случае ваш покорный слуга не может гарантировать, что после совершения казни он сможет прожить еще пять дней.

– А с отваром ты можешь гарантировать, что после казни он сможет прожить еще пять дней?

– Ваш покорный слуга клянется! – твердо заявил мерзавец.

– Начальник уезда, – произнес его превосходительство Юань, – помоги палачу с составлением подробного списка всего необходимого и отправляй людей на закупку без всякого промедления!

А негодяй продолжал стоять на коленях.

– Вставай! – велел его превосходительство Юань.

А подлец все стоял на коленях и отбивал поклоны.

– Ну довольно, – рассердился вконец его превосходительство Юань, – хватит стучать своим собачьим лбом! Слушай хорошенько: если проведешь сандаловую казнь успешно, то пожалую вам с сыном сто *лянов* серебра. Если же паче чаяния что-то пойдет не так, то прикажу вас самих посадить на сандаловый кол и повесить на столб просушиться!

Скотина все-таки отбил еще один звонкий поклон:

– Благодарю, ваше превосходительство!

– Тебя, начальник уезда, это тоже касается! – добавил его превосходительство.

– Я, конечно, предприму все возможное, – ответил я.

Его превосходительство Юань встал и вместе с Клодтом направился к выходу из зала. Но, пройдя пару шагов, он обернулся, будто что-то внезапно вспомнил, и как бы между прочим спросил:

– Начальник уезда, слышал я, что ты привез из провинции Сычуань к себе на службу сына Лю Пэйцуня?⁵⁸

– Да, ваше превосходительство, – абсолютно четко подтвердил я, – уезд Фушунь в Сычуани – родной край Лю Пэйцуня. Я в Фушуне одно время служил. Госпожа Лю с семьей сопровождала гроб с покойником в родные места. В знак дружбы во время сдачи экзаменов я приходил в дом к Лю, чтобы почтить память покойного, а также поднес семье десять *лянов*. Вскоре из-за чрезмерной скорби госпожа Лю отбыла на запад верхом на журавле. Перед кончиной она передала мне на попечение Лю Пу. Тот по характеру человек внимательный, дела ведет осмотрительно. Я и устроил его курьером при управе.

– Эх, начальник уезда Гаоми, человек ты бесхитростный, прямой, не лебезишь перед властью имущими, отличаешься глубокой любовью и преданностью, – с непостижимой таинственностью проговорил его превосходительство Юань. – Но подотстал от жизни.

Опустив голову, я сказал:

– Премного благодарен вашему превосходительству за наставление!

– Эй, Чжао Цзя, – сказал его превосходительство Юань, – а ведь ты этому Лю Пу – смертельный враг, убийца отца!

Гад за словом в карман не полез:

– Его казнь ваш покорный слуга выполнил исключительно по приказу императрицы.

4

Жена, что же ты больше не наливаешь мне? Давай-давай, наливай, наливай. И сама опрокинь чарочку. Ты бледна. Что ты плачешь? Жenuшка, не плачь, я уже принял решение. Ни в коем случае нельзя позволить, чтобы этот мерзавец заполучил сто *лянов* серебром и чтобы осуществились коварные замыслы этого подонка Клодта. И еще я никак не могу позволить, чтобы все вышло по желанию Юань Шикая. Юань изрезал на куски моего родного брата. Бесчеловечно! Жестоко! Ох, как безжалостно! У Юань Шикая на языке мед, а на сердце лед. Он мягко стелет, да жестко сплет. Он не сможет простить мне обиду. Разделается с Сунь Бином, а затем разделается и с несчастным сановником. Жена, как ни крути – все смерть, так лучше уж умереть в радости. В такие времена живут собаки, а мрут люди. Мы с тобой муж и жена уже десять с лишним лет, и хоть до сих пор не состреляли мальчика или хоть полдевочки, но живем в мире и согласии. Как говорится, муж запекает, жена подпевает. Завтра утром возвращайся-ка ты в Хунань, коляску для тебя я уже приготовил. В моей семье еще есть десять м у поливной земли, пять тростниковых домиков, за эти годы накоплено примерно триста *лянов* серебра. Этого будет достаточно, чтобы ты провела свои оставшиеся дни в грубой одежде и питалась простой пищей. Когда ты уедешь, мне не о чем будет беспокоиться. Эх, милая, не

⁵⁸ Лю Пэйцунь (также Лю Гуанди) – лидер реформаторов, «шести благородных мужей», казненных в 1898 году.

плачь, от твоих слез сердце разрывается. Жить в такой беспокойный век одинаково нелегко и чиновнику, и простолюдину. В смутное время человеку хуже, чем собаке в мирное. Жена, когда вернешься в родные места, возьми на воспитание сына второго младшего брата, пусть вместо тебя заботится о стариках и проводит их в последний путь. Я уже написал письмо, они не могут не ответить. Когда птица умирает, ее крик разрывает сердце; когда умирает человек, то для него находят добрые слова. Ты только, жена, ни в коем случае так не говори! Если ты тоже умрешь, кто будет жечь за меня траурные деньги? Ждать меня здесь ты тоже не можешь. Если ты будешь здесь, то я не смогу решиться на большое дело.

Жена, есть одно, в чем я перед тобой виноват, давно хотел сказать. Впрочем, рассказывать, в общем-то, нечего, ты и сама знаешь. У меня уже три года связь с Сунь Мэйнян, дочерью Сунь Бина, невесткой Чжао Цзя, она уже понесла ребенка от меня. Жена, в память о наших супружеских отношениях за эти десять лет, подожди, пока она родит. Если будет мальчик, то подумай, как увезти его в Хунань, а если девочка – ничего и делать не надо. Это последний мой наказ тебе. Прошу принять поклон от Цянь Дина!

Книга II. Брюхо свиньи

Глава 5. Бой борол

1

С подбородка новоназначенного начальника уезда Гаоми Цянь Дина водопадом свешивалась красивая борода. Он поднялся на присутственное место в зале. Со своей прекрасной бородой, умудренный коварством под стать злым духам, он внушал страх всем этим волкам и тиграм – письмоводителям шести отделов и другим чиновникам управы. Предшественник Цяня – уродливый тип с длинным носом и впалыми щеками, с жалкими волосенками на подбородке, как у крысы, – свою должность купил. Человек невежественный, он только и знал, что загребал деньги нечестным путем. Сидя в судебном зале, он походил на макаку, которая в замешательстве вечно хватается за уши и чешет щеки. Своей безобразной внешностью и бесстыжестью предшественник заложил прекрасные основания для прихода во власть Цянь Дина. Глядя на сидевшего с важным видом начальника уезда, мелкие чиновники в нижней части зала смотрели и слушали совсем по-другому. Восседавший наверху Цянь Дин с удовлетворением ощущал дружественные взгляды снизу.

Он сдал экзамены на степень *цзиньши* еще в правление Гуансюя, в год Овцы – 20-й год 60-летнего цикла. В одно время с ним сдавал Лю Гуанди – один из широко известной шестерки реформаторов⁵⁹. Лю был в списке сдавших тридцать седьмым, а Цянь – тридцать восьмым. После сдачи экзаменов Цянь задержался на два года в маленькой управе, потом посредством личных связей добился службы на периферии. Дважды он служил начальником уезда, сначала в Дяньбае в провинции Гуандун, потом в Фушуне в провинции Сычуань, а Фушунь как раз – родина Лю Гуанди. И Дяньбай, и Фушунь – места отдаленные и труднодоступные, одни бесплодные земли и бурные реки вокруг. Народ там жил очень бедно, и если бы даже Цянь вознамерился стать продажным чиновником, то большого наvara не получил бы. Поэтому третье назначение в Гаоми, где и транспортное сообщение получше, и материальное довольство побогаче, хоть и такое же по уровню, как два предшествующих, сам Цянь считал продвижением по службе. Устремления у него высокие, дух бодрый, красное лицо сияет блеском, густые брови, как спящие шелковичные черви, глаза блистают, как черный лак, борода лошадиным хвостом свешивается до края столика. Хорошая растительность на лице естественно добавляет лишние пять баллов к успеху на поприще чиновника. Сослуживцы подшучивали: «Братец Цянь, если бы Живая Будда⁶⁰ могла бы увидеть вас хоть одним глазком, пусть не сразу, но обязательно бы назначила вас начальником округа».

Жаль только, до сих пор не удается предоставить государю и императрице возможность взглянуть, насколько достопочтенный Цянь благороден и величественен. Глядя в зеркало и расчесывая бороду, он невольно глубоко вздыхал: к сожалению, подвела это величавое лицо бороды, дающая ощущение божественной легкости и радости.

На долгом пути из Сычуань в Шаньдун к новому месту службы, в маленьком храме на берегу Хуанхэ на границе с провинцией Шэньси Цянь вытянул жребий при гадании, и ему достался результат наиболее благоприятный из девяти возможных: много счастья и много

---

⁵⁹ В июне-сентябре 1898 года император предпринял попытку реформировать страну, но из-за мощного противодействия императрицы Цыси и ее сторонников смена курса обернулась полным провалом.

⁶⁰ *Живая Будда* – титул, которым обозначала себя императрица Цыси.

успеха. Текст на гадательной бирке гласил: «Если карась достигнет вод Западной реки, то гром ударит среди ясного неба». Предсказание потрясло его беспросветно мрачное среди меланхолии и безуспешности душевное состояние и наполнило лежащий перед ним путь уверенностью и надеждами. После прибытия в уезд, хоть и измученный тяготами путешествия верхом, а также немного простуженный, он, сойдя с коня, немедленно приступил к работе. Закончив прием дел от предшественника, он сразу занял свое присутственное место, чтобы дать аудиенцию подчиненным, и произнес инаугурационную речь. Он был в хорошем расположении духа, и поэтому прекрасные слова лились из него, как вода из источника, мощно и непрерывно. На его счастье, его предшественник был тупицей, который и двух слов связать не мог. Голос Цяня, и так притягательный и в некотором смысле даже царственный, в связи с заложенным простудой носом звучал еще более приятно, чем обычно. По выражению устремленных на него глаз Цянь понял, что добился ожидаемого результата. Закончив речь, указательным и большим пальцами он довольно свободно пригладил бороду и объявил, что покидает зал заседания. При этом он обвел глазами всех присутствующих, чтобы каждый ощутил на себе взгляд начальника. Он заставил их прочувствовать всю глубину и непостижимость своей фигуры. Одновременно и предупредительный удар в колокол, и знак одобрения. Потом он встал со своего места, повернулся и ушел, чистый и проворный, как свежий ветер.

На устроенном вскоре для местных именитых жителей ужине его мужественное лицо и красивая борода снова обратили на себя внимание многих. Слизь и заложенный нос к тому времени уже прошли. Выдержанное желтое вино и собачье мясо, которыми славится Гаоми, на все сто пришлись Цяню по вкусу: желтое вино расслабляет мышцы и оживляет циркуляцию крови, а собачье мясо улучшает цвет лица. Поэтому его лицо начало еще больше лучиться, а усы и борода стали еще более впечатляющими. Со стопкой в руке он громко, мощно и убедительно обратился к рассеявшимся сельчанам, решительно обещая в течение срока своего правления принести народу благоденствие. Его речь то и дело прерывали аплодисменты и приветственные возгласы, а по окончании бурные рукоплескания продолжались столь долго, сколько стораает наполовину палочка благовоний. Высоко подняв стопку, Цянь произнес тост в честь всех этих людей в маленьких шапочках-арбузных корках и с козлиными бородами. Они дрожа вставали, дрожа протягивали стопки, дрожа пили до дна. Цянь особо представил сельчанам одно из блюд на столе. Это была большая изумрудная капуста, живая, с виду не знавшая дыма и огня очага. Его подданные смотрели на это блюдо, но никто не осмеливался приступить к трапезе, все боялись, что начнутся шуточки, и они в один миг потеряют лицо. Цянь объяснил сельчанам, что на самом деле это готовое блюдо, а внутри него – с десяток известных редких деликатесов. Он тихонько поворошил капусту палочками, и кочан, вроде бы цельный, с хлопком стал распадаться, явив разноцветную начинку. Помещение тут же наполнилось изысканными ароматами. Селяне, по большей части сущие деревенщины, обычно привыкли наедаться до отвала мясом и рыбой. Такой новизны и живописности они никогда не видывали, а таких запахов им не доводилось нюхать. Подбадриваемые начальником уезда, они стали тыкать палочками, подцеплять на пробу капустные листья и, положив в рот, один за другим качали головами и рассыпались в похвалах. Вперед вышел уездный чиновник, ведавший налогообложением, советник Сюн и, не теряя времени, представил им супругу начальника уезда – новую матушку простого народа Гаоми, двоюродную внучку Цзэн Гофаня. Как бы невзначай Сюн заявил, что, мол, дева самолично явилась на кухню и приготовила для всех изумрудную капусту – знаменитое блюдо, рецепт которого передавался в их семье по наследству. Когда Цзэн Гофань служил в Пекине при главе министерства церемоний, он проводил на кухне неоднократные опыты, в результате которых и получилось это выдающееся произведение кулинарного искусства. Это блюдо объединяет в себе знания целого поколения известных сановников. Таланты Цзэн Гофаня проявились в первую очередь в литературном творчестве и военном деле, но и в кулинарии он также выделялся недюжинными способностями. Эти слова совет-

ника были встречены еще более горячими аплодисментами. На глазах нескольких пожилых селян выступили слезы и покатались по изрезанным морщинами щекам. Полившиеся вслед из ноздрей сопли повисли на реденьких бородках.

После трех стопок селяне стали по очереди произносить тосты в честь Цянь Дина и возносить ему хвалу. Каждый выражался по-своему, по-особенному, но никто не забывал сказать пару слов о бороде начальника. Кто-то говорил: начальник – поистине переродившийся Гуань Юньчан или возродившийся У Цзысюй⁶¹

---

⁶¹ У *Цзысюй* – китайский государственный деятель и военачальник периода Вёсен и Осеней (примерно 770–476 годы до н. э.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.